**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
Северо-Кавказский филиал**

СУДЕБНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Сборник научных статей

Краснодар
2026

УДК 34
ББК 67
С89

Рецензенты:

Савченко М.С., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»;*

Самусенко Т.М., *кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».*

С89 **Судебная юриспруденция: прошлое, настоящее, будущее:** сборник научных статей / Отв. ред. В.В. Ковалева, Ю.А. Микуленок. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2026 – 194 с.

ISBN 978-5-91718-814-0

В настоящем издании представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Судебная юриспруденция: прошлое, настоящее, будущее», состоявшейся 19 февраля 2026 г. в Северо-Кавказском филиале ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева». Сборник содержит статьи, посвященные комплексному анализу эволюции, современного состояния и перспектив развития судебной юриспруденции. Авторы исследуют исторические этапы становления судебной системы, анализируют актуальные проблемы судебного правоприменения, а также оценивают влияние процессов цифровизации, внедрения искусственного интеллекта и трансформации правовых институтов на судебную практику будущего.

Законодательство приведено по состоянию на 30.03.2026 года.

Сборник научных статей рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся проблемами судебной юриспруденции.

ББК 67
УДК 34

ISBN 978-5-91718-814-0

© Коллектив авторов, 2026
© Оформление ООО «Издательский Дом – Юг», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

I Секция «Судебная юриспруденция: историко-теоретический аспект исследования»

Голоманчук Эйда Владимировна,
Каюшникова Юлия Евгеньевна
Исторические аспекты формирования судебной юриспруденции мировых судей в России 6

Гончарова Анна Романовна
Цифровизация правосудия и судебное примирение: проблема отсутствия согласованных электронных процедур и пути регламентации 15

Дарда Алексей Владимирович
Эффективность правосудия: современное состояние и тенденции развития 28

Карапетян Лева Александрович
Судебная власть в оценке отечественной науки государственного права начала XX в. в контексте Основных государственных законов 1906 г. 39

Карнаушенко Леонид Владимирович
Сущность судебного толкования: теоретико-правовой анализ 44

Ковалева Виктория Викторовна
Понятийные ряды судебной юриспруденции 53

Лукьяновская Ольга Валерьевна
Цифровизация судопроизводства в Российской Федерации: перспективы и вызовы правовой системы 57

Мартыненко Борис Константинович,
Матюшенко Ксения Борисовна
Искусственный интеллект и проблемы деформации правосознания граждан 65

Микуленок Юлия Андреевна
Становление чрезвычайных судебных органов в Советской России в 1920-е гг. (на примере Революционных Военных Трибуналов) 71

Молибоженко Даниил Александрович
Судебная реформа 1864 года и ее значение для формирования судебной системы Российской империи 76

Палеха Роман Робертович,
Павлов Егор Андреевич
Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации и его роль в обеспечении единого правового и этического пространства правосудия 82

Симонова Светлана Сергеевна
Ювенальная юстиция в России: история и перспективы 93

Сташ Асиет Нурбиевна
Особенности реализации судебной реформы 1864 г. на территории Западного Кавказа 98

Таранюк Юлия Викторовна
Цифровизация толкования права и перспективы её практического применения 103

Тушканов Игорь Валентинович
Правовое регулирование процесса в полковых судах по Военно-судебному уставу 1867 г. 112

II Секция «Судебная юриспруденция в публичном и частном праве»

Александров Михаил Владимирович
Мотивированное постановление прокурора как инструмент уголовного преследования: эффективность и перспективы развития 123

Баграмян Валерий Викторович
Правовые основы гражданского иска прокурора в уголовном процессе 129

Бочкарева Екатерина Александровна,
Чуева Арина Сергеевна
Реформа института медиации в России: анализ «дорожной карты» и перспективы ее реализации в контексте совершенствования судебной юриспруденции 137

Бушев Алексей Евгеньевич
Уровни автономии роботов как ключевой критерий для отнесения к источникам повышенной опасности: особенности правового регулирования и судебной практики 144

Поляков Игорь Игоревич
Реестры цифровых платформ как основа информационного массива для подготовки судебного решения 153

Рудик Михаил Викторович,
Хаялиев Руслан Муратович
Принцип состязательности: проблемы теории и правоприменительной практики 163

Садикова Юлия Владимировна
Эффективность правоприменительной деятельности суда при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей в Российской Федерации 171

Соколова Оксана Владимировна
Проблемы толкования при рассмотрении гражданских дел на примерах судебной практики 177

Соколова Светлана Вячеславовна,
Шевчук Елена Павловна
Анализ судебной практики дел о возмещении вреда здоровью при оказании медицинских услуг 187

Юсупов Мохаммад-Бастани Рамзанович
Пределы усмотрения суда в процессе судебного толкования: на примере гражданского судопроизводства 191

I Секция «Судебная юриспруденция: историко-теоретический аспект исследования»

Голоманчук Эйда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
golomachuk-ev@ranepa.ru
Каюшникова Юлия Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
kayshnikova@yandex.ru

Исторические аспекты формирования судебной юриспруденции мировых судей в России

Аннотация. В статье осуществляется комплексный историко-правовой анализ генезиса и эволюции судебной юриспруденции мировых судей в России. Основное внимание концентрируется на ключевых этапах формирования особой судебной юриспруденции данного института. Авторами посредством применения историко-правового, сравнительно-правового и формально-юридического методов исследуется диалектика преемственности и новаторства в развитии компетенции, процедур и организационных основ мировой юстиции. Анализ исторических аспектов позволяет выявить устойчивые системные проблемы и факторы, определяющие практику функционирования мировых судей, что имеет значение для прогнозирования тенденций её дальнейшей модернизации.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировые судьи, судебная юриспруденция, историко-правовой анализ, Судебная реформа 1864 года, доступность правосудия, судебная система России.

Институт мировых судей в России представляет собой уникальное правовое явление, характеризующееся глубокими историческими корнями и сложной диалектикой преемственности и модернизации. Его формирование и эволюция неразрывно связаны с трансформацией российской государственности, поиском оптимальных моделей обеспечения доступности и эффективности правосудия. Современное возрождение этого института на рубеже XX–XXI веков, инициированное Федеральным законом от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», не являлось механическим копированием дореволюционных или зарубежных образцов, а стало ответом на системный кризис судебной системы, перегруженной в условиях социально-экономических преобразований. Исследование исторических аспектов формирования судебной юриспруденции мировых судей позволяет выявить устойчивые закономерности и контекстуально-обусловленные особенности становления низшего звена судебной власти, что имеет как теоретическое, так и практическое значение для понимания его современного статуса и перспектив развития.

Актуальность данного исследования определяется комплексом факторов. Во-первых, мировая юстиция в России исторически выполняла ключевую роль в обеспечении доступности правосудия, разрешая значительный массив малозначительных дел и разгружая вышестоящие судебные инстанции. Во-вторых, исторический анализ позволяет оценить причины как успехов, так и неудач в реализации концепции мировой юстиции, в частности, дуализм ее правового статуса (сочетание федеральных начал и полномочий субъектов Федерации), проблемы организационного и финансового обеспечения, которые сохраняют свою остроту. В-третьих, в условиях цифровой трансформации и роста судебной нагрузки обращение к историческому опыту поиска упрощенных процедур и примирительных механизмов приобретает новое звучание. Таким образом, изучение исторического пути формирования судебной юриспруденции мировых судей является необходимой основой для ее дальнейшего совершенствования.

Объектом исследования выступает судебная юриспруденция мировых судей в Российской Федерации как целостный институт, интегрированный в систему судов общей юрисдикции.

Предметом исследования являются исторические аспекты, закономерности и этапы формирования указанной юриспруденции, включая генезис института, его трансформацию в дореволюционный, советский и современный периоды, а также эволюцию его компетенции, процедур и организационных основ.

Целью статьи является комплексный историко-правовой анализ процесса формирования и развития судебной юриспруденции мировых судей в России, направленный на выявление преемственных черт, дискретных изменений и контекстуальных факторов, определивших ее современное состояние.

Современная модель, возрожденная в 1998 году, представляет собой сложный гибрид, в котором элементы, восходящие к Судебным уставам 1864 года (единоличное рассмотрение, апелляционный пересмотр, упрощенное судопроизводство), сочетаются с принципами, не известными дореволюционному праву (субъект Федерации как учредитель и организатор деятельности суда, двойное бюджетное финансирование, интеграция в единую систему судов общей юрисдикции). Ключевым историческим аспектом ее формирования стало не прямое заимствование, а инструментальное использование исторического наследия для решения острых проблем современности: катастрофической перегрузки федеральных судов, необходимости легитимации новой судебной системы и реализации конституционного принципа доступности правосудия. Дальнейшее развитие института, включая внедрение цифровых технологий и попытки решить проблему экстремальной нагрузки на судей, ставит новые вопросы к его исторически сложившейся организационной структуре и процессуальной форме. Таким образом, исторический анализ не замыкается на ретроспективе, а позволяет выявить глубинную структуру проблем и противоречий, определяющих современную повестку дня в сфере мировой юстиции, делая исследование теоретически и практически значимым для науки и правоприменительной деятельности.

Рассмотрим процесс формирования судебной юриспруденции мировых судей в России через содержание публично-правового статуса мирового судьи, при этом важным условием

является установить саму сущность и содержание статуса. Следует отметить, что необходимость определения содержания правового статуса судьи приобрела свою актуальность в условиях коренных конституционных преобразований, произошедших в нашей стране в начале 1990-ых годов Правовое положение судьи – это сложный и многоаспектный правовой институт, включающий в себя не только нормы конституционного права, но и положения административного и гражданского законодательства, права социального обеспечения, а также специальных норм уголовного закона – в части регламентации ответственности за посягательство как на самого судью как носителя государственной власти, так и на необоснованное вмешательство в отправление правосудия как самостоятельное направление государственной власти в условиях разделения властей.

Нормативное закрепление понятия «статус судьи» впервые появляется в отечественной правовой системе в Законе СССР от 4 августа 1989 года № 328-I[1]. Законом отдельно отмечается в ст. 1, что в социалистическом государстве судьи являются гражданами Союза, которые ответственны перед своими избирателями, приобретая обязанность неукоснительного соблюдения советских законов, а также использования своих знаний и опыта для отправления правосудия. Отдельно закреплено (ст. 2 Закона), что судьи должны «быть достойными своего высокого звания»; устанавливается равенство статуса судей и народных заседателей (однако, только при их непосредственном участии в рассмотрении и разрешении дел).

В отечественной правовой системе институт, аналогичный современным мировым судам, отсутствовал вплоть до XVIII столетия. Зарождение судебных учреждений, функционально и организационно приближенных к позднейшей модели мировой юстиции, связано с преобразовательной деятельностью Петра I. Однако наиболее существенное структурное развитие система судоустройства претерпела в период правления императрицы Екатерины II. Созданная ею оригинальная, соответствующая духу эпохи Просвещения, система судебного делопроизводства сохраняла свою

[1] Закон СССР от 4 августа 1989 г. № 328-I «О статусе судей в СССР» (не действует) // Бюллетень Верховного Совета СССР. 1989. № 5. С. 18–23.

актуальность и действовала на протяжении более чем ста лет, определяя базовые принципы отправления правосудия на местах.

Кардинальная трансформация этой системы была осуществлена в ходе Великой судебной реформы. Императорский указ от 20 ноября 1864 года «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» провозгласил совершенно новую для России архитектуру судебной власти. Согласно этому акту, судебная власть в империи отныне принадлежала мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату, который выполнял функции верховного кассационного суда. Данная структура заложила основы для формирования независимой и многоуровневой судебной системы.

Вопросы, касающиеся порядка избрания мировых судей, объема их полномочий, правовых возможностей и обязательств, а также функционирования съездов мировых судей, получили детальную регламентацию в отдельном законодательном акте – «Учреждении судебных установлений». Территориальная организация мировой юстиции была построена по принципу округов. Мировой округ, как правило, состоял из уезда и входившего в его состав города, хотя крупные городские центры могли формировать самостоятельные округа. Внутри каждого округа создавались судебные участки, количество которых обычно варьировалось от трех до четырех, и за каждым таким участком закреплялся один мировой судья.

Процедура замещения должности мирового судьи носила выборный характер и основывалась на принципах местного самоуправления. Избрание осуществлялось представительными органами – уездными земскими собраниями и городскими думами. Срок полномочий составлял три года. К кандидатам предъявлялся ряд строгих требований, сформулированных в форме цензов. К ним относились возрастной ценз (достижение 25-летнего возраста), образовательный ценз (наличие диплома о высшем или среднем образовании), а также служебный и имущественный цензы, которые гарантировали определенный социальный статус и материальную независимость будущего судьи. Эта система критериев была призвана обеспечить формирование профессионального и авторитетного корпуса мировых судей.

Так, к примеру, имущественные требования определялись для каждого из потенциальных мировых судей отдельно по губерниям – в среднем, он составлял в районе четырёхсот гектаров. Если кандидат не имел достаточного земельного надела, то объём имущества, подходящего под квалификационные критерии, предусматривался в денежной форме:

– для лица, претендующего на получение должности мирового судьи в городском округе – 3 тысячи рублей;

– для потенциального мирового судьи в уездном городе – 15 тысяч рублей;

– для мирового судьи, предполагающего осуществлять правосудие в Москве или Санкт-Петербурге минимальный размер имущества, был равен шести тысячам рублей.

Отметим, что кроме прямо предусмотренных для кандидатов в мировые судьи цензов, связанных с имуществом, возрастом, наличием опыта публичной службы, предусматривались, в том числе, и ограничения – во многом похожие на факторы, которые ограничивают наделение граждан статусом мирового судьи в современном отечественном законодательстве. Судьёй не мог стать человек, который находился под следствием, осуждён за совершение тяжкого преступления, лица, ранее уволенные с государственной службы по решению суда, банкроты, лица, состоящие под опекой за расточительство, а также представители духовного сословия (при этом предусматривалась возможность поступления в мировые судьи в случае сложения сана священнослужителя. Необходимо отметить, что закрепление положений «Учреждений судебных установлений» по России происходило достаточно медленно, лишь по прошествии 3-4 лет началось полноценное функционирование новых судов, а в отдельных губерниях мировые судьи начали исполнение своих полномочий только к 1882 году[1].

Следует также отметить институт т.н. «почётных мировых судей». Такие судьи не получали государственного жалования и привлекались к отправлению правосудия только в особых случаях, не прерывая при этом исполнения обязанностей по своей основной профессии. На почётного судью распространялся такой же статус, как и на «ординарных» судей судебного участка. Они

[1] Судебная реформа 1864 года в Российской империи / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, А. А. Демичева. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 70.

разбирали дела в пределах отдельного судебного округа (или участка) в ситуациях, когда стороны предполагаемого разбирательства не желали обращаться к участковому судье. Отмечается, что почётными судьями были либо известные в обществе правоведы, либо, наоборот, представители дворянства или помещики[1].

После своего избрания участковые и почетные мировые судьи утверждались Первым департаментом Правительствующего Сената, местным властям не подчинялись и были несменяемыми. Временное отстранение от должности допускалось только в случае предания их суду; при этом окончательно полномочия с мирового судьи могли быть сложены исключительно в результате собственной отставки, не переизбрания или вступления в силу приговора по осуждению судьи в совершении преступления (вне зависимости от отраслевой направленности содеянного).

Список дел, подлежащих ведению мировых судей, и виды наказаний, установленных, налагаемых мировыми судьями» были утверждены 20 ноября 1864 г. Судьи имели право накладывать следующие наказания:

- выговор, замечание, внушение;
- штрафы до 300 рублей;
- арест до 3 месяцев;
- заключение в тюрьму сроком до 1 года[2].

Проведение Судебной реформы 1864 года ознаменовало наступление третьего этапа, в ходе которого в России был учрежден специализированный судебный орган, территориально и процедурно приближенный к населению для разрешения малозначительных споров в упрощенном порядке — институт мировых судей. После событий 1917 года Декрет СНК РСФСР «О суде №1», в отличие от отношения к другим судебным учреждениям, не упразднил данный институт окончательно, а предусмотрел его временную приостановку с перспективой возможного восстановления, которая, однако, не была реализована на практике.

---

[1] Там же. С. 72.

[2] Бердегулова Л.А., Фахретдинов Д. История становления и развития института мировых судей в дореволюционный период России // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современном обществе Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации». Уфа, 2016. С. 17-20.

Идея воссоздания самостоятельной мировой юстиции была вновь актуализирована в период перестройки. Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 года предлагала модель, включавшую создание двух параллельных судебных систем: федеральной и республиканской. В рамках этой модели федеральные окружные суды, чья юрисдикция должна была распространяться на территорию целой республики, задумывались как связующее звено между республиканскими судами и Верховным Судом РСФСР, а также как многофункциональные инстанции (первая, апелляционная и кассационная). Несмотря на то, что предложение о формировании второго уровня мировой юстиции в виде окружных судов не получило законодательного закрепления, сама идея организации судебных округов, не совпадающих с административно-территориальным делением, сохранилась и в дальнейшем неоднократно обсуждалась в ходе конституционных и законодательных реформ.

До фактического возрождения института мировых судей основным звеном в системе судов общей юрисдикции оставался районный суд. Его название, унаследованное от советского периода, символически подчеркивало непосредственную связь суда с населением конкретной территории, что ранее коррелировало с порядком избрания судей жителями района. Изменение механизма наделения судей полномочиями, который стал основываться на назначении, а не на выборах, сделало это название в значительной степени историческим.

Четвертый и современный этап развития института связан с принятием Федерального закона от 17 декабря 1998 года «О мировых судьях в Российской Федерации». Этот закон заложил фундамент правового регулирования ключевых вопросов организации деятельности мировых судей: их интеграции в судебную систему России, распространения на них статусных гарантий судей федеральных судов, определения компетенции, установления квалификационных требований, порядка назначения (избрания), прекращения или приостановления полномочий, а также вопросов организационного и ресурсного обеспечения. Детальная регламентация осуществляется и в процессуальном законодательстве.

Особенностью современной модели является положение мировых судей как судей общей юрисдикции субъектов Российской

Федерации, входящих в единую судебную систему страны. Их правовой статус определяется комплексом нормативных актов различного уровня: Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральным законодательством, включая упомянутый закон о мировых судьях, а также законами субъектов Федерации.

Компетенция мирового судьи охватывает строго определенные категории дел. Во-первых, это уголовные дела о преступлениях, максимальное наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы, за исключением определенных составов, прямо изъятых из их подсудности законодателем ввиду повышенной сложности доказывания (например, убийство в состоянии аффекта). Во-вторых, к их ведению отнесены дела о выдаче судебного приказа. В-третьих, это ряд гражданских дел: о расторжении брака при отсутствии спора о детях; о разделе совместно нажитого супружеского имущества с оценочной стоимостью не свыше пятидесяти тысяч рублей; иные дела, возникающие из семейно-правовых отношений, за исключением дел об оспаривании отцовства, лишении родительских прав или усыновлении; дела по имущественным спорам (кроме споров, связанных с наследованием и интеллектуальной собственностью) при цене иска до пятидесяти тысяч рублей; дела об определении порядка пользования имуществом. В-четвертых, мировые судьи уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях, отнесенные к их подсудности Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, который содержит обширный перечень таких составов.

Итак, исторический путь формирования судебной юриспруденции мировых судей в России демонстрирует циклическую модель развития, характеризующуюся этапами созидания, отрицания и возрождения. Классическая модель, учрежденная Судебными уставами 1864 года, заложила фундаментальные принципы доступности, упрощенности и локальности правосудия, создав первый в истории России специализированный институт для разрешения малозначительных споров. Последующая радикальная трансформация правовой системы в советский период привела к формальному упразднению института, однако потребность в аналогичном функционале частично восполнялась иными формами. Современное

восстановление мировой юстиции, инициированное в конце 1990-х годов, следует трактовать не как механическую реставрацию, а как творческую адаптацию исторического опыта к вызовам новой эпохи, таким как необходимость разгрузки федеральных судов и создание эффективного механизма защиты прав на уровне, максимально приближенном к населению. Таким образом, судебная юриспруденция мировых судей предстает как живая традиция, в которой преемственность базовых социальных функций сочетается с изменчивостью организационно-правовых форм.

Перспективы дальнейшего развития судебной юриспруденции мировых судей связаны не столько с дальнейшей стилизацией под исторические образцы, сколько с поиском адекватных ответов на современные вызовы, включая цифровизацию процессуальных действий и необходимость гармонизации ее правового статуса в рамках единой судебной системы России.

Гончарова Анна Романовна
аспирант 2 года обучения кафедры гражданского права и процесса
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
ann089908@yandex.ru
Научный руководитель: Гончаров Александр Иванович
доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского права и процесса
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Цифровизация правосудия и судебное примирение: проблема отсутствия согласованных электронных процедур и пути регламентации

Аннотация. В работе рассматривается судебное примирение в условиях цифровизации правосудия в Российской Федерации и обосновывается вывод о том, что электронные технологии, прочно вошедшие в судебную деятельность, пока не сформировали

цельного правового режима для электронного формата судебного примирения. При наличии развитого электронного документооборота и дистанционного участия в заседаниях нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее –АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) не обеспечивают согласованной модели примирительных процедур в цифровой среде и фактически заставляют правоприменителя “приспосабливать” общие правила электронного взаимодействия к институту, который по своей природе требует особых гарантий добровольности и конфиденциальности. Анализ процессуальных норм, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 года № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» и практики показывает, что отсутствие специальных процедур порождает неодинаковые подходы судов к электронным ходатайствам о примирении, к порядку обмена проектами мировых соглашений, к подтверждению полномочий и идентификации участников, а также к вопросу о допустимости использования «переговорных» материалов при последующем рассмотрении дела по существу. Подчёркивается, что проблема состоит не в признании электронных документов как таковых, поскольку процессуальное право уже допускает электронные документы и электронные образы документов в доказывании, а в отсутствии специальных норм о процессуальной изоляции примирения и о защищённом цифровом контуре переговоров. На основе сопоставления с зарубежными подходами к онлайн-урегулированию споров формулируются предложения о внесении изменений в процессуальные кодексы и о разработке технических требований к информационным системам судов, направленных на создание нормативно закреплённой модели электронного судебного примирения как самостоятельного элемента цифрового правосудия.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, судебное примирение, электронное правосудие, мировое соглашение, онлайн-медиация, электронные документы, конфиденциальность, идентификация, процессуальные формы.

Цифровизация правосудия в Российской Федерации является долговременным направлением развития судебной системы и процессуального законодательства. Законодатель и правоприменитель связывают внедрение информационно-коммуникационных технологий с повышением доступности судебной защиты, снижением временных и финансовых издержек, ускорением рассмотрения дел, улучшением качества извещения и укреплением единообразия судебной практики. Этот курс выражается в расширении электронного документооборота, в возможности подачи процессуальных документов через государственные информационные системы, в развитии механизмов дистанционного участия и в формировании цифровых контуров доступа к материалам дела. Вместе с тем цифровая трансформация не охватывает процессуальные институты равномерно. Электронные каналы связи активно используются для “классических” процессуальных действий, прежде всего для обмена документами и участия в заседаниях, однако те механизмы, которые предполагают переговорный характер и повышенные требования к конфиденциальности, остаются в правовом смысле недостаточно адаптированными к цифровой среде. К числу таких институтов относится судебное примирение, значение которого в современном судопроизводстве объективно возрастает на фоне стремления к снижению конфликтности и к более устойчивому урегулированию споров.

Судебное примирение как процессуальный механизм представляет собой деятельность, осуществляемую в рамках судопроизводства и направленную на добровольное урегулирование спора сторонами при содействии суда либо судебного примирителя. Его специфика заключается в соединении диспозитивного начала, основанного на свободе усмотрения сторон в выборе вариантов разрешения конфликта, и публичного интереса, выражающегося в необходимости соблюдения законности, баланса прав участников и судебного контроля за итоговым результатом. В отличие от внесудебной медиации судебное примирение встроено в процессуальную форму, а потому должно сочетать гибкость переговоров с предсказуемостью процедурных рамок. Существенную роль в становлении института сыграло Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 года № 41 «Об

утверждении Регламента проведения судебного примирения»[1], которое закрепило понимание судебного примирения как самостоятельного процессуального инструмента, ориентированного на достижение устойчивого и исполнимого результата. Однако указанное разъяснение по своей структуре и смыслу преимущественно исходит из офлайн-реальности и не задаёт унифицированных электронных процедур, которые были бы сопоставимы по чёткости с правилами электронного обмена процессуальными документами и с регламентами дистанционных заседаний.

В настоящее время электронная инфраструктура судов представлена государственными информационными системами, обеспечивающими обмен документами, доступ к материалам дела и коммуникацию участников процесса. Наиболее развитые цифровые инструменты сосредоточены в арбитражной системе, где электронная подача документов и взаимодействие через соответствующие сервисы стали повседневной практикой. Однако сами по себе информационные системы проектировались главным образом под стандартные процессуальные действия и не содержат специально выделенного, нормативно обусловленного функционала для примирительных процедур. В результате судебное примирение либо проводится преимущественно вне цифрового контура, либо осуществляется в цифровой среде «по остаточному принципу», то есть с применением общих возможностей электронного документооборота и связи, без учёта специфики переговорного режима. Именно здесь возникает ключевая проблема: при внешне высокой цифровой готовности судов отсутствует согласованный правовой режим электронного судебного примирения как комплексной процедуры, что снижает предсказуемость и привлекательность института.

Для корректной правовой оценки необходимо отдельно подчеркнуть, что действующее процессуальное право в целом уже допускает электронные документы и электронные образы документов, а также закрепляет порядок подачи процессуальных документов в электронном виде. Следовательно, вопрос не сводится

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019. № 41 «Об утверждении Положения о судебных примирителях и о внесении изменений в Регламент Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. URL:https://www.vsrf.ru (дата обращения: 29.01.2026).

к признанию или непризнанию «электронной формы» как таковой. Проблема состоит в том, что общие нормы о цифровом взаимодействии недостаточны для примирения, поскольку примирение требует дополнительных процессуальных гарантий, прежде всего гарантий добровольности, конфиденциальности переговоров и процессуальной изоляции их содержания от последующего доказывания по делу. Когда таких специальных правил нет, правоприменитель неизбежно формирует различающиеся практики, а стороны не получают ясного ответа на базовые вопросы: каким образом оформляется согласие на электронный формат переговоров, как подтверждаются полномочия и личность подписанта при заключении мирового соглашения, кто и в каком режиме имеет доступ к проектам соглашения, каким образом исключается риск «утечки» переговорных материалов в дело и возможность их использования как доказательств при срыве примирения.

Отдельного внимания требует электронная подача и рассмотрение ходатайств о примирении. Формальная возможность подать ходатайство через электронные системы существует, однако для примирительных процедур одной лишь общей допустимости электронного обращения недостаточно. В переговорах принципиально важна ясная фиксация добровольного участия, поскольку любое сомнение в добровольности способно дискредитировать результат, породить жалобы и попытки оспаривания. В цифровой среде это осложняется тем, что инициирование примирения может происходить быстро и “технически легко”, но при этом не всегда обеспечивается достаточная процессуальная фиксация осознанного согласия на конкретный формат проведения примирения, на правила коммуникации и на участие судебного примирителя. В отсутствие унифицированного электронного протокола согласия и назначения примирителя возникают расхождения: одни суды рассматривают электронное ходатайство как достаточное волеизъявление, другие требуют дополнительных подтверждений, третьи фактически переводят процедуру в смешанный офлайн-режим, что снижает эффект цифровизации и затягивает сроки.

Сходные сложности возникают при электронном обмене проектами мировых соглашений и иных примирительных документов. Практика допускает направление проектов и подписанных документов через электронные системы при условии надлежащей

идентификации подписанта и подтверждения полномочий, однако унифицированного стандарта здесь нет. С одной стороны, электронная подпись позволяет обеспечить юридически значимое подписание, с другой стороны, остаются вопросы: какие способы идентификации должны считаться достаточными для конкретной процессуальной ситуации, как проверяется полномочие представителя именно на заключение мирового соглашения, как исключить ситуацию, когда в систему загружен документ, но фактически воля стороны выражена с дефектом или представитель вышел за пределы полномочий[1]. Кроме того, именно для примирения принципиально важны режим доступа и конфиденциальность: проект мирового соглашения часто содержит чувствительные условия, которые стороны обсуждают как варианты, а не как окончательную позицию. Когда проект, черновики и переговорные сообщения циркулируют через общий документооборот без специального статуса, появляется риск, что они будут приобщены к материалам дела, использованы вне переговорного контекста или станут предметом процессуальных споров, что снижает готовность сторон к конструктивному обсуждению.

Самым уязвимым узлом является конфиденциальность и процессуальная изоляция примирения. Содержание переговоров по своей природе отличается от процессуальной позиции стороны в споре. В ходе примирения стороны тестируют варианты уступок, обсуждают потенциальные компромиссы, иногда допускают условные высказывания и предложения “без ущерба для позиции в споре”. В офлайн-режиме многие элементы остаются в устной форме и не превращаются автоматически в документ. В цифровой среде коммуникация почти неизбежно оставляет след: сообщения, версии документов, комментарии, файлы. При отсутствии прямого процессуального запрета и при отсутствии отдельного защищённого контура возникает неопределённость, могут ли такие материалы использоваться как доказательства по делу, если примирение не состоялось. Даже если суд в итоге признает такие доказательства недопустимыми или не придаст им значения, сам риск их появления в деле создаёт “охлаждающий эффект”: сторо-

[1] Грязнова А.С. Судебное примирение: понятие, правовая природа и особенности применения / А.С. Грязнова, Т.Ю. Новикова // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2024. С. 155-163.

ны начинают говорить осторожнее, меньше раскрывают информацию и предпочитают не фиксировать существенные аспекты переговоров, что делает примирение менее результативным[1]. Поэтому для цифрового судебного примирения принципиально важна не декларативная, а именно процессуально обеспеченная конфиденциальность, выраженная в запрете на приобщение и использование материалов переговоров без согласия сторон, а также в установлении режима, при котором в деле отражаются только организационные сведения и итоговый документ, если он представлен на утверждение суда.

Наряду с этим цифровой формат обостряет вопрос статуса судебного примирителя и правил его взаимодействия со сторонами. В офлайн-практике допускаются различные тактики переговоров, включая отдельные встречи, но в цифровом пространстве такая коммуникация требует чёткой процессуальной рамки. Возникают вопросы о том, каким образом фиксируется согласие сторон на отдельные онлайн-сессии, как обеспечивается равенство возможностей и отсутствие процессуального перекоса, как исключается несанкционированная запись переговоров и последующее использование записей. Отсутствие регламентации здесь несёт двойной риск: либо стороны не доверяют процедуре и не используют её, либо достигнутый результат оказывается уязвимым для оспаривания по мотивам нарушения процедуры и прав участников.

Особую сложность представляет административное судопроизводство. Примирение там объективно ограничено спецификой публично-правовых споров, однако в тех случаях, когда примирение допустимо, отсутствие специальных электронных правил усиливает фрагментарность и разнородность практики. Участники и суды сталкиваются с теми же вопросами цифровой идентификации, подтверждения полномочий и конфиденциальности, но при повышенной чувствительности публичного элемента и при необходимости учитывать пределы диспозитивности. Следовательно, задача согласованной цифровой модели касается не только гражданского и арбитражного процесса, но и административного судопроизводства в пределах допустимого примирения.

---

[1] Долова М.О. Судебное примирение по гражданским делам / М.О. Долова, П.Д. Багрянская // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 104-119.

Сравнительно-правовые ориентиры показывают, что успешные модели онлайн-урегулирования споров строятся на сочетании процессуальных гарантий и технической стандартизации. Наиболее важными элементами являются закреплённый режим конфиденциальности переговоров, процессуальная изоляция материалов примирения от доказательственной базы, стандарты идентификации и подтверждения полномочий, а также использование специализированных платформ или выделенных модулей, отделённых от публичных материалов дела. При таком подходе цифровизация не «подменяет» правовые гарантии удобством интерфейса, а, напротив, обеспечивает их технически и процедурно.

Устранение выявленных проблем целесообразно осуществлять комплексно, одновременно в плоскости процессуального закона и в плоскости требований к информационным системам судов. На уровне кодексов необходимы нормы, которые прямо допускают проведение судебного примирения с использованием государственных информационных систем, определяют порядок выражения согласия сторон на электронный формат и закрепляют ключевой принцип: переговорные материалы примирения не должны становиться доказательствами по делу без прямого согласия обеих сторон[1]. Одновременно требуется нормативно определить, что итогом примирения в цифровом формате является либо мировое соглашение (или иное соглашение о примирении), представленное на утверждение суда и подписанное в юридически значимой форме, либо краткая фиксация факта недостижения примирения без раскрытия содержания переговоров. Такая конструкция позволяет сохранить судебный контроль над результатом и при этом обеспечить конфиденциальность процесса достижения результата.

В качестве законодательного решения предлагается закрепить в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ специальную норму об электронном судебном примирении, сформулированную в сопоставимой логике для всех видов судопроизводства. Текст предлагаемой нормы может быть изложен следующим образом: «Судебное примирение может проводиться с использованием государствен-

[1] Ермаков А.Н. Некоторые размышления о сущности судебного примирения в цивилистическом процессе и его правовом регулировании // Цивилистика: право и процесс. 2021. № 4 (16). С. 79-83.

ных информационных систем, обеспечивающих ведение судопроизводства, при наличии согласия лиц, участвующих в деле, если иное не установлено федеральным законом. Согласие на проведение судебного примирения с использованием информационных систем выражается путём подачи электронного ходатайства, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, либо путём подтверждения согласия в личном кабинете пользователя государственной информационной системы при прохождении идентификации в единой системе идентификации и аутентификации, либо путём заявления в судебном заседании с фиксацией в протоколе и последующим подтверждением в информационной системе. Суд определяет порядок, сроки и формат проведения электронного судебного примирения, включая использование аудио- или видеосвязи, с учётом мнения лиц, участвующих в деле, и необходимости обеспечения конфиденциальности. Информационная система суда должна обеспечивать идентификацию участников и проверку полномочий представителей, разграничение доступа к материалам электронного судебного примирения, защищённый обмен документами и сообщениями в рамках примирения, а также фиксацию организационных сведений о проведении примирения без фиксации содержания переговоров, если иное не согласовано всеми участниками. Итоги электронного судебного примирения оформляются мировым соглашением (соглашением о примирении), подписанным в электронной форме, либо уведомлением о недостижении примирения без указания содержания переговоров». В таком виде норма закрывает главный процедурный пробел: она не «разрешает интернет», а вводит юридически значимые условия электронного примирения, которые позволяют судам и сторонам одинаково понимать, что считается надлежащим согласием, как назначается формат, что фиксируется, а что принципиально не должно фиксироваться.

Вторым обязательным элементом является прямое закрепление процессуальной изоляции примирения. В настоящее время в российском процессуальном праве конфиденциальность переговоров судебного примирения выражена недостаточно определённо, а потому цифровая среда усиливает риски приобщения к делу переписки, черновиков и проектов соглашений. Чтобы устранить неопределённость, целесообразно дополнить нормы о доказа-

тельствах или специальные положения о примирительных процедурах прямым запретом на использование переговорных материалов как доказательств. Такая поправка может быть изложена в следующей редакции, одинаково применимой к ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ с редакционными различиями по стилю соответствующего кодекса: «Сообщения, предложения, заявления о намерениях, признания, проекты соглашений, переписка, аудио- и видеоматериалы и иные сведения, полученные или созданные в связи с проведением судебного примирения, не подлежат приобщению к материалам дела и не могут использоваться судом в качестве доказательств по делу. Указанный запрет не распространяется на мировое соглашение (соглашение о примирении), представленное на утверждение суда, а также на документы, подтверждающие полномочия представителей и факт выражения согласия на проведение примирения. Использование иных материалов судебного примирения допускается только при наличии прямо выраженного согласия всех лиц, участвующих в деле». Такая норма работает как «процессуальный предохранитель»: она снимает страх, что переговоры станут инструментом процессуального давления, и тем самым повышает готовность сторон раскрывать информацию и искать реальные компромиссы.

Отдельный блок правок должен касаться идентификации и полномочий, поскольку именно на этом чаще всего «ломается» электронное мировое соглашение. С точки зрения действующего права сама по себе электронная форма допустима, но при заключении мирового соглашения необходимо безупречно подтвердить, что документ подписан надлежащим лицом и что представитель имел полномочие именно на заключение мирового соглашения. Чтобы избежать практики, когда суды по-разному трактуют достаточность идентификации через разные цифровые каналы, в процессуальных кодексах целесообразно закрепить минимальный стандарт: либо документ подписан усиленной квалифицированной электронной подписью участника или его представителя, либо согласие и подпись подтверждаются через государственную идентификацию в информационной системе суда с последующим формированием электронного документа, содержащего сведения о способе подтверждения личности и времени совершения действий. В виде поправки это может быть оформлено так: «Миро-

вое соглашение (соглашение о примирении) может быть представлено в суд в электронной форме и подписано усиленной квалифицированной электронной подписью сторон либо их представителей. В случаях, когда информационная система суда обеспечивает подтверждение личности пользователя с использованием государственных средств идентификации и формирование электронного документа, допускается подписание мирового соглашения (соглашения о примирении) путём подтверждения в личном кабинете в указанной системе, при условии, что система фиксирует сведения о подписанте, способе идентификации, времени подписания и обеспечивает неизменяемость подписанного документа». Смысл такой нормы в том, чтобы законным путём «привязать» результат к надёжной идентификации, не сводя всё исключительно к усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) как единственному возможному способу, но и не допуская размытых и небезопасных механизмов.

Следующая важная правка связана с тем, как именно должны отражаться результаты примирения и как минимизировать споры о «процедурной чистоте». Для электронного примирения полезно закрепить, что в материалах дела отражаются только организационные сведения о назначении и проведении примирения и итоговый документ, если он представлен на утверждение суда. При недостижении соглашения фиксируется лишь факт окончания процедуры без раскрытия содержания переговоров. В законе это можно закрепить коротко, чтобы не перегружать кодексы: «При проведении судебного примирения не допускается составление и приобщение к делу документов, раскрывающих содержание переговоров и обсуждавшийся предложений, если иное прямо не согласовано всеми лицами, участвующими в деле. В материалах дела могут быть отражены сведения о назначении примирения, сроках и факте его проведения, а также итоговый документ, представленный на утверждение суда». Это одновременно защищает конфиденциальность и снижает риск процессуальных манипуляций вокруг «кто что сказал на примирении».

Для завершённости регулирования следует отдельно урегулировать вопрос о технической фиксации переговоров, потому что в цифровой среде запись разговора становится простой и рас-

пространённой[1]. Если закон не задаёт рамки, возникают два крайних сценария: либо запись ведётся тайно и затем используется как инструмент давления, либо стороны отказываются от онлайн-формата из страха записи. Наиболее сбалансированный вариант — закрепить презумпцию отсутствия записи, допуская запись только при согласии всех участников и с определением режима хранения и доступа. Поправка может выглядеть так: «Аудио- и видеозапись переговоров при проведении судебного примирения, в том числе в электронной форме, допускается только при согласии всех лиц, участвующих в деле, и судебного примирителя. При наличии согласия суд определяет порядок осуществления записи, хранения и доступа к записи с обеспечением конфиденциальности. При отсутствии согласия запись не ведётся, а использование несанкционированных записей при рассмотрении дела не допускается». Такая норма прямо подчиняет запись принципу добровольности и конфиденциальности и закрывает практический конфликт, который неизбежно возникает в онлайн.

Если речь идёт о гармонизации трёх кодексов, желательно закрепить аналогичные подходы и для административного судопроизводства, но с оговоркой о пределах допустимости примирения в публично-правовых спорах. Здесь важна аккуратная формулировка, чтобы электронный формат не расширил материально-правовые пределы примирения. Поэтому в КАС РФ целесообразно добавить уточнение: «Электронное судебное примирение допускается по административным делам в случаях и пределах, когда примирение допускается настоящим Кодексом и иными федеральными законами». Это обеспечивает нейтральность: цифровизация становится формой, а не основанием для расширения диспозитивности.

Вместе с изменениями в кодексы необходимы подзаконные требования к информационным системам судов, потому что без технической реализации нормы останутся декларацией. Однако в самой статье важно подать это не как «пожелания разработчикам», а как обязательные элементы правового режима. Здесь уместно предложить разработку ведомственного акта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации или совместного акта компетентных органов, устанавливающего требования к

[1] Трезубов, Е.С. Проблемы эффективности судебного примирения в российском цивилистическом процессе // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 4. С. 59-71.

модулю электронного судебного примирения в ГАС «Правосудие» и в арбитражной системе. Такой акт должен закрепить, что в системе создаётся отдельный защищённый раздел (электронный контур примирения), доступный только участникам примирения, судье (в объёме организационного контроля) и судебному примирителю, причём доступ к содержанию переговоров со стороны суда должен быть ограничен по умолчанию, чтобы не разрушать нейтральность примирительной процедуры. Система должна поддерживать разграничение прав доступа к документам, возможность обмена проектами соглашений с версионностью, но без автоматического приобщения к делу, фиксировать факт загрузки и подтверждения документов, обеспечивать неизменяемость итогового соглашения после подписания и формировать технический журнал действий, пригодный для проверки процедурных вопросов без раскрытия содержания переговоров. Там же должны быть установлены требования к защищённым каналам связи, к шифрованию, к срокам хранения примирительных материалов и к автоматическому уничтожению временных переговорных файлов по истечении установленного срока, если мировое соглашение не представлено на утверждение суда. Важным элементом является правило, по которому любой материал, созданный в контуре примирения, по умолчанию получает статус «конфиденциально» и не может быть перемещён в материалы дела иначе как через специальное действие, требующее подтверждения обеих сторон и судебного примирителя, за исключением итогового соглашения, которое стороны сами подают на утверждение.

Указанные предложения логично связываются с основной проблемой статьи: сегодня электронные инструменты есть, но они не настроены под примирение, а право не задаёт для них специальных процедур. Поэтому цифровизация примирения не может быть сведена к «возможности отправить файл в суд». Это должен быть отдельный процессуальный режим, который учитывает природу переговоров. Режим включает в себя юридически значимое согласие сторон на электронный формат, ясные правила идентификации и полномочий, запрет на использование переговорных материалов как доказательств, а также техническую инфраструктуру, гарантирующую конфиденциальность и предсказуемость. При такой конструкции электронное судебное примире-

ние превращается из случайной практики в самостоятельный, нормативно обеспеченный элемент цифрового правосудия.

Выводы исследования сводятся к следующему. Во-первых, цифровизация судопроизводства в России объективно опережает цифровизацию примирительных процедур, что создаёт нормативный дисбаланс: электронные средства активно используются для состязательного процесса, но не обеспечивают переговорный процесс должным образом. Во-вторых, основной дефицит заключается не в отсутствии «разрешения на электронную форм», а в отсутствии специальных правил, которые защищают добровольность и конфиденциальность и изолируют содержание переговоров от доказательственной базы. В-третьих, для преодоления фрагментарности требуется единая согласованная модель электронного судебного примирения, закреплённая непосредственно в процессуальных кодексах и поддержанная обязательными требованиями к информационным системам судов. В-четвёртых, предложенные поправки направлены на достижение практического эффекта: повышение доверия к примирению, рост числа устойчивых мировых соглашений, снижение нагрузки на суды и укрепление целей цифровизации правосудия.

Дарда Алексей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
kafedraotpd.tgpdarda@mail.ru

Эффективность правосудия: современное состояние и тенденции развития

Аннотация. Стремительное развитие судебной системы в настоящее время очень тесно связано с возможностью получения качественной правовой помощи при защите своих прав, в связи с чем вопрос повышения эффективности правосудия имеет особое значение. Целью настоящего исследования является изучение и

анализ эффективности правосудия на современном этапе. Для достижения данной цели необходимо, во-первых, определить и проанализировать основные критерии эффективности деятельности судов, во-вторых, определить обстоятельства, влияющие на качество и эффективность правосудия, в-третьих, раскрыть и провести анализ основных средств повышения эффективности правосудия, а также указать основные тенденции его дальнейшего развития.

Методологической основой настоящего исследования являются диалектический, системный, функциональный, формально-юридический методы.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что в обществе постоянно формируется потребность на доступное, максимально открытое и эффективное правосудие, основанное на принципе независимости судей. Реализация и воплощение в жизнь данного запроса предъявляют обновленные требования к личным и профессиональным навыкам работников судебной системы. Широко внедряемые и используемые информационные технологии действительно могут существенно повысить эффективность правосудия, однако не стоит забывать, что они имеют определенные недостатки и должна проводиться постоянная работа по их совершенствованию.

Повсеместное использование технологий искусственного интеллекта позволит сделать работу аппарата суда более легкой, ускорит рассмотрение дел и улучшит эффективность правосудия в целом. Реализация подобных технологий в судебном процессе максимально позитивно воздействует на эффективность правосудия посредством создания условий, при которых упрощается процесс реализации права с помощью судебного органа.

Реализация мер, направленных на повышение эффективности правосудия посредством постоянного совершенствования судопроизводства и его системной адаптации к возникающим вызовам, является необходимым условием дальнейшего своевременного развития всей судебной системы России.

Ключевые слова: эффективность правосудия, критерии эффективности правосудия, информационные технологии, искусственный интеллект, средства повышения эффективности правосудия, тенденции развития правосудия

В настоящее время в условиях стремительного развития нашего государства и постоянно трансформирующейся социальной среды особое значение приобретает стабильное полноценное функционирование механизма государства и последовательное развитие общества. Именно на суд возлагается главенствующая роль в обеспечении законности и правопорядка. В сложившихся обстоятельствах в рамках проводимой судебной реформы обеспечение доверия граждан к судебной системе и возможность гарантированного получения качественной правовой помощи при защите своих прав является условием, способным сохранить порядок в обществе и государстве. Особое значение в ходе реформирования судебной системы приобретает повышение эффективности правосудия, которое реализуется в увеличении скорости рассмотрения поступающих дел, возрастании доверия к судебной власти со стороны населения и обеспечении максимальной доступности всем членам общества. В обществе постоянно формируется потребность на доступное, максимально открытое и эффективное правосудие, основанное на принципе независимости судей. Реализация и воплощение в жизнь данного запроса предъявляют обновленные требования к личным и профессиональным навыкам работников судебной системы. Более того, вышеупомянутые требования продиктованы стремительно развивающимся законодательством и повсеместным практическим внедрением, и правовым обеспечением новых информационных технологий, без которых уже не мыслим правоприменительный процесс.

Эффективность правосудия представляет собой определенную способность судебной системы профессионально реализовывать возложенные на нее функции по развитию и поддержанию общественного правопорядка в государстве. В узком смысле данная эффективность может быть воспринята и оценена в виде определенной статистической отчетности деятельности судей и работников аппарата суда. Именно по данной отчетности происходит анализ всей деятельности на предмет социальной ценности, а также степени соответствия интересам и потребностям всего общества и государства.

В этой связи особого внимания заслуживает позиция А.Ю. Астафьева, который эффективность правосудия раскрывает в четырех аспектах: нормативном (качество законодательства),

процессуальном (качество судебных решений, своевременность, открытость правосудия), организационном (материальные, технические и кадровые ресурсы) и коммуникативном (культура взаимодействия судьи с участниками судопроизводства)[1]. Поддерживаем позицию автора относительно того, что оценка эффективности правосудия должна осуществляться не только с помощью исключительно юридических средств, но и в обязательном порядке учитывать такие критерии как справедливость и целесообразность. Некоторые аспекты оценки эффективности судебной деятельности, по мнению автора, вообще не поддаются выражению в конкретных цифрах, поскольку основывается на субъективном восприятии[2].

Оценка эффективности судебной деятельности может быть осуществлена в отношении деятельности конкретного судьи, судебного органа, определенного звена судебной системы или же самой судебной системы в целом.

В результате анализа современной научной литературы можно прийти к выводу о том, что в качестве основных критериев эффективности деятельности судов можно считать обеспечение реального доступа к суду, гласность рассмотрения дела, независимость и беспристрастность судьи, оперативность разрешения споров, абсолютная объективность при рассмотрении дела, высокое качество вынесенных правоприменительных решений и их исполнимость. В качестве сопутствующих факторов, влияющих на качество принимаемых решений и в определенной степени на эффективность правосудия можно считать качество действующего законодательства, качество юридического образования и профессиональной квалификации судей и работников аппарата судов и, конечно же, материально-техническое обеспечение всей судебной деятельности.

Факт существования определенных критериев оценки эффективности правосудия позволяет определять уязвимые места и оперативно реагировать на них. Более того, данные критерии являются своеобразными ориентирами, которым необходимо следовать все-

[1] Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия право. 2012. №1. С. 139.

[2] Там же. С.131.

му судейскому составу, в результате чего открывается возможность для внутреннего управления всей судебной системой.

Базовым критерием эффективности правосудия является соблюдение оптимальных сроков его реализации, поскольку их затягивание, как правило, влечет постепенную утрату доверия к судебным органам со стороны общества. Основополагающей причиной затягивания рассмотрения дел является повышенная нагрузка судей. При базовом подходе реализация разрешения дел в рамках установленных нормативных сроков обеспечивается благодаря увеличению активности самих судей и работников аппарата судов. С целью регламентации данной области деятельности по инициативе Верховного Суда Российской Федерации были созданы определенные стандарты профессиональной нагрузки для судей и работников судебной системы[1].

Целью обеспечения эффективности правосудия и беспристрастности судей, по нашему мнению, служит реализация такого принципа как независимость судьи, проявляющаяся в его внутреннем психологическом состоянии, в формате которого отражается существующая у него непосредственная система ценностей, а также гарантированные со стороны государства меры социального обеспечения и защиты.

За последнее время произошли серьезные изменения в обеспечении гарантий самостоятельности мировых судей. В частности, были порождены нормы, согласно которым должно происходить тесное взаимодействие органов власти субъекта и региональных советов судей в вопросе обсуждения и формирования регионального бюджета с учетом потребностей мировых судей. Кроме того, в отношении мировых судей усовершенствовалось законодательство, что позволило унифицировать правовые статусы мировых и федеральных судей и улучшить организационное обеспечение деятельности мировых судей, что существенно повысит гарантии их самостоятельности.

Безусловным средством повышения эффективности правосудия является планомерное повсеместное внедрение и активное развитие электронного правосудия. Внедряемые в рамках элек-

[1] Постановление X Всероссийского съезда судей от 01.12.2022. №1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

тронного правосудия цифровые технологии обеспечили максимальный уровень доступности, ускорили процесс судопроизводства, тем самым способствовали снижению нагрузки и существенному сокращению судебных расходов. Ключевым элементом рассматриваемых цифровых технологий является видеоконференц-связь. С её помощью участники процесса получают возможность взаимодействия в едином информационном пространстве при существенной экономии времени и финансовых средств. Однако при применении данной технологии имеются проблемы с ее качеством, поэтому для минимизации потери времени на организационно-технические моменты требуется предоставить качественное и современное техническое оборудование судам, а также проводить своевременный инструктаж работникам системы суда по работе с данной технологией.

Существенную роль в повышении эффективности правосудия выполняет такой элемент как ГАС «Правосудие». ГАС «Правосудие» реализует такие базовые функции как регистрация и учет дел, процедура назначения судебных заседаний, хранение и обработка всей поступающей информации, обеспечение доступа к этой информации. Данная система полноценно обеспечивает открытость, доступность и прозрачность всей судебной системы, что в конечном итоге способствует повышению доверия ко всей судебной системе со стороны общества. В результате автоматизации большого количества процедур происходит сокращение затрат на обслуживание (экономия времени), а также появляется возможность профилактировать ошибки при выполнении судебных решений. Кроме того, автоматизация процедуры регистрации и дальнейшего движения дела открывает возможности по предотвращению незаконного вмешательства, что укрепляет независимость всей судебной системы. Благодаря данной системе существенно возросла оперативность правосудия посредством увеличения скорости обмена информацией и документами внутри судебного органа и всей системы.

Однако не стоит забывать, что в системе ГАС «Правосудие» имеются уязвимые места в виде защиты информации, размещаемой в ней. Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос о создании в структуре судебной системы специальной службы, обеспечивающей цифровую безопасность и профилактирующей

несанкционированный доступ к ней. Помимо этого, современные условия диктуют необходимость в профессиональной профилактике хакерских атак на базы данных вышеупомянутой системы, в связи с чем, от государства необходимы огромные технические, финансовые и кадровые ресурсы, направленные на сохранение целостности системы. В противном случае, нарушение целостности или конфиденциальности системы может повлечь существенный ущерб интересам участников процесса или репутационные потери самой судебной системы.

Произошедший в октябре 2024 года масштабный сбой в системе ГАС «Правосудие» заставляет задуматься о таких профилактических мерах как создание специального отдела кибербезопасности (привлечение высококвалифицированных кадров с соответствующим финансовым обеспечением), применение профессиональных криптографических алгоритмов, а также проведение системных мероприятий по созданию резервных копий данных, с помощью которых будет иметься абсолютная возможность по восстановлению данных системы.

Ключевым элементом электронного правосудия, повышающим его эффективность, по нашему мнению, является искусственный интеллект. Функционал искусственного интеллекта направлен, прежде всего, на информационно-аналитическую поддержку судьи в течении всего правоприменительного процесса, в рамках которого неминуемо осуществляется поиск, анализ и дальнейшая интерпретация применяемого права. В результате проведенного искусственным интеллектом анализа может быть предложен проект потенциального правоприменительного решения, основанный на большом количестве уже имеющейся правоприменительной практики. Подобная ситуация, по нашему мнению, может иметь как плюсы, так и минусы. К плюсам смело можно отнести экономию времени на сбор сведений и документов по делу со стороны судьи и аппарата суда (скорость принятия решения напрямую обеспечивает его оперативность), а также существенное снижение физической нагрузки по выполнению данного объема работы. К потенциальным минусам можно отнести возможную сформировавшуюся со временем зависимость судьи от рекомендаций, сделанных искусственным интеллектом, возникающий риск порождения формализованных решений при отсут-

ствии скрупулёзного исследования всех обстоятельств дела, а также постепенное привыкание и, как следствие, профессиональную утрату сотрудниками аппарата суда способности к самостоятельному анализу информации по делу.

Помимо указанных обстоятельств необходимо отметить огромную способность систем искусственного интеллекта при анализе уже существующей судебной практики по конкретным категориям дел, а также оказание содействия при ведении делопроизводства, что существенно экономит время и облегчает нагрузку сотрудников аппарата суда. Крайне перспективным представляется использование искусственного интеллекта в судебном доказывании и оценке судебных доказательств[1].

Незаменимую функцию искусственный интеллект может оказать потенциальным заявителям, которые «загрузив» исходную информацию, могут получить достаточно точный прогноз по перспективе разрешения дела в суде, а также оценить все плюсы и минусы сложившейся ситуации. Искусственный интеллект может рационализировать выбор форм защиты нарушенных прав, оценить целесообразность применения досудебных механизмов и всех видов примирительных процедур, чем существенно повисит эффективность обращения в суд[2].

Основную помощь в оперативном рассмотрении дел оказывают системы искусственного интеллекта в осуществлении процессуальных действий и вынесении им промежуточных и итоговых решений. Подобным системам не составит особого труда выявить факты, которые могут свидетельствовать о злоупотреблении правом или умышленном затягивании разбирательства по делу. Кроме того, серьезная помощь может быть оказана при рассмотрении дел большого объема или в ситуации, когда от судьи необходимы специальные знания из других областей. Способности искусственного интеллекта по распознаванию речи и ее синхронному переводу самым благоприятным образом отразятся на нагрузке вспомогательного аппарата судьи.

В отношении открытости (гласности) рассмотрения дела технологии искусственного интеллекта имеют свои уязвимости, ко-

---

[1] Курочкин С.А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex Russica. 2022. №10. С. 159.

[2] Там же. С.158.

торые проявляются в невозможности изучения алгоритма, лежащего в основе рассмотрения конкретного дела и возможности сделать выводы на предмет корректности его логики. Данное обстоятельство, на наш взгляд, оказывает негативное влияние на степень доверия к подобным технологиям.

На качество вынесенных судебных решений будет влиять способность искусственного интеллекта осуществлять интерпретационную деятельность, а значит, в совершенстве владеть всеми доступными приемами и способами толкования. По нашему мнению, владение различными способами толкования демонстрирует высокий уровень правовой и профессиональной культуры и это, скорее всего, про человека.

Технологии искусственного интеллекта напрямую содействуют обеспечению реального доступа к правосудию. Они позволяют упростить и ускорить процедуру первичного обращения в суд, а также способствуют потенциальному сокращению стоимости юридических услуг, что напрямую улучшает доступ к правосудию. Данная задача реализуется посредством создания специальных программных алгоритмов, с помощью которых можно в автоматическом режиме сформировать первичные документы для обращения в судебный орган. Кроме того, запустив процесс выдачи судебных приказов в автоматическом режиме можно существенно уменьшить время данной работы и значительно снизить нагрузку аппарата судов.

Таким образом, повсеместное использование технологий искусственного интеллекта позволит сделать работу аппарата суда более легкой, ускорит рассмотрение дел и улучшит эффективность правосудия в целом. Электронное правосудие является важным и востребованным направлением дальнейшего развития всей судебной системы страны, поскольку именно с его помощью по-новому реализуются его базовые принципы и обеспечивается качественное судопроизводство. Реализация подобных технологий в судебном процессе максимально позитивно воздействует на эффективность правосудия посредством создания условий, при которых упрощается процесс реализации права с помощью судебного органа.

Поддерживаем точку зрения А.Ю. Ульянова о том, что повышению эффективности судебной власти способствует закрепление прав граждан на участие в отправлении правосудия и на

участие в управлении делами государства, которые реализуются через функцию общественного контроля над правосудием[1]. В результате реализации данного общественного контроля может формироваться истинная оценка и степень удовлетворенности в отношении всей судебной системы.

Одним из основных направлений повышения эффективности правосудия является специализация судебной деятельности, которая имеет огромное прикладное значение и проявляется, прежде всего, в распределении обязанностей между судьями внутри одного суда по рассмотрению конкретных категорий дел. Подобное положение дел, по нашему мнению, способствует накоплению определенного узконаправленного профессионального опыта и знаний и, безусловно, улучшает итоговые правоприменительные решения. В конечном итоге данная ситуация создает все условия для дальнейшего компетентного и оперативного рассмотрения дел и повышает общую эффективность правосудия. Специализация судов и судей в рассмотрении определенных категорий дел способствует углублению знаний судей в отдельных отраслях законодательства и практики его применения, повышению профессионализма, а, следовательно, более надежной защиты прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц[2].

Реализация принципа открытости судебной деятельности предъявляет к служителям Фемиды требования судейской этики при реализации информационных технологий и использовании социальных сетей. С этим «пространством» связаны повышенные риски, способные причинить репутационный вред как самому судье, так и всей судебной системе в целом. Именно поэтому следует разработать и применить на практике базовые рекомендации поведения судей и работников аппарата суда в социальных сетях. Необходимо всегда помнить о соблюдении высоких нравственных основ поведения судьи, поскольку именно они составляют фундамент авторитета всей судебной власти.

---

[1] Ульянов А.Ю. Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 249.

[2] Стус Н.В., Намитоков Ю.А. Судебная специализация как фактор повышения качества и эффективности правосудия // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. Белгород. 2023. С.38–44.

Если говорить о тенденциях дальнейшего развития и совершенствования судебной системы, то особое внимание следует уделить интервью председателя Верховного Суда Российской Федерации Краснова Игоря Викторовича издательству «Комерсантъ»[1], в котором он определяет следующие тенденции развития судебной системы:

- планируется повысить доходы судей и работников системы;
- планируется постепенное внедрение принципа ротации судей;
- особое внимание будет уделено повышению уровня профессиональной квалификации судей, в связи с чем региональные судьи будут ее проходить в Верховном Суде Российской Федерации, что поспособствует установлению единых подходов в правоприменении;
- планируется повышение социального статуса и уровня оплаты труда сотрудников аппарата судов, а также создание реальных карьерных лифтов в судейский корпус.

Абсолютно убеждены в том, что современные технологии искусственного интеллекта созданы, прежде всего, в целях облегчения, ускорения реализации, принятых итоговых правоприменительных решений и повышения общей эффективности деятельности судов. Широко внедряемые и используемые информационные технологии действительно могут существенно повысить эффективность правосудия, однако не стоит забывать, что они имеют определенные недостатки и должна проводиться постоянная работа по их совершенствованию.

Реализация мер, направленных на повышение эффективности правосудия посредством постоянного совершенствования судопроизводства и его системной адаптации к возникающим вызовам является необходимым условием дальнейшего своевременного развития всей судебной системы России.

[1] Интервью председателя Верховного суда Российской Федерации Краснова И.В. издательству «Комерсантъ» (19.01.2026 г.). URL: https://www.kommersant.ru/doc/8361511?ysclid=mok8up4fjt982938524 (дата обращения: 13.03.2026).

Карапетян Лева Александрович
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
leva.karapetyan.53@mail.ru
ORCID:0000-0001-61414619

Судебная власть в оценке отечественной науки государственного права начала XX в. в контексте Основных государственных законов 1906 года

Аннотация: В статье дан краткий анализ воззрений представителей отечественной науки государственного права о судебной власти в контексте Основных Государственных законов 1906 года. Обращается внимание на следующие вопросы: судебная власть как власть подчиненного управления в контексте ст. 22; степень независимости судебной власти от власти верховной; полномочия судебной власти; о соотношении компетенций суда и администрации; о статусе правительствующего Сената.

Ключевые слова: Верховная власть, судебная власть, Основные Государственные законы 1906 года, администрация, полномочия, Сенат.

Новая редакция Основных Государственных законов от 23 апреля 1906 года в контексте измененного под давлением революции государственного аппарата с включением в него парламента и коллегиального Совета министров вызвало в правовой науке острые неоднозначные трактовки. Значительное место в системе дискуссионных вопросов занимали проблемы, связанные с судом. Наряду с нечеткостью формулировок в законе, во многом это объяснимо принадлежностью авторов к либеральным и консервативным течениям отечественной правовой мысли. В соответствии со ст. 22 Основных Государственных законов 1906 года судебная власть была включена в сферу подчиненного

управления[1]. Это свидетельствует о том, что в Конституции отсутствовал классический принцип разделения властей, хотя законодательная власть императора была ограничена парламентом. Один из видных представителей консервативного направления П.Е. Казанский поддерживал данное положение следующим аргументом. Он исходил из того, что судебная власть, как власть исполнительная осуществляет правосудие, как один из видов управления, но не верховного, а подчиненного. Вместе с тем понимание судебной власти в более широком смысле, включая судебное правообразование, судебную администрацию, судебное верховенство, было бы ошибкой ее отнесение к подчиненному управлению[2]. В прежних Основных Государственных законах отсутствовала статья об императоре как главе судебной власти, формально таковой являлся Сенат. Но другой представитель данного течения Н.А. Захаров, отмечал, что это не означало исключение судебной власти монарха[3]. Рассмотрение проблемы судебной власти в главе «О верховной власти» Основных Государственных законов было связано тем, что законодательство и значительная (консервативная) часть правовой науки указанного периода связывали суды с подчиненными органами власти. Наука государственного права, как прошлого, таки и исследуемого времени исходили из практики деления государственной власти, согласно которой судебная власть тесно была связана с исполнительной властью, выполняющую функцию отправления правосудия. «Отправление правосудия есть, несомненно, не что иное, как один из видов управления, то есть государственной деятельности, направленной к достижению поставленных себе государством целей, причем, конечно, не верховной, а подчиненной»[4].

Редакция Основных законов 1906 года также относит судебную власть к власти подчиненного управления, а судебное верховенство принадлежит монарху. В главе «О существе верховной самодержавной власти» монарх был ограничен в законодательной власти, которую осуществлял совместно с парламентом

---

[1] Основные Государственные законы. Издание 1906 г. // Свод законов Российской империи / под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского. Т.1. Ч. Первая и Вторая, СПб, 1912. С. 2.

[2] Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М., 2007. С. 77.

[3] Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 145.

[4] Казанский П.Е. Указ. соч. С. 77.

(ст.7). Область верховного управления (административные полномочия), в соответствии со ст.10, передавали ему всю полноту управления в сфере прямого действия власти императора. В области же подчиненного управления часть власти монарха передавалась другим структурам и должностным лицам. В ст. 22 отмечается, что судебная власть осуществляется от имени государя императора судами, решения которых приводятся в исполнение именем императора. Ст. 23 связывает с именем императора помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прошение лиц, совершивших преступные деяния[1].

Таким образом, термин судебная власть применялся в значении организационной формы суда и функции правосудия. Речь шла о разделении функций между различными государственными органами, что соответствует принципу разделения труда. Сошлемся лишь на некоторые мнения юристов. Об этом говорил И.Я. Фойницкий и считал одной из крупных обязанностей государства является осуществление правосудия[2]. Далее он писал: «Судебная власть в узком смысле, за выделением момента судебного верховенства, образует систему подчиненных закону органов, призванных к применению закона в порядке судебного разбирательства». Все остальное он включал в понятие судебного верховенства (законодательство о судоустройстве и судопроизводстве; назначение и утверждение судей; контроля над судебной системой; право помилования и передавал в компетенцию монарха[3].

Тождественным, в сущности, являлась позиция С.И. Викторского. Говоря о верховной власти, он выделял в ней следующие структурные элементы – законодательную, исполнительную и судебную. Однако судебная власть, будучи частью верховной власти оставалась подзаконной, поскольку ее назначение применение закона в случае правонарушения[4]. Аналогично рассуждал и П.Е. Казанский, акцентируя внимание на полномочия монарха в осуществлении правосудия, включая верховное[5]. В целом, консервативное направление в российском государственном праве

---

[1] Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т.1. ч. 1. С. 2.

[2] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб., 1912. С. 157-159.

[3] Там же. С. 168.

[4] Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 84-87.

[5] Казанский П.Е. Указ. соч. С.84.

при определении характера судебной власти главным образом придерживалось позиции о наличии у императора особого верховенства. К тому же следует помнить о контроле над судом такой исполнительной структуры как министерство юстиции, что влияло на принцип независимости.

Иначе мыслили представители либеральной юридической мысли. В частности, Н.И. Лазаревский отрицал принадлежность судебной власти монарху, исходя из теории конституционализма»[1]. Он писал: «Под судебной деятельностью государства разумеют, прежде всего, имущественную деятельность по разрешению споров о праве. Споры эти могут происходить как у обывателей между собой, так и у обывателей в их столкновениях с органами власти»[2]. Отечественной теории судебной власти, конечно, были известны основные ее черты, отличающие это ее от термина, судебная система. Прежде всего, ученые обращали внимание на ряд ее признаков: 1. Разделение властей и защита судебной властью свобод личности от иных властей. Несмотря на то, что в новую редакцию Основных законов была включена глава «О правах и обязанностях российских подданных», в ней отсутствовали судебные гарантии их защиты. Так, С.А. Котляревский указывал на то, что разделение властей является условием осуществления естественных прав человека, а судебную защиту их прав считал важнейшей гарантией наряду с конституцией и законами. А.И. Елистратов также говорил об отсутствии в Основных законах судебной защиты[3]. 2. Право суда проверять конституционность законов. А.И. Елистратов по этому поводу утверждал, что задача суда по отношению к парламенту – проверка конституционности закона. Условием осуществления такой проверки он считал наличие конституционных законов, отличающихся по порядку пересмотра от обыкновенных законов. С.А Котляревский также считал, что Россия должна двигаться по

[1]Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т.1. СПб., 1910. С. 143-144.

[2] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 47.

[3] Котляревский С.А. Конституционные государства. Опыт политико-морфологического анализа. СПб., 1907. С. 86-87, 99; Елистратов А.И. Очерки государственного права. М., 1915. С. 150; Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. – М., 1912. С. 248.

пути государств, где Верховный Суд стоит на страже права[1], т.е. речь идет о придании суду функции конституционного контроля. 3. Наличие условий автономного существования судов. К числу важнейших признаков, обеспечивающих независимость суда, Ф.Ф. Кокошкин относил несменяемость судей и суд присяжных в уголовных делах. Аналогичного мнения был С.А. Котляревскимй, который считал серьезной угрозой право министра юстиции перемещать судей[2]. 4. Равенство перед судом, единые принципы ответственности, недопустимость административной гарантии должностных лиц.

Одним из вопросов, который объединял консервативных и либеральных юристов был вопрос о необходимости упразднения института административного усмотрения (привлечение к юридической ответственности должностных лиц за правонарушения с согласия их начальства). Против административной гарантии выступали многие дореволюционные ученые, в частности С.И. Викторский, С.А. Котляревский. Так, С.А. Котляревский отмечал, что административная гарантия предполагает недоверие самого государства к судебным органам, которое не соответствует положению суда в правовом государстве[3].

Наряду с концепциями ученых, необходимо обратить внимание и на теорию судебной власти Конституционно-демократической партии (кадеты), которой были присущи вышеназванные принципы и признаки. Кстати, упомянутые С.А. Котляревский и Ф.Ф. Кокошкин были членами кадетской партии. Партийная концепция судебной власти исходила из того, что власть, осуществляющая правосудие должна быть независимой и строиться на демократических принципах, поскольку суд является гарантом обеспечения законности, защиты прав и свобод чело-

---

[1] Котляревский С.А. Конституционные государства…С. 248, 250; Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 287; Елистратов А.И. Указ. соч. С. 143-144.

[2] Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 265-266; Котляревский С.А. Конституционные государства...С. 240; Котляревский С.А. Власть и право...С. 284.

[3] Котляревский С.А. Конституционные государства... С. 278; Викторский С.И. Указ. соч. С. 247.

века и гражданина[1]. Партийная фракция, представленная во всех четырех созывах Государственной думы начала XX в. предпринимала и практические шаги по претворению в жизнь вышеуказанных принципов. Однако новые Основные Государственные законы 1906 года с вышеуказанными положениями, не позволяли их реализовать, хотя и власть монарха была ограничена в законодательной сфере, что не могло не сказаться и на нормотворчестве по судоустройству и судопроизводству.

Таким образом, имело место различие трактовок судебной власти между консервативными и либеральными представителями отечественной науки государственного права. Первые в целом отождествляли понятие с термином судебная система, а вторые их разграничивали. Но их мнения совпадали относительно упразднения института административной гарантии.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории права и государства
Федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»
karnl@mail.ru

Сущность судебного толкования: теоретико-правовой анализ

Аннотация: Статья посвящена теоретико-правовому анализу сущности судебного толкования, его места в системе правового регулирования и соотношения с судебным нормотворчеством. Обоснован критерий разграничения интерпретации и правотворчества на основе текстуальной выводимости, системной согласованности и конституционной допустимости. Предложена трех-

[1] Карапетян Л.А. Теория судебной власти конституционно-демократической партии России в начале XX в.//Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23). С. 121.

уровневая модель оценки эффективности судебного толкования и определены его пределы.

Ключевые слова: интерпретация права, нормотворчество, правовая определенность, судебное толкование, эффективность.

Современная правовая система характеризуется усложнением правового регулирования, динамичностью общественных отношений и абстрактностью нормативных предписаний. Право не может эффективно функционировать лишь посредством формального закрепления норм: для реального воздействия на поведение субъектов они должны быть поняты, истолкованы и соотнесены с конкретными жизненными ситуациями. В этой связи толкование выступает необходимым условием реализации законодательной воли и структурным элементом механизма правового регулирования.

Особое значение в интерпретационной практике занимает судебное толкование. Осуществляя правосудие, суд придает абстрактной норме конкретное содержание, применимое к индивидуальному спору, преодолевает неопределенность законодательства и обеспечивает единообразие правоприменения. Однако именно здесь возникает принципиальная теоретическая проблема: в какой момент интерпретация перестает быть выявлением смысла нормы и превращается в ее фактическое преобразование. Отсутствие четких критериев разграничения толкования и нормотворчества порождает размытость границ судебного усмотрения и затрагивает фундаментальный принцип разделения властей.

Судебное толкование длительное время остается предметом научных дискуссий. В доктрине отсутствует единое понимание его природы и пределов: оно рассматривается как разновидность официального толкования, как особая форма правоприменения либо как явление, сближающееся с судебным нормотворчеством. При этом в научной литературе, как правило, фиксируется сам факт «размытости границ», но не формулируется критерий их определения. Между тем без такого критерия невозможно оценить допустимость расширительного толкования и пределы судебной интерпретации.

Несмотря на значительный массив исследований, остаются дискуссионными вопросы сущности судебного толкования, его соотношения с иными видами официальной интерпретации, спе-

цифики суда как субъекта толкования и критериев обязательности судебных актов. Актуальной остается проблема разграничения судебного толкования и судебного нормотворчества, поскольку именно в этой зоне формируется нормативно-ориентирующее влияние судебной практики.

В отличие от существующих работ, ограничивающихся описанием доктринальных позиций, настоящее исследование направлено на формулирование критерия разграничения судебной интерпретации и правотворчества. В качестве такого критерия предлагается тест институциональной допустимости, включающий три элемента: текстуальную выводимость интерпретации, ее системную согласованность и соответствие конституционным принципам. Именно совокупность этих признаков позволяет определить, сохраняет ли суд интерпретационный характер своей деятельности либо переходит к нормообразованию.

Актуальность и теоретическая значимость данной проблематики подчеркиваются в трудах И.С. Кич[1], К.В. Грибковой[2], Е.В. Пирмаева[3], М.В. Кучина[4], О.А. Глобенко[5] и других исследователей, что подтверждает устойчивый научный интерес к судебной интерпретации как самостоятельному теоретико-правовому феномену. Вместе с тем сохраняющаяся методологическая неоднозначность свидетельствует о необходимости выработки более строгой теоретической модели.

Представляется методологически оправданным анализировать судебное толкование, начиная с осмысления категории толкования права в целом, поскольку судебная интерпретация является производной формой общей интерпретационной деятельности, но при этом обладает специфическими властными и институциональными характеристиками, требующими самостоятельного теоретико-правового осмысления.

---

[1] Кич И.С. Судебное толкование в российской правовой системе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 97.

[2] Грибкова К.В. Роль судебного толкования в развитии законодательства // Аграрное и земельное право. 2022. № 8(212). С. 112.

[3] Пирмаев Е.В. Виды судебного толкования // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5. С. 1.

[4] Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 20.

[5] Глобенко О.А. О природе и пределах судебного толкования // Образование и право. 2022. № 6. С. 223.

В общей теории права С.С. Алексеев определял толкование как деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации, подчеркивая его функциональную связь с применением права[1]. Т.Н. Нешатаева конкретизирует эту позицию, указывая, что толкование включает уяснение содержания нормативного предписания и его разъяснение[2]. М.В. Кучин рассматривает толкование как деятельность по установлению содержания правовых норм, акцентируя его роль в правоприменении[3]. О.Л. Казанцева определяет толкование как процесс мыслительной деятельности, направленный на уяснение смысла правовых норм[4].

Сопоставление этих подходов показывает, что при различии акцентов все авторы исходят из понимания толкования как механизма раскрытия содержания нормы. Исходя из этого, толкование права можно определить как интеллектуально-практическую деятельность по выявлению и формулированию действительного содержания правовой нормы в целях ее применения.

Переходя к судебному толкованию, следует отметить отсутствие единого подхода к его определению. В доктрине выделяются три концепции: первая рассматривает судебное толкование как разновидность официального толкования, осуществляемого судом в процессе применения закона; вторая связывает его с формированием правоположений, обладающих нормативными свойствами; третья признает правотворческий характер судебной интерпретации и сближает ее с судебным нормотворчеством.

Е.В. Пирмаев определяет судебное толкование как интеллектуальную деятельность суда по уяснению и разъяснению смысла правового предписания, результатом которой является судебное решение[5].

---

[1] Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. С. 209.

[2] Нешатаева Т.Н. Судебное толкование // Конституционное, административное и международное право. 2023. № 1. С. 123.

[3] Кучин М. В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Российский судья. 2022. № 4. С. 16.

[4] Казанцева О.Л. Толкование права: проблемы юридической лингвистики // Юрислингвистика / Legal Linguistics. 2024. № 33. С. 13.

[5] Пирмаев Е.В. Проблемы эффективности судебного толкования // Российский судья. 2023. № 2. С. 7.

Учитывая изложенные позиции и специфику правосудия, судебное толкование целесообразно определить как осуществляемую судом в процессе правосудия интерпретационную деятельность по выявлению и формулированию смысла правовой нормы для разрешения конкретного дела, результат которой закрепляется в судебном акте, обладающем юридической силой.

Сопоставление толкования права в целом и судебного толкования позволяет выявить их отличия. Если толкование как общее явление может осуществляться различными субъектами и не всегда влечь юридические последствия, то судебное толкование осуществляется исключительно судом, реализуется в рамках правосудия, связано с разрешением конкретного дела и завершается принятием властного акта.

Главным отличительным признаком выступает субъект интерпретации: суд действует как носитель судебной власти. Пределы судебного толкования определяются пределами правового регулирования и компетенцией суда. Интерпретационная деятельность не сводится к механическому воспроизведению воли законодателя: суд осуществляет активное осмысление нормы с учетом принципов права и обстоятельств дела, что вытекает из его конституционной функции осуществления правосудия (ст. 118 Конституции Российской Федерации) и полномочия по обеспечению единообразного применения законодательства (ст. 126 Конституции Российской Федерации), а также из требований процессуального законодательства о законности и обоснованности судебных решений[1].

Властный характер судебного толкования проявляется в том, что его результат выражается в судебном акте, реализующем публичную функцию государства.

Вопрос об обязательности судебных интерпретаций остается дискуссионным. Например, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не наделены Конституцией статусом нормативных актов общего действия. Вместе с тем процессуальное законодательство предусматривает отмену судебных решений в случае неправильного толкования закона или нарушения

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

единообразия судебной практики, что фактически обязывает суды учитывать правовые позиции высшей судебной инстанции.

Разъяснения Пленума не являются источниками права в формальном смысле, однако обладают институциональной обязательностью внутри судебной системы. Их игнорирование создает основания для пересмотра судебного акта. Следовательно, речь идет не о нормативной обязательности для неопределенного круга лиц, а о механизме обеспечения единообразного правоприменения.

Такое сочетание ненормативного характера и обязательности для судов подтверждает особое положение судебного толкования в системе права.

С учетом его сложной правовой природы в теории сформировались различные методологические подходы к пониманию его сущности. Традиционно выделяют шесть таких подходов: позитивистский, буквально-формалистский, телеологический, герменевтический, аксиологический и интегративный.

Позитивистский подход связывает интерпретацию с установлением действительного содержания нормы в пределах ее юридической определенности. Буквально-формалистский ограничивает суд текстом закона. Телеологический ориентирует толкование на цели и назначение нормы. Герменевтический акцентирует процесс понимания нормы в контексте правовой системы и конкретного дела. Аксиологический связывает интерпретацию с реализацией ценностей и принципов права. Интегративный рассматривает судебное толкование в единстве с конкретизацией и формированием правовых позиций.

В современной российской практике преобладает интегративно-телеологическая модель, что подтверждается структурой судебной аргументации: суд исходит из текста нормы, однако при определении ее содержания систематически обращается к целям правового регулирования и принципам права, включая конституционные ценности. Между подходами существуют методологические противоречия. Буквальный формализм стремится к текстуальной замкнутости. Телеологический и аксиологический подходы допускают расширение смысла. Позитивистская ориентация на определенность ограничивает интерпретационную свободу. На практике данные подходы не противопоставляются, а сочетаются: текст выступает исходной границей интерпретации,

тогда как цели и принципы права выполняют корректирующую и ограничительную функцию при определении окончательного смысла нормы.

Именно это сочетание подходов актуализирует вопрос о пределах интерпретации. Понятие и сущность судебного толкования остаются дискуссионными, поскольку от их понимания зависит ответ на вопрос о границе между толкованием и судебным правотворчеством. Когда судебная интерпретация применяется для восполнения пробелов или устранения неопределенности закона, возникает проблема ее нормативности и допустимых пределов судебного усмотрения.

Изучение работ С.В. Потапенко и А.С. Даниеляна показывает, что судебная деятельность неизбежно сталкивается с дефектами нормативной базы, а их преодоление осуществляется через официальное толкование и конкретизацию[1]. М.В. Кучин отмечает[2], что судебное толкование может сохранять казуальный характер, но в ряде ситуаций приобретает нормообразующие последствия. К.В. Ображиев акцентирует внимание на отсутствии ясных критериев разграничения официального толкования и нормотворчества[3].

Таким образом, судебное толкование и судебное правотворчество рассматриваются как связанные, но не тождественные явления. Судебное толкование сохраняет интерпретационный характер до тех пор, пока результат может быть логически выведен из текста нормы, ее целей и системных связей. Если же правовая позиция суда формирует правило поведения, которое невозможно вывести ни из буквального содержания, ни из целей нормы, ни из принципов системы права, речь идет о судебном нормотворчестве.

Определение этой границы позволяет перейти к внутренней структуре самого судебного толкования. Изучив его природу, необходимо обратиться к классификации, поскольку через систему видов раскрываются пределы интерпретационной деятельности суда. В юридической науке выделяются критерии разграничения судебного толкования: по объему интерпретации, по субъ-

---

[1] Потапенко С.В., Даниелян А.С. Судебное правотворчество в контексте правовой системы России. М.: Норма, 2018. С. 12.

[2] Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 21.

[3] Ображиев К.В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 98–100.

екту и степени обязательности, по характеру правового воздействия и по функциональной направленности.

По объему судебное толкование подразделяется на буквальное (адекватное), расширительное и ограничительное. По субъекту и степени обязательности различают официальное судебное толкование и неофициальное; внутри официального выделяются нормативное и казуальное. По характеру правового воздействия судебное толкование может быть разъяснительным либо конкретизирующим. С функциональной точки зрения судебная интерпретация выступает средством устранения неопределенности и обеспечения единообразия правоприменения.

Анализ сущности и классификации логически выводит к следующему уровню проблемы – оценке результативности интерпретационной деятельности. Помимо природы и видов судебного толкования в теории права важной является проблема его эффективности, относимая к числу теоретико-правовых. Она заключается в определении степени соответствия интерпретационного результата требованиям правовой определенности, конституционным принципам и задачам правового регулирования при сохранении институциональных пределов судебной власти.

В научной литературе выделяются три подхода к пониманию эффективности судебного толкования. Первый подход связывает эффективность с достижением целей правовой нормы: если интерпретация обеспечивает результат, ради которого норма была принята, она признается эффективной; однако сами цели нормы могут толковаться по-разному и потому не всегда поддаются объективной оценке. Второй подход рассматривает эффективность через единообразие судебной практики и предсказуемость решений: чем стабильнее и согласованнее практика, тем выше эффективность; однако единообразие еще не означает правильность толкования. Третий подход понимает эффективность как совокупность обоснованности и целесообразности судебной позиции, но не формулирует четких критериев, позволяющих проверить, когда интерпретация действительно отвечает этим требованиям.

Обоснованным является рассмотрение эффективности судебного толкования через трехуровневую модель. На нормативном уровне она означает соответствие интерпретации тексту нормы, системе законодательства и конституционным ценностям. На институцио-

нальном уровне – устойчивость правовой позиции в судебной практике. На функциональном уровне – способность толкования устранять неопределенность без выхода за пределы компетенции суда.

Эффективность проверяется по следующим критериям: выводимость из текста нормы, согласованность с законодательством, конституционная допустимость, стабильность в практике высших судов и отсутствие систематической отмены решений по мотиву неправильного толкования. В этом случае она приобретает проверяемый характер: судебное толкование эффективно, если оно юридически обосновано, устойчиво и не подменяет правотворчество.

Эффективность зависит от соблюдения пределов интерпретации, к которым относятся текстуальные, системные, целевые и компетенционные границы, вытекающие из принципа разделения властей. Их определенность исключает произвольность и трансформацию толкования в нормообразующую деятельность.

Судебная интерпретация сопряжена с рисками. Расширительное толкование допустимо при одновременной выводимости из текста, соответствии целям нормы и согласованности с системой права; нарушение любого из этих условий означает выход за пределы интерпретации. Чрезмерное усмотрение и нестабильность правовых позиций подрывают принцип разделения властей и предсказуемость регулирования.

Допустимость расширения должна оцениваться по совокупности трех критериев: текстуальной обоснованности, системной согласованности и конституционной допустимости. Несоблюдение хотя бы одного из них свидетельствует о переходе от толкования к правотворчеству.

Проведенный анализ позволяет квалифицировать судебное толкование как институционально обусловленную форму интерпретации, осуществляемую в рамках правосудия и обладающую регулятивным воздействием. Оно сочетает интеллектуальный процесс установления смысла нормы с властным правоприменительным результатом, закрепляемым в судебном акте.

Установлено, что судебное толкование не тождественно судебному нормотворчеству. Критерий их разграничения сформулирован как кумулятивная проверка трех условий: текстуальной выводимости интерпретации, ее системной согласованности и конституционной допустимости. При несоблюдении любого из

этих условий интерпретация утрачивает производный характер и приобретает нормообразующее значение.

Разработана трехуровневая модель оценки эффективности судебного толкования: нормативный уровень (соответствие тексту и принципам права), институциональный уровень (стабильность правовой позиции), функциональный уровень (устранение неопределенности без выхода за пределы компетенции суда). Такая конструкция позволяет рассматривать эффективность как институционально проверяемую юридическую категорию.

Определены пределы судебного толкования – текстуальные, системные, целевые и компетенционные, – нарушение которых свидетельствует о выходе суда за рамки интерпретационной функции.

Тем самым судебное толкование теоретически определено как самостоятельный элемент механизма правового регулирования с установленными пределами допустимости и проверяемой эффективностью.

Ковалева Виктория Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
v.v.kovaleva@list.ru,
https://orcid.org/0000-0002-2704-2046

Понятийные ряды судебной юриспруденции

Аннотация. Статья посвящена исследованию судебной юриспруденции – правовой категории, воплощающей многогранность правосудия, судебной власти, судебной практики, судебного процесса. Как системообразующие широкое понятие она формирует структурный и функциональный понятийные ряды. Структурный понятийный ряд судебной юриспруденции включает в себя институциональный и процессуальный понятийные ряды, ко-

торые отражают внутреннюю форму судебной юриспруденции. Функциональный понятийный ряд выражает внешнее воздействие на правовое регулирование.

Ключевые слова: судебная юриспруденция, право, суд, правосудие, судебная система, правовые понятия, правовые категории, понятийные ряды.

В современных условиях общественного развития, отличающегося интенсивными изменениями, за которыми объективно законодатель не всегда успевает, еще большее значение приобретает судебная практика. В условиях правовых лакун, именно суд на основе принципов права принимает решения, отвечающие на социальный запрос. Отсюда возникает необходимость осмысления всех аспектов судебной власти, правосудия и судебной практики. Для этого в научном сообществе предложили категорию «судебная юриспруденция», которая, по нашему мнению, является, безусловно, удачной для характеристики всех взаимосвязанных явлений, связанных с правосудием.

Ввиду этого заслуживает внимание коллективная монография[1], посвященная судебной юриспруденции, в которой профессор Н.С. Бондарь верно отмечает, что исследование сложных, многоуровневых взаимосвязей между правом, правосудием, правовой жизнью общества, правовым функционированием государства приобретает принципиальное значение. В русле этих гносеологических подходов лежит и анализ, обоснование характеристик судебной юриспруденции как универсальной межотраслевой категории современного правоведения[2]. Данное понятие является довольно широким, вместе с тем, безусловно, представляется правильным и необходимым, так как еще советское правоведение находилось в поиске понятия, объединяющего все стороны судебного правоприменения. В данном контексте представляет интерес работа Э.М. Мурадьян[3]. При этом следует подчеркнуть, что

[1] Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н.С. Бондарь. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2025. 384 с.

[2] Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н.С. Бондарь. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 21.

[3] Мурадьян Э.М. Судебное право / Э. М. Мурадьян; Ассоц. Юридический центр. - Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова: Юридический центр Пресс, 2007. - 567

судебное право, как совокупность различных процессуальных отраслей, является лишь частью судебной юриспруденции.

В современной реальности существования искусственного интеллекта представляет интерес какую дефиницию судебной юриспруденции предлагает данный алгоритм. Обобщив существующую информацию искусственный интеллект сформулировал следующую дефиницию: «судебная юриспруденция — это практическая и теоретическая деятельность, связанная с разрешением правовых споров и защитой интересов граждан и организаций в суде»[1].

Таким образом, следует констатировать, что судебная юриспруденция новая категория, отражающее всю многоаспектность правосудия.

Для целей настоящего исследования необходимо раскрыть особенности судебной юриспруденции как системообразующего понятие для формирования собственного понятийного ряда. Ввиду этого следует обратиться к известной монографии профессора А.М. Васильева, в которой ученый писал, что при разрешении вопроса о категориальных структурах теории права возникает необходимость выделения какого-то первичного, отправного понятия, фиксирующего определенную логическую общность данных структур. Таковым является понятие «понятийный ряд правовых категорий». Понятийный ряд включает в себя определенное число категорий и выражает их группировку по установленному основанию[2]. Понятийный ряд объединяет правовые категории, находящиеся в поле действия определенной закономерности, фиксируя в отношениях включенных в него категорий необходимое, устойчивое, специфическое в структуре, формах проявления, развитии и других характеристиках права. Поэтому можно сказать, что понятийный ряд представляет собой такое подразделение в системе правовых категорий, с помощью которого фиксируются логические связи между включенными в него юридиче-

[1] URL: https://www.google.com/search?q=%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BF%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D1%8D%D1%82%D0%BE&oq (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Васильев, А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография / А.М. Васильев. – репр. изд. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 133-134.

скими понятиями, отражающие моменты единства и разнообразия правопроявлений в установленном отношении.

Понятийный ряд – структурное звено и необходимый компонент категориального строя теории права, отражающий специфическую логику взаимодействия отдельных сторон и проявлений правовой формы общественной жизни[1].

При этом А.М. Васильев выделял исторические, структурный и функциональный понятийные ряды.

Необходимо подчеркнуть, что о понятийной рядности пишет профессор Н.С. Бондарь: «каждое из явлений судебно-правовой действительности (суд, судоустройство, судопроизводство, судебная власть, правосудие и т. п.) имеет свое смысловое, функциональное, в том числе нормативно-правовое, назначение, все они могут быть объединены, выстроены в *понятийную рядность* (курсив наш – В.К.) как проявления тех или иных сторон и характеристик категории более высокого уровня абстракции – судебной юриспруденции[2].

Размышляя о понятийных рядах судебной юриспруденции, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, из трех видов понятийных рядов, предложенных А.М. Васильевым, в судебной юриспруденции особое значение приобретает структурный и функциональный понятийные ряды. Исторический понятийный ряд, в сущности, имеет общее значение для права в целом, и связанных с ним явления и процессов.

Во-вторых, структурный понятийный ряд в свою очередь включает в себя институциональный и процессуальные понятийные ряды. Институциональный понятийный ряд содержит понятия, определяющие структуру судебной системы т.е. институты как устойчивые формы ее организации, отсюда, и название «институциональный. Процессуальные понятийные ряды соответствуют определенному виду судебного процесса. При этом необходимо от-

---

[1] Васильев, А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография / А.М. Васильев. – репр. изд. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 133-134.

[2] Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н.С. Бондарь. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 21.

метить, что институциональные понятийные ряды выражают статику судебной юриспруденции, а процессуальные – динамику.

В-третьих, если структурный понятийный ряд отражает внутреннюю форму судебной юриспруденции, то функциональный понятийный ряд выражает внешнюю форму, воздействующую на различные сферы общественных отношений. В рассматриваемый понятийный ряд, по нашему мнению, входят такие понятия как: судебное толкование, судебное усмотрение, правовая позиция суда, судебная дефиниция, судебная доктрина. Указанные понятия существенным образом влияют на право и правовое регулирование, особенно в условиях стремительного развития социума.

Необходимо отметить, что судебная юриспруденция как важнейшее направление теоретических и прикладных исследований находится на стадии изучения, предложенная нами понятийная рядность, безусловно, требует глубочайшего осмысления, с течением времени понятийная рядность судебной юриспруденции будет возможно по-иному дифференцирована и дополнена. При этом перспективность исследования различных аспектов судебной юриспруденции не вызывает сомнения.

Лукьяновская Ольга Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»
lu806@yandex.ru

Цифровизация судопроизводства в Российской Федерации: перспективы и вызовы правовой системы

Аннотация: В данной статье исследуются проблемные аспекты процесса цифровизации в судопроизводственной деятельности. Изучены взгляды ведущих российских ученых-правоведов на цифровое правосудие. Проведен анализ рисков, связанных с внедрением цифровых технологий в систему правосудия, а также

осуществлена оценка применения новых информационных инструментов в работе судебных органов. На основе этого выделены основные направления и методы противодействия возникающим угрозам и вызовам, позволяющие сохранить гуманистические и справедливые начала осуществления судопроизводства. Всестороннее исследование выявленных проблем позволяет определить наиболее перспективные тенденции совершенствования процесса цифровизации в сфере правосудия.

Ключевые слова: правосудие, цифровизация, цифровое правосудие, электронное правосудие, искусственный интеллект.

В современную эпоху процессы цифровизации приобрели ключевое значение, охватив все сферы общественной жизни, включая государственно-правовые институты. Правовая система стоит перед необходимостью глубокой модернизации, вызванной интеграцией информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта. В результате внедрения этих инноваций трансформируются как процедурные аспекты права (судопроизводство и правоприменение), так и материальная сторона, включая правотворчество и юридический анализ. Это ведет к формированию принципиально новой структуры правового пространства.

Ввиду активной цифровизации судопроизводства в России судебная правоприменительная деятельность за последние десятилетия претерпела значительные трансформации. Первоначально цифровизация затронула только систему арбитражных судов, в последующем же распространилась и на систему судов общей юрисдикции.

В настоящее время в судебной системе Российской Федерации активно используются такие информационно-коммуникативные технологии, как СМС-уведомления сторонам и иным лицам, участвующим в судебных разбирательствах, электронный документооборот, использование систем видеосвязи и веб-конференций при проведении судебных заседаний, функционирование государственной автоматизированной системы «Правосудие» и др.

Безусловно, что внедрение в судопроизводственную деятельность цифровых инструментов способствовало обеспечению максимально удобного и быстрого доступа граждан к правосудию,

повышению эффективности судебного примирения, снижению временных затрат на подачу обращения в суд. Вместе с этим необходимо отметить, что наравне с рядом положительных результатов цифровизации в судопроизводстве вскрывается ряд серьезных проблем системного характера.

Проблема понятийной ясности и концептуальной определенности остается актуальной в современной научной и профессиональной дискуссии. В настоящее время широко употребляются такие термины, как «цифровое правосудие», «электронное правосудие» и «суд онлайн», наряду с другими формулировками.

Согласно позиции И.А. Умновой-Конюховой, цифровое правосудие следует рассматривать как технологическое обеспечение правосудия. Благодаря им возможно «усовершенствовать и повысить эффективность реализации функций правосудия, исходя из его сущностного предназначения на правовой основе объективно и справедливо, с одной стороны, и оперативно разрешать судебные дела и защищать права человека с другой»[1]. В рамках этой трактовки ключевые аспекты включают интеграцию документов в электронный формат, автоматизацию отдельных стадий дела, защиту персональных данных и обеспечение прозрачности процесса для участников.

Электронное правосудие – это метод и различные формы осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием современных информационных технологий всеми участниками судебного процесса. В связи с этим ряд исследователей отмечает, что благодаря электронному правосудию возможно проведение судебного заседания без физического присутствия сторон и других участников[2].

Необходимо согласиться с теми авторами, которые полагают, что электронное правосудие не следует отождествлять с широким спектром информационных технологий, применяемых в судах. Электронное правосудие следует рассматривать как специфическую институциональную практику, ориентированную на обеспечение функционирования судебной деятельности в цифровой

[1] Умнова-Конюхова И.А Правосудие в условиях цифровизации: актуальные аспекты становления и развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государства и право. 2022. №3. С. 65-66.

[2] См.: Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2024 году // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 66- 67.

среде, а не просто как совокупность технических средств. Такая позиция подчеркивает уникальные правовые, этические и процессуальные аспекты: доступ участников к процессу, сохранение процессуальных гарантий, прозрачность решений и возможность аудита, которые выходят за рамки характеристик отдельных информационных систем. Следовательно, электронное правосудие содействует правовому закреплению и практическому применению разнообразных IT-технологий в судопроизводстве. Отсюда цифровое правосудие – это одна из форм электронного правосудия, основанная на внедрении цифровых технологий. В результате этого процесса в судебной системе активно применяются цифровые базы данных и осуществляется их обмен между различными структурными элементами системы.

Цифровое правосудие охватывает не только использование электронных программ и систем, но и внедрение современных цифровых технологий и информационных сервисов, таких как искусственный интеллект, биометрические методы и другие инновационные инструменты, интегрированные в судебную инфраструктуру[1]. Оно представляет собой новую форму взаимодействия с участниками процесса посредством дистанционных технологий, а также обновленный формат обмена данными между различными ведомствами. Основой для реализации этих изменений служит электронное делопроизводство, поддерживаемое цифровой судебно-технической платформой. Все компоненты цифрового правосудия направлены на расширение доступа к правосудию, повышение его качества и увеличение эффективности работы судебной системы.

Эти ожидания отражают цель внедрения цифровых технологий: создать более открытое, оперативное и прозрачное правосудие, способное адаптироваться к современным требованиям. На практике же появляется немало вопросов о выполнении судами своей главной функции по защите и восстановлению нарушенных прав граждан.

Необходимо чётко понимать, что внедрение информационных технологий не трансформирует сущность судебной власти, которая остаётся публичной по своему характеру. Поэтому не-

[1] Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина и др. М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2021. С. 49–50.

правомерно считать, что суды в новых условиях должны предоставлять качественные услуги в привычном для гражданского права смысле. В связи с этим следует критически оценить позицию Я.В. Антонова, утверждающего, что ключевая задача электронного правосудия заключается именно в улучшении качества судебных услуг[1].

Авторы монографии «Электронное правосудие» справедливо подчёркивают, что повышение качества судебной защиты и принимаемых судом решений нельзя рассматривать через призму предоставления услуг. Термин «услуга» по своей природе относится к гражданско-правовой сфере, а осуществление правосудия, напротив, не подпадает под это определение и не может быть отождествлено с оказанием гражданско-правовой услуги.

Таким образом, важно сохранять представление о судебной власти как о публичном институте, вне зависимости от цифровых инноваций, направленных на повышение эффективности и доступности процесса правосудия.

Еще одна проблема, возникающая как следствие внедрения цифровых технологий в судопроизводственную деятельность, – это сохранение юридической значимости фундаментальных принципов правосудия. Так, в качественно новых реалиях (например, использования дистанционных механизмов ведения судебных заседаний) принципы непосредственности, устности и гласности судебного разбирательства переживают серьезную модификацию. Виртуальное присутствие участников не может в полной мере обеспечить установления доверительного межличностного контакта, адекватного восприятия психологических особенностей поведения участников, специфики их невербального общения, что является важнейшей основой формирования внутреннего судейского убеждения, на основе которого в последующем судья примет обоснованное и справедливое решение по рассматриваемому делу.

Следующей проблемой цифровизации деятельности судов является использование искусственного интеллекта. Его применение позволяет разрабатывать и внедрять упрощенные алгорит-

[1] Антонов Я.В. Реалии и перспективы развития системы электронного правосудия в российской и европейской практике // Российский журнал правовых исследований = Russian journal of legal studies. 2016. № 4 (9). С. 15-16.

мы подготовки и вынесения судебных актов при рассмотрении судебных дел. В этом контексте искусственный интеллект предназначен для поддержки судьи в принятии законно обоснованных решений по каждому конкретному делу.

Вместе с тем в этом направлении можно увидеть огромные риски дегуманизации права, предвзятости и невозможности справедливо оценить индивидуальные особенности рассматриваемого судебного дела. Применение искусственного интеллекта ни в коем случае не должно ущемлять гуманистическую сущность правосудия, основанного на принципах объективности и справедливости. Эти качества выходят за рамки математического моделирования и программных алгоритмов. Поэтому искусственный интеллект может выступать исключительно в роли помощника судьи, но ни в коем случае не способен заменить его. И здесь нельзя не согласиться с мнением И.А. Умновой-Конюховой о том, что «правосудие, вершимое людьми для людей, – это непреложный принцип человеческой цивилизации, отражающий естественно-правовую природу и гуманистическую сущность права. Таким должно оставаться не только настоящее, но также должно и выстраиваться будущее правосудия».[1]

Говоря о перспективах использования искусственного интеллекта в судебной практике, судья Арбитражного суда города Москвы В.А. Лаптев отмечает, что в ближайшем будущем искусственный интеллект сможет выполнять ряд технических функций. К ним относятся, например, расшифровка и оцифровка судебных документов с последующим переводом на русский язык, цифровое протоколирование судебных заседаний, автоматизированное определение специализации судей по категориям дел и распределение дел по соответствующим судебным составам, а также администрирование выдачи исполнительных листов в электронном формате с последующим контролем их исполнения. Кроме того, ИИ сможет выполнять часть обязанностей в роли голосового помощника или чат-бота[2].

Для заинтересованных сторон существенную поддержку могут оказать специальные программные алгоритмы, позволяющие

[1] Умнова-Конюхова И.А. Указ. соч. С. 75.

[2] Искусственный интеллект в суде: как он будет работать. URL: https://pravo.ru/opinion/232129/?desc_chrono_2_1 (дата обращения: 16.02.2026).

автоматически формировать документы, необходимые для подачи в суд.

Считаем, что искусственный интеллект может эффективно применяться при подготовке и юридическом оформлении судебных решений по бесспорным делам. Это, к примеру, касается приказного упрощённого производства, при котором дела рассматриваются без вызова сторон и судебного разбирательства по требованиям до 500 тысяч рублей. В такой ситуации рутинные задачи судей и их помощников – заполнение бланков приказов необходимой информацией, их печать, подписывание и отправка – могут быть полностью автоматизированы с использованием современных информационных технологий. Многолетний опыт использования подобной процедуры при автоматическом оформлении постановлений по делу об административном правонарушении, когда нарушены правила дорожного движения, что установлено электронными средствами видеофиксации, значительно снижает загруженность уполномоченных органов по составлению и отправлению подобных документов.

При этом опять же стоит подчеркнуть, что функция контроля и принятия окончательного решения по рассматриваемому спору должно оставаться за судьей. Мы разделяем точку зрения Р.С. Поскрякова, который утверждает, что использование искусственного интеллекта должно базироваться на принципах ограниченности, выборочности и приоритета человеческого решения. Согласно его мнению, нельзя возлагать на машину ответственность за принятие решений, влияющих на судьбы множества людей. Искусственный интеллект должен выступать в роли помощника там, где не требуется творческий подход. Чрезмерное применение его может привести к нежелательным последствиям[1].

Внедрение современных цифровых технологий в судопроизводство обладает множеством преимуществ. Вместе с тем, оно сталкивается с рядом технических, юридических и кадровых вызовов. Комплексное решение этих вопросов становится ключевым фактором успешной модернизации судебной системы Российской Федерации. Государственная стратегия по решению обо-

[1] Поскряков Р.С. Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности. URL: http://www.journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/12/statya-poskryakov-itog.pdf. (дата обращения: 16.02.2026).

значенных выше проблем цифровизации в правосудии предполагает реализацию следующих мер.

Во-первых, требуется терминологическое разграничение и концептуальная ясность различных юридических категорий, как цифровое правосудие, электронное правосудие и др. Такого рода дифференциация в обязательно порядке должна быть сделана как на законодательном, так и на доктринальном уровнях, что в конечном итоге позволит сохранить смысловую природу правосудия и принципов его осуществления.

Во-вторых, применение информационных технологий требует строгого внимания к вопросам кибербезопасности. Необходимо как можно быстрее разработать и внедрить подробные и чёткие процессуальные протоколы, и инструкции, регулирующие процедуры аутентификации и подтверждения личности участников удалённых судебных заседаний. Также крайне важно гарантировать конфиденциальность электронной доказательной базы и предотвратить возможность её оспаривания. Кроме того, следует определить чёткий алгоритм действий на случай возникновения кибератак.

В-третьих, цифровизация правосудия с одной стороны способствует повышению доступности и технической эффективности судебного процесса, но с другой – вызывает обеспокоенность относительно сохранения фундаментальных процессуальных принципов с гуманистическим содержанием. В связи с этим внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство должно быть направлено на оказание помощи судье в выполнении механической работы, касающейся подготовки и оформления судебных актов.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в сферу правосудия – это объективно востребованный и в значительной мере полезный процесс, который способствует повышению качества и оперативности судопроизводства, а также частично снижает вероятность судебных ошибок. В то же время такой переход требует максимально внимательного и продуманного подхода к выбору оптимальных методов взаимодействия человека и технологии в рамках судебной деятельности.

Мартыненко Борис Константинович,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
ckvorcov@inbox.ru

Матюшенко Ксения Борисовна,
старший преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
martinkb@inbox.ru

Искусственный интеллект и проблемы деформации правосознания граждан

Аннотация: В статье обозначается проблема воздействия искусственного интеллекта (далее – ИИ) на правосознание граждан, что довольно актуально для сегодняшнего дня. К сожалению, многие оценивают искусственный интеллект как прорыв в информационном пространстве забывая, что помимо пользы вполне возможно и реальное причинение вреда правовому сознанию.

Ключевые слова: деформация, правовое сознание, искусственный интеллект (ИИ), государство, гражданин, права и свободы, интеллектуальная собственность, информационная безопасность.

Сегодня только ленивый не рассуждает о ИИ. Все говорят о необычайных возможностях, что открываются перед людьми в связи с его широким использованием. Нельзя забывать, что ИИ –

это как всего лишь самообучающаяся программа, созданная человеком для облегчения решения целого ряда задач.

Так что же такое искусственный интеллект?

Сегодня лишь «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», делая важнейшую оговорку – «только для целей Стратегии» дает его определение: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[1].

Опираясь на это определение, мы видим, что это лишь подобие человеческого интеллекта. Не более того. Ну, во-первых, потенциал что-либо делать в машину необходимо заложить. Сама машина этого сделать не может, особенно на этапе создания. Для этого нужен человек. Во-вторых, ИИ будет алгоритмичен. Он не будет способен к преобразованиям, а лишь только занимается обработкой и систематизацией информации.

Если все это взять во внимание, то центральное отличие ИИ от интеллекта человеческого – это наличие бессознательного. Только сознание, обладает признаками целеполагания, целесообразности и творчества[2].

Юристы при рассмотрении вопросов права используют понятие «правосознание». Этот термин включает в себя сумму чувств, суждений, мнений и т. п. Именно в них отражено отношение субъектов права не только к действующему праву, но и к вновь создаваемым юридическим нормам.

Понимая так правосознание, мы подразумеваем только психическую экстраполяцию визуализируемых норм. Мы их воспринимаем как искаженные. Ну или более или менее пропорцио-

---

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». UR: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 22.01.2026).

[2] Антюшин С.С., Горностаева Л.Г. Философия: учебник для студентов юридического вуза. М.: РГУП, 2016. 515 с.

нальные. Конечно же, всё это роднит правосознание с позитивным психологическим процессом.

В.П. Малахов полагает, что правовое сознание это и рациональное, и иррациональное. Рациональное правосознание – это осмысленное отношение к праву, то есть – это регулятор юридически важного поведения. А иррациональное правосознание – это неосознанная (бессознательная) форма постижения права. Именно иррациональное правосознание основано на правовых познаниях, перешедших к нам от предков[1].

Правосознание следует воспринимать как целостный сумму идей, понятий, эмоций и взглядов отдельных лиц, социальных слоев и классов о действующем праве, законности и правосудии. Хорошо сформированное правосознание характеризуется высоким уровнем юридических знаний. Оно включает в себя общечеловеческие ценности. Оно гуманно[2].

В этой связи А.А. Гирько верно определяет смысл российской нравственности: «Во-первых, в восприятии социальной реальности преобладает пассивно-критическое, иронично-скептическое отношение. Характерной тенденцией в массовой морали являются смиренность и терпимость. Во-вторых, критичность общественного сознания связана с ориентацией и в идеологии, и в повседневной жизни на идеальное долженствование, на завышенные оценки. Все элементы и стороны духовности окрашены противостоянием добра и зла. В силу этого ярко выражена тенденция к морализированию по поводу любых явлений жизни в любой ее сфере. В-третьих, для российской морали характерна ориентация на интуитивно-обычное восприятие требований, а стало быть, на мораль «по обстоятельствам», на готовность человека к отклонениям от моральных предписаний, если отсутствует внешнее давление. Самое важное, однако, что обязательность и правильность этих требований очевидна и неоспорима для каждого. Причем, ситуативность морали обусловливается обычно не практическими соображениями, а каким-то нерациональным, бесцельным противлением «из принципа». В-четвертых, она ха-

[1] См.: Дудченко Л.В. Особенности проявления российского правового менталитета в правосознании различных социальных групп: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 25 с.

[2] Reddy S. Social Justice in Social Stratification: Human Rights, Law and PILs // Global Journal For Research Analysis. 2017. Vol. 2. Is. 4. P. 579-580.

рактеризуется в целом негативным отношением к рационально-прагматическому образу жизни, а в особенности, к благополучию, достатку, обогащению, к повышению социального статуса человека. В-пятых, для российской морали характерна разорванность между идеально-моральной и нравственно-обычной сторонами жизни, не просто естественное несоответствие идеальности и реальности, а ярко выраженный и настойчиво воспроизводимый параллелизм функционирования высокой моральной идеологии и достаточно грубых и жестоких нравов. Многие исследователи отмечают противоречивость характера русского народа, сочетание в нем возвышенности, одухотворенности, смиренности, долготерпения с жестокостью, забитостью, убогостью (во всем богатстве значений этого понятия)»[1]. Ну нет этого и не может быть у искусственного интеллекта.

К.Б. Волик справедливо полагает, что: «Чтобы эффективно применять закон, необходимо, чтобы было установлено взаимодействие субъективной воли будущих участников правоотношений с государственной волей. Главное условие для этого – осознание участниками правоотношений обращенных к нему юридических предписаний. В следствии этого право начинает выступать в качестве объективного явления. Изменяя свое направление при прохождении через внутренний мир человека, право превращается в субъективное право. Оно не исчезает, не оставив следов после себя. Оно накапливается, плавно трансформируясь в правосознание. А правосознание само превращается в мощнейшую динамическую силу. Правовое сознание воздействует на дальнейшее усвоение правовой информации. Оно во многом раскрывает сущность юридически значимого поведение конкретного субъекта права»[2].

Сегодня ИИ не может самостоятельно консультировать граждан по юридическим вопросам. Примерно 20% ответов больших языковых моделей ошибочны. И поэтому юристам приходится их перепроверять[3].

---

[1] См.: Идеи правосознания и характерные черты российского менталитета. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1873 (дата обращения: 15.05.2026).

[2] См.: Правосознание и правовое регулирование в России: коллективная монография / Отв. ред. М.А. Гусарова, В.В. Ковалева. Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2024. С. 65.

[3] См.: Хороший, плохой, злой: как вредят и помогают ИИ – юристы // https://pravo.ru/story/257264/ (дата обращения: 15.03.2026).

Основной конфликт ИИ состоит в том, что он только делает вид, что рассуждает логически. Однако, он только воспроизводит шаблоны, приобретенные в процессе обучения. ИИ рухнет там, где человек, даже при отсутствии юридических знаний из контекста уловит суть[1].

Действительно, человек может решать, опираясь на свой профессиональный или жизненного опыт. При этом задействуются и личные убеждения.

Лишь человеку свойственно критическое мышление. А ИИ им не обладает. Это по сути «математическая машина». ИИ будет оперировать заложенными в него алгоритмами. Но они не могут рассчитать совершенно все. Действительность жизни актуализирует проблему перманентной доработки и усовершенствования ИИ[2].

ИИ может деформировать правосознание граждан. Например, путем выдачи недостоверных данных. Что в любом случае крайне негативно сказывается при решении конкретных вопросов. Особенно это касается юридически сложных случаев. Иногда ИИ может представить ошибочный ответ, что объясняется недостаточным правовым обоснованием.

Сегодняшнее поколение «Z» вырабатывают свое правое сознание и корреляцию его с правом под воздействием цифровых технологий.

Да, цифровые технологии вскрывают обширный потенциал для подъёма правовой грамотности молодежи. Более простым и быстрым становится доступ к правовой информации. Образовательные платформы и онлайн-курсы разрешают постигать право в функциональном формате. Социальные сети позволяют обсуждать правовые вопросы в режиме онлайн.

Но, цифровая среда связана с серьезной опасностью. Возникающие в электронной среде риски негативно влияют на правовую культуру молодежи. Сюда следует отнести и распространение дезинформации, и фейковые новости, привлечение к экстремистской деятельности посредством интернета и т.д. Эти де-

[1] Там же.

[2] Романова И.Н. Применение технологий искусственного интеллекта в системе наказаний за преступления // Цифровая трансформация социальных и экономических систем: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Королькова. Москва: изд. ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте», 2023. С. 862–871.

струкции закономерно деформируют мнение молодежи о праве и справедливости. Они формируют отрицательное отношение к различным институтам права. И безусловно, снижают уровень правого сознания.

Сегодня крайне отрицательно на психику молодёжи влияют средства массовой информации (электронные СМИ, Интернет). Здесь и формирование ошибочных убеждений, развитие агрессивного поведения и вседозволенности, нарушения душевного здоровья, формирование болезненной зависимости, некритичное и неправильное восприятие действительности. Весь этот «букет» приводит в конечном итоге к проблемам со здоровьем[1].

Подводя итоги наших рассуждений, сформулируем некоторые обобщающие выводы:

1. Бесконтрольное развитие ИИ плодит риски для всего человечества.
2. Зачастую допускается нарушение прав граждан на конфиденциальность. В ИИ консолидируются и анализируются колоссальные объёмы личных данных граждан.
3. Возможно допущение ИИ нарушений свободы слова и информации. Это может проявляться в установлении цензуры.
4. Возникает закономерный вопрос о моральной ответственности за возможные ошибки или злоупотребления ИИ.
5. К сожалению, человечество, в связи широким внедрением в повседневную жизнь ИИ начинает утрачивать критическое мышление.
6. Многократно возрастает угроза обеднения интеллектуального мышления. Зачем думать, когда ИИ услужливо предложит готовый ответ на любой, даже самый сложный вопрос.

[1] 13 положительных и отрицательных влияний СМИ на подростков // https://ru1.kartanonrouva.net/positive-and-negative-influences-of-media-on-teenagers-002a08d0e8d6c-2a22a8#menu-2 (дата обращения: 15.03.2026).

Микуленок Юлия Андреевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
ak-bara@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0003-4231-3016

Становление чрезвычайных судебных органов в Советской России в 1920-е гг. (на примере Революционных Военных Трибуналов)

Аннотация: в статье рассматривается становление чрезвычайных судебных органов в Советской России в 1920-е годы. С приходом советской власти дореволюционная судебная система была заменена новой, советской. Автором проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие правовой статус Революционных Военных Трибуналов, выявлена эволюция подсудности и состав чрезвычайных судов. В статье рассмотрена деятельность Революционных Военных Трибуналов.

Ключевые слова: советская судебная система, Революционные Военные Трибуналы, Декреты советской власти, Верховный Революционный Трибунал, подсудность, НКЮ.

После Октябрьской революции была разрушена старая дореволюционная судебная система и началось строительство новой советской юстиции, в том числе и чрезвычайных судебных органов (Революционных Военных Трибуналов). Революционные Военные Трибуналы, созданные в условиях Гражданской войны и военной интервенции, стали механизмами защиты новой власти, основной задачей которых стал быстрый и беспощадный суд над врагами революции[1]. Стоит отметить, что революционные суды стали образовываться раньше, чем народные. П.И. Стучка отме-

[1] Титков В.И. Революционные трибуналы как элемент классового правосудия // Уникальные исследования XXI века. 2016. № 9 (21). С. 78.

чал, что еще задолго до Октябрьской революции в Кронштадте, в Выборгском районе и в других местах народ просто бойкотировал старый суд и образовал свой революционный суд[1]. Данные суды, по мнению М.М. Исаева, стали одним из органов пролетарской обороны наряду с Красной Армией и чрезвычайными комиссиями[2].

Согласно Декрету СНК РСФСР «О суде №1», «для борьбы против контрреволюционных сил, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц»[3] создавались Революционные Военные Трибуналы. 19 декабря 1917 года НКЮ РСФСР издал инструкцию «О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний». Согласно данной инструкции к подсудности Революционных Трибуналов относились дела о контрреволюции, саботаже, злоупотреблении служебными полномочиями, спекуляции, а также суду Революционных Трибуналов подлежали лица, которые искусственно создают дефицит предметов массового потребления, которые нарушают декреты, приказы, обязательные постановления и другие опубликованные распоряжения органов Рабоче-Крестьянского Правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду Революционного Военного Трибунала[4].

В 1918 году был принят Декрет СНК РСФСР «О Революционных Трибуналах», который разрабатывался М.Н. Покровским, непосредственным работником Московского совета и историком, хорошо знакомым с организацией трибуналов Великой французской революции, и левым эсером И.З. Штейбергом. Характерной особенностью первого проекта, ставшего потом Положением «О Московском Революционном Трибунале», была необыкновенная

---

[1] Стучка П.И. Пять лет революции права // Советская юстиция. 1922. №44-4. С. 3.

[2] Исаев М.М. Общая часть Уголовного кодекса РСФСР. Ленинград, 1925. С. 88.

[3] Декрет о суде №1 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. URL: https://istmat.org/node/27996?ysclid=mkqn1bukm9177775135 (дата обращения: 23.01.2026). С. 43.

[4] Инструкция Революционному Трибуналу от 19 декабря 1917 года «О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 181.

мягкость наказаний: так, трибунал был ограничен высшим пределом наказания – до 4 лет лишения свободы и определенной суммой штрафа в несколько тысяч рублей. Первым председателем Московского Трибунала был утвержден тов. Я.Л. Берман[1].

Революционный Военный Трибунал избирался Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в составе одного постоянного председателя и двух членов Трибунала[2]. Члены Трибунала избирались на три месяца и могли быть отозваны Советами и до истечения срока. Данные статистики показали, что в первые годы существования Революционных Военных Трибуналов председателями и заместителями были члены партии, мужчины от 25 лет, имевшие высокий уровень образования и правильное классовое происхождение[3].

При Революционных Военных Трибуналах учреждалась должность советского трибуна, на которого были возложены следующие задачи:

а) публичное обвинение в Революционных Трибуналах;

б) представление заключений по кассационным жалобам на решения революционных трибуналов по любому делу, по коему он это признает необходимым[4].

В 1919 году был учрежден Верховный Революционный Трибунал, который избирался президиумом ВЦИК в составе председателя и двух членов. Верховному Революционному Трибуналу были подсудны все дела, признанные особо важными и изъятые из общей подсудности[5].

На Революционные Военные Трибуналы были возложены дела по борьбе с погромами, хулиганством, неправомерным использованием советских документов и шпионажем. Общеуголовные дела были изъяты из подсудности Революционного Трибуна-

---

[1] Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству (беседа с Наркомом юстиции Д.И. Курским) // Советская юстиция. 1922. №44-4. С. 5.

[2] Декрет СНК «О Революционных Трибуналах» 4 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. С. 231.

[3] Берман Я.Л. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 48.

[4] Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 233.

[5] Крыленко Н.В. Революционные трибуналы в практике российской пролетарской революции // Рабоче-крестьянский суд: (Руководство для работающих в Рев. Воен. Трибуналах) / Под ред. Д. Зорина и В. Иванова. РСФСР. Рев. Воен. Трибунал при Рев. воен. совете Кавказского фронта. Б. м., 1920. С. 194.

ла. Революционные Военные Трибуналы сохранялись лишь в крупных центрах (в столицах, губернских городах, на крупных узловых станциях и в промышленных центрах). Все иные местные и армейские Революционные Трибуналы упразднялись. Декрет СНК РСФСР «О Революционных Трибуналах» от 4 мая 1918 года допускал кассационное обжалование решений Революционных Военных Трибуналов лишь в случае, если была допущена судебная ошибка[1].

Согласно данным Я.Л. Бермана за 1919 год, Революционными Военными Трибуналами было возбуждено свыше 12 000 дел, хотя стоит отметить, что половина дел не касалась подсудности революционных трибуналов. В сложных условиях начавшейся Гражданской войны Революционные Военные Трибуналы были вынуждены разбирать дела вне рамок своей подсудности ввиду отсутствия других судебных звеньев[2].

20 ноября 1919 года ВЦИК было утверждено «Положение о Революционных Военных Трибуналах», разработавшее вопросы организации и деятельности Революционных Военных Трибуналов[3]. 4 мая 1920 года было введено новое «Положение о Революционных Военных Трибуналах». В 1922 году подсудность Революционного Военного Трибунала была расширена. Так, Революционным Военным Трибуналам были подсудны все дела о преступлениях, совершенных в районах, подчиненных Революционному военному совету фронта, а также дела о преступных деяниях военнослужащих[4].

11 ноября 1922 года было утверждено «Положение о судоустройстве РСФСР», которое упразднило Революционные Военные Трибуналы. В действующей армии при всех фронтах, округах, корпусах, а также дивизиях вводилась единая система военных трибуналов[5].

Меру наказания Революционный Военный Трибунал устанавливал, руководствуясь обстоятельствами дела и революцион-

---

[1] Декрет СНК «О Революционных Трибуналах» 4 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 231–232.

[2] Берман Я.Л. Указ. соч. С. 48.

[3] Строгович М.С. Военные трибуналы Советского государства. М., 1942. С. 8.

[4] О персональной подсудности дел, о преступных деяниях военнослужащих // Советская юстиция. 1922. №34. С. IV.

[5] Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 14.

ным правосознанием. Революционные Военные Трибуналы могли назначить следующие виды наказаний: денежный штраф, лишение свободы, удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, объявление общественного порицания, объявление виновного врагом народа, лишение виновного всех или некоторых политических прав, конфискация, присуждение к обязательным общественным работам. Смертная казнь назначалась как исключительная мера наказания. При вынесении решения о высшей мере наказания Революционный Военный Трибунал в мотивировочной части должен был сослаться на статью закона[1]. 21 июня 1918 года был вынесен первый смертный приговор «по делу адмирала Щастного»[2]. Стоит отметить, что первые приговоры были довольно мягкими. Так, Сидор Иванович Бутко обвинялся в контрреволюции: организации отряда против Советских войск, участии в расстрелах красноармейцев, грабежах, избиении красноармейцев. В деле отмечено, что свою вину в избиении красноармейцев Сидор Иванович не отрицал, но при этом заявил, что все делалось им по приказанию начальника гарнизона, который за неисполнение приказания грозил расстрелом. В гарнизон поступил не добровольно, а по мобилизации[3]. Кроме того, при аресте он публично заявил: «Пусть хозяйничают, недолго их будет право»[4]. Революционный Кубанско-Черноморский Трибунал 4 сентября 1920 года приговорил Бутко к году общественно-принудительных работ с отправкой в Юзовские шахты[5]. Однако уже в ноябре 1920 году Бутко попал под амнистию и был освобожден от отбывания наказания[6].

Приговоры Революционных Военных Трибуналов являлись окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали. Обжалование было возможно лишь в кассационном порядке, за исключением приговоров Верховного Трибунала при

[1] Всем Ревтрибуналам. Об объявлении приговоренным к высшей мере наказания приговора под расписку // Советская юстиция. 1922. № 39–40. С. VIII.

[2] Исаев М.М. Указ. соч. С. 67.

[3] Там же. Л. 17.

[4] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-406. Оп. 1. Д. 110. Л. 16.

[5] Там же. Л. 21.

[6] Там же. Л. 18.

ВЦИК. Копия приговора вручалась осужденным не позднее 24 часов после вынесения приговора[1].

Право направления дел в Революционные Военные Трибуналы принадлежало Чрезвычайной Комиссии, Особым Отделам, Народному Комиссару Юстиции, Народному Комиссару Внутренних Дел, Народному Комиссару Рабоче-Крестьянской Инспекции, местным Губисполкомам и Президиумам местных Советов Народных Судей по представлению Народных Судей. Поводом к начатию дел в Трибуналах могли служить заявления граждан, сообщения должностных лиц, военных и гражданских судебных властей, явка с повинной, равно как и постановление самого Трибунала, вынесенное им в судебном заседании при рассмотрении иного дела[2].

Таким образом, становление чрезвычайных судебных органов в Советской России в первое десятилетие после Октябрьской революции происходило в сложных условиях трансформации старой дореволюционной судебной системы, осложненных Гражданской войной. На протяжении всего периода существования Революционных Военных Трибуналов состав и подсудность чрезвычайных судебных органов постоянно менялись.

Молибоженко Даниил Александрович,
аспирант Московского университета «Синергия»
daniil.molibozhenko@yandex.ru

Судебная реформа 1864 года и ее значение для формирования судебной системы Российской империи

Аннотация: Статья посвящена анализу судебной реформы 1864 года как ключевого этапа формирования судебной системы Российской империи и развития судебной юриспруденции. Рассматриваются причины реформы, основные положения Судебных уставов 1864 года и их значение для становления независи-

[1] Основное положение о Революционных трибуналах // Рабоче-крестьянский суд : (Руководство для работающих в Ред. Воен. Трибуналах) / Под ред. Д. Зорина и В. Иванова РСФСР. Рев. Воен. Трибунал при Рев. воен. совете Кавказского фронта. Б. м., 1920. С. 42.

[2] Основное положение о Революционных трибуналах … С. 30.

мого суда, состязательного и гласного судопроизводства. Обосновывается вывод о том, что реформа заложила основы профессионального правосудия и аргументированного правоприменения, оказав долговременное влияние на правовую культуру и судебную практику России.

Ключевые слова: суд, судебная реформа 1864 года, правосудие, суд присяжных, независимость суда, состязательность процесса, российская юриспруденция.

Вторая половина XIX века стала периодом масштабных преобразований в Российской империи, направленных на модернизацию социально-экономических и государственно-правовых институтов. Центральное место среди великих реформ Александра II занимает судебная реформа 1864 года, которая кардинально изменила принципы организации и функционирования судебной власти в стране.

До реформы судебная система России отличалась сословной раздробленностью, административной зависимостью судов, закрытостью процесса и произвольностью судебных решений. С момента зарождения судебной системы, действовавшей на территории России, был присущ инквизиционный характер судебного процесса. Он предусматривал необходимость лица, которому вменялось совершение преступления, доказывать свою невиновность.

Судебная реформа 1864 года стала попыткой преодолеть эти недостатки и создать единый, законный и публичный механизм отправления правосудия.

Необходимость судебной реформы была обусловлена совокупностью социально-экономических, политических и правовых факторов. Отмена крепостного права в 1861 году потребовала формирования новых правовых механизмов защиты личности и собственности. Старый судебный аппарат, ориентированный на сословные привилегии и административный произвол, оказался неспособным обеспечить правопорядок в условиях меняющегося общества.

Ключевые проблемы дореформенной судебной системы заключались в отсутствии единой организации судов и их разделении по сословному принципу, что приводило к фрагментарности

правосудия и неравенству правового положения подданных[1]. Существенным недостатком являлось совмещение судебных и административных функций, вследствие чего суд находился в зависимости от исполнительной власти и не обладал институциональной самостоятельностью[2]. Судопроизводство носило закрытый характер, было лишено гласности и состязательности, а процесс доказывания основывался преимущественно на формальном следствии, допускавшем произвольную оценку доказательств[3]. Дополнительным фактором кризиса судебной системы являлся низкий уровень профессиональной юридической подготовки значительной части судейского корпуса, что отрицательно сказывалось на качестве судебных решений[4]. Совокупность указанных обстоятельств подрывала доверие общества к суду и препятствовала формированию правового сознания, объективно обусловив необходимость проведения судебной реформы 1864 года.

Судебная реформа была закреплена в Судебных уставах 20 ноября 1864 года и включала четыре основных акта: Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и Учреждение судебных установлений[5]. Их значение состояло в создании целостной модели правосудия, в которой суд приобретал признаки самостоятельного института, а процесс становился структурированным, публичным и ориентированным на юридическую аргументацию.

Важнейшим результатом стало организационное и функциональное отделение суда от администрации. Это не сводилось к формальному перераспределению компетенций. Отделение означало, что судебное решение должно обосновываться правовыми аргументами и доказательствами, а не административными сооб-

---

1 История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М.: ТК Велби, 2003 - 544 с.

2 Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: типография Грачева и Комп., 1866. XII, 552 с.

3 Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: (к пятидесятилетию судебных уставов): 1864-20 ноября-1914. М.: издание т-ва И. Д. Сытина, 1914. 296 с.

4 Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции в 2 томах. Т.1. СПб., 1902. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/60355-tagantsev-n-s-russkoe-ugolovnoe-pravo-chast-obschaya-lektsii-spb-1902/ (дата обращения: 15.03.2026).

5 Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждении, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: Ч. 1. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1867. 523 с.

ражениями. Именно здесь возникает связь с судебной юриспруденцией: суд начинает производить юридическое знание на практике, потому что ему необходимо объяснять, почему конкретная жизненная ситуация подпадает под определенную норму и почему доказательства достаточны для вывода.

Введенная система судов общей юрисдикции в сочетании с институтом мировых судей решала задачу доступности правосудия и одновременно задавала новые стандарты профессионализма. Мировые судьи, ориентированные на быстрый и понятный разбор простых категорий дел, стали важным элементом формирования судебной практики на местах. При этом общие суды обеспечивали развитие более сложной правовой аргументации и становление апелляционных и кассационных механизмов[1].

Особое место занимала роль Правительствующего Сената как кассационной инстанции. Концентрация кассационного пересмотра позволяла вырабатывать более единообразные подходы к толкованию права. Даже при отсутствии формального прецедента возникал эффект ориентации на устойчивую линию решений. Для судебной юриспруденции это принципиально, поскольку правоприменение начинает опираться не только на текст закона, но и на сформировавшиеся интерпретации и стандарты аргументации[2].

Поворотный характер реформы 1864 года для судебной юриспруденции наиболее отчетливо проявился через закрепление принципов процесса, которые изменили логику судебной деятельности. Судебные уставы утвердили гласность, состязательность, устность и непосредственность исследования доказательств.

Гласность имела не только политико-правовое, но и профессиональное значение. Публичность судебного разбирательства дисциплинировала правовое рассуждение судьи и повышала требования к понятности и убедительности мотивировки[3]. Судебное решение становилось обращенным не только к участникам процесса, но и к обществу как потенциальному адресату контроля.

---

1 Россия. Законы и постановления. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. [Б. м.]: [Б. и.], 1864. 455 с.

2 Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. I: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е. А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. 544 с.

3 Мироненко С. В. Судебная реформа 1864 года как зеркало модернизации // Человеческий капитал. 2019. № 12(132). С. 39-45.

Состязательность и равноправие сторон усиливали роль правовой позиции и качества аргументации. Дореформенная судебная система предусматривала обвинительный характер судебного процесса, что неизбежно влекло заинтересованность суда в поддержании определенной заранее позиции по делу. С осуществлением реформы суд превращался в арбитра, оценивающего доводы сторон и доказательства, а не в орган, действующий преимущественно по канцелярской логике сбора материалов. Это объективно повышало требования к юридической технике и стимулировало развитие профессионального представительства.

Устность и непосредственность исследования доказательств усиливали значение доказательственного вывода как центрального элемента решения. Судебная юриспруденция приобретала процедурную опору, в рамках которой оценка доказательств требовала внутренне непротиворечивого обоснования и логически выверенной мотивировки.

Отдельного внимания заслуживает введение суда присяжных по ряду уголовных дел. Сам факт участия общества в отправлении правосудия ориентировал профессиональных участников процесса на язык доказательств и понятных аргументов. Этот механизм способствовал усилению стандартов процессуальной корректности и убедительности обвинения и защиты.

Реформа 1864 года была тесно связана с формированием адвокатуры как профессионального сообщества. Институт присяжных поверенных стал одним из каналов, через которые судебная практика начала насыщаться профессионально выстроенными правовыми позициями. В результате суд стал центром юридической профессии, а судебная юриспруденция получила постоянную среду конкуренции аргументов, требующую от суда повышения качества мотивировки и процессуального руководства.

Историко-правовая литература неоднократно подчеркивала, что реформа задала ориентир на «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех», тем самым закрепив ценностный стандарт правосудия, который стал частью профессиональной и общественной правовой культуры[1].

1 Шахрай С.М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию Судебной реформы в России. М., 2020. 536 с.

Историческая динамика показала, что отдельные элементы реформы подвергались корректировкам и ограничениям. Однако созданная реформой модель юридического мышления в суде оказалась труднообратимой. Речь идет о закреплении в правосознании и профессиональной культуре ориентира на публичную процедуру, состязательность и аргументированность судебного решения. В этом смысле реформа 1864 года продолжила действовать как источник стандартов судебной юриспруденции, даже когда институциональная среда менялась.

Современные исследования, посвященные месту судебных реформ в правовом развитии, подтверждают, что опыт 1864 года сохраняет методологическое значение при оценке баланса между эффективностью судопроизводства, автономией суда и гарантиями справедливого разбирательства[1].

Судебная реформа 1864 года стала поворотным пунктом российской судебной юриспруденции, поскольку создала автономную институциональную рамку суда и закрепила процессуальные принципы, требующие профессионального юридического рассуждения. Гласность, состязательность, устность и непосредственность исследования доказательств превратили суд в пространство аргументированного применения права. Роль кассационного контроля, развитие адвокатуры и участие присяжных усилили стандарты мотивировки и публичной убедительности решения. Исторический опыт реформы 1864 года важен и для современной России, поскольку показывает, что устойчивость правопорядка и доверие к государству во многом опираются на профессиональное, понятное и справедливое правосудие.

1 Судебная реформа как этап правовой реформы: внутригосударственный, наднациональный и международный уровни. Коллективная монография / под ред. А.А. Дорской. СПб.:Астерион, 2020. 159 с.

Палеха Роман Робертович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Центрального филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
paleharr@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-8987-4238

Павлов Егор Андреевич,
студент 3 курса очной формы обучения
факультета непрерывного образования
по подготовке специалистов для судебной системы
Центрального филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
i@egor-pavlov.ru

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации и его роль в обеспечении единого правового и этического пространства правосудия

Аннотация: В данной статье исследуются правовые и организационные основы, предназначение, структура, полномочия и конкретные направления деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, обеспечивающие единство, независимость судов и реализацию высоких нравственно-этических стандартов в судебной практике. Целью работы является комплексный анализ роли Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в создании и обеспечении единого правового и этического пространства правосудия в современной Российской Федерации.

Ключевые слова: суд, судебная власть, правосудие, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, единое правовое пространство, единое этическое пространство.

Актуальность выбранной темы исследования определяется комплексом вызовов, стоящих перед современной судебной системой Российской Федерации. С одной стороны, судебная власть должна быть единой, независимой и действующей на основе общефедеральных правовых стандартов, что закреплено в Конституции Российской Федерации[1].

С другой стороны, правосудие – это не только формальное применение закона, но и деятельность, глубоко укоренённая в нравственных началах, требующая от судьи беспристрастности, справедливости и следования профессиональной этике. В современных условиях, когда общество предъявляет повышенные требования к качеству и доступности правосудия, создание и поддержание единого пространства, интегрирующего как правовые, так и этические императивы, становится ключевой задачей.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, являясь федеральным государственным органом, осуществляющим организационное, финансовое, материально-техническое и информационное обеспечение деятельности судов, объективно занимает центральное место в решении этой задачи. Именно через его деятельность создаются необходимые условия не только для функционирования судебной системы как таковой, но и для реализации тех нравственно-правовых ценностей, которые составляют суть профессии судьи.

Современная правовая парадигма рассматривает правосудие не как механическую процедуру применения норм права, а как сложный социально-правовой институт, чья легитимность и эффективность напрямую зависят от доверия общества. Это доверие формируется на двух взаимосвязанных основаниях: на единообразном и предсказуемом применении закона на всей территории государства и на моральном авторитете судей, осуществляющих правосудие. Таким образом, единое пространство правосудия – это интегратив-

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

ное понятие, охватывающее как формально-правовое (единство судебной практики, стандарты процедур, доступ к правосудию), так и содержательно-этическое (справедливость, беспристрастность, честность, профессиональная деонтология) измерения.

Философско-правовая концепция И. Канта, заложившая фундамент ценностного подхода к правопониманию, актуализирует категорию морального императива как системообразующего элемента правового порядка. Сформулированное немецким мыслителем определение права как «совокупности условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»[1], сохраняет свою идейно-мировоззренческую ценность, указывает на то, что право изначально содержит в себе нравственное требование – уважение к свободе другого. В судебной деятельности этот императив трансформируется в требование справедливости, которое является одновременно и правовым, и высшим моральным принципом.

В современных условиях граждане Российской Федерации все чаще и чаще стали обращаться за квалифицированной юридической помощью, а также в суды для защиты своих конституционных прав, свобод и законных интересов. В данном контексте предметом особого научного интереса выступает проблема нравственного измерения профессиональной деятельности юриста, в особенности – судьи, а также этико-мировоззренческих оснований его работы. Обладание судейским статусом сопряжено для индивида не только с исключительной мерой публично-правовой ответственности, но и с колоссальной психологической нагрузкой, обусловленной необходимостью перманентного осуществления сложного морального выбора в рамках отправления правосудия. Профессия судьи с точки зрения нравственных особенностей означает, что в этой личности должны сочетаться следующие качества: честность, справедливость, мораль и внутренние убеждения. Правоприменители, осуществляя свои обязанности, при разрешении спорной ситуации или же при назначении наказания руководствуются не только законом, но и нравственными требованиями, которые порой играют ключевую роль[2].

---

[1]Кант И. Метафизика нравов / И. Кант [пер. с нем., примеч. С.Я. Шейнман-Топштейн и Ц.Г. Арзаканьяна]. Москва: Мир кн.: Литература, 2007. С. 40.

[2] Павлова Е.В. Значение и реализация нравственно-правовых принципов в российской судебной практике / Е.В. Павлова // Принципы права: проблемы теории и

Легальная фиксация этих нравственных требований нашла свое закрепление в Законе «О статусе судей в Российской Федерации»[1] (в частности, в тексте судейской присяги) и в «Кодексе судейской этики»[2] свидетельствует о законодательном признании деонтологического характера профессии судьи. Судья клянется осуществлять правосудие, «подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть». Этот синтез юридических и этических обязательств является нормативным ядром единого этического пространства.

В свете изложенного, заслуживают самой высокой оценки и научной поддержки выводы Н.В. Соколовой, акцентирующие внимание на комплексе нравственных качеств судьи и нравственно-правовых императивах, которые в соответствии с действующим законодательством составляют обязательные критерии как для кандидатов на судебные должности, так и для действующих носителей судейской мантии. «Личность каждого человека, – пишет Н. В. Соколова, – в том числе деятеля правосудия, представляет собой сплав нравственных, психологических и прочих человеческих качеств. При этом важно, чтобы они были позитивны и реализовывались в практической деятельности»[3].

В Российской Федерации конституционный принцип единства судебной системы (ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»[4]) создает правовую основу для единого пространства. Однако единство системы не может быть обеспечено лишь декларацией. Оно требует создания конкретных механизмов, которые бы гарантировали, что судья в любом регионе страны обладает необходимыми ресурсами, работает в одинаковых правовых и организационно-

---

практики: Материалы XI Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2017. С. 55.

[1] О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) // Российская газета. 1992. № 30.

[2] Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 года (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139928 (дата обращения: 12.01.2026).

[3] Соколова Н.В. К проблеме повышения авторитета судебной власти / Н.В. Соколова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Право. 2010. № 2 (8). С. 81-84.

[4] О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1–ФКЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

технических условиях и, что не менее важно, разделяет единые корпоративные ценности и этические стандарты.

Таким образом, создание единого пространства правосудия предполагает решение двуединой задачи: построение эффективной административно-управленческой вертикали, обеспечивающей ресурсное и технологическое единство системы, и одновременное культивирование единого корпуса профессионально-этических норм и ценностей среди судейского сообщества. Именно на разрешение этой задачи и направлена деятельность Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, который являясь федеральным государственным органом был создан специально для обеспечения организационного единства и самостоятельности судов. Его учреждение в 1998 году стало ответом на необходимость выведения вопросов материально-технического и финансового обеспечения судов из ведения исполнительной власти (прежде всего, Министерства юстиции), что было призвано укрепить независимость судебной власти.

Предназначение Судебного департамента, определенное Федеральным законом от 08.01.1998 года № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», заключается в организационном обеспечении деятельности верховных судов республик, краевых и областных судов, районных, военных и специализированных судов, а также в формировании единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей[1]. Это обеспечение носит комплексный характер и включает в себя мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного вспомогательного характера[2].

Полномочия Судебного департамента, закрепленные в ст. 6 ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», напрямую работают на создание единого пространства:

1. Организационное обеспечение деятельности судов и органов судейского сообщества – создание унифицированных условий для работы всех судов.

---

[1] О Судебном департаменте при Верховном Суде РФ: Федеральный закон от 08.01.1998 № 7–ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

[2] Правоохранительные и судебные органы России: Учебник / Под ред. Н.А. Петухова и А.С. Мамыкина. М.: РГУП, 2019. С. 51.

2. Управление органами и учреждениями Судебного департамента – построение централизованной, но адаптированной к регионам системы управления.

3. Разработка проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов – участие в нормотворчестве, направленном на совершенствование единых правил судопроизводства и организации судебной деятельности.

4. Разработка предложений о финансировании судов – обеспечение единых принципов и стандартов финансового обеспечения, равной доступности ресурсов.

5. Изучение организации деятельности судов и разработка предложений о ее совершенствовании – мониторинг и выработка общих рекомендаций для оптимизации работы.

6. Определение потребности судов в кадрах, обеспечение работы по отбору и подготовке кандидатов на должности судей – формирование единой кадровой политики, включая вопросы этико-правового воспитания.

7. Разработка научно обоснованных нормативов нагрузки судей и работников аппаратов судов – установление общих для системы объективных критериев оценки труда.

Е.И. Попова справедливо отмечает, что результаты деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации важны не только для самой судебной системы, но значимы и полезны в других направлениях[1]. Е.А. Лесных в своей работе предлагает повысить статус Судебного департамента, выведя его из подчинения Верховному Суду Российской Федерации, и изменить порядок назначения Генерального директора Судебного департамента[2].

Система Судебного департамента построена по иерархическому принципу, что позволяет сочетать централизованное стра-

[1] Попова Е.И. Основные направления деятельности и значение Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Е.И. Попова // Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития: Сборник статей к 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Москва, 16 марта 2023 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 108.

[2] Лесных Е.А. Правовой статус Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации: проблемы и направления совершенствования / Е.А. Лесных // Законодательство. 2019. № 7. С. 71.

тегическое управление с оперативным реагированием на местах. Ее образуют:

– Центральный аппарат (в Москве), включающий специализированные управления (организационно-правовое, финансово-экономическое, по обеспечению деятельности арбитражных судов, государственной службы и кадров, информатизации и др.).

– Территориальные органы управления Судебного департамента в каждом субъекте Российской Федерации.

– Учреждения Судебного департамента, ключевым из которых является Федеральное государственное бюджетное учреждение «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие».

Руководит Департаментом Генеральный директор, назначаемый Председателем Верховного Суда Российской Федерации с согласия Совета судей Российской Федерации, что подчеркивает подотчетность органа прежде всего судейскому сообществу, а не исполнительной власти[1].

Такая структура и порядок управления делают Судебный департамент институциональным стержнем, вокруг которого выстраивается единое правовое и организационное поле для осуществления правосудия, создавая необходимые предпосылки и для единства этического пространства, которое культивируется через кадровую работу, обучение и создание равных условий для всех судей.

Следует учитывать, что независимость судьи, провозглашенная Конституцией Российской Федерации, не является абстрактным понятием. Она нуждается в материальном, финансовом и организационном фундаменте. Судья, озабоченный проблемами ветхого здания суда, недостатка канцелярских принадлежностей, низкой скорости интернета или ненадежного обеспечения безопасности, не может в полной мере сосредоточиться на отправлении правосудия, что потенциально подрывает как качество судебных решений, так и позитивный моральный настрой. Судебный департамент через свои полномочия по организационному обеспечению призван снять с судей бремя хозяйственных забот, создав для них равные и достойные условия труда по всей стране.

[1] Гриненко А.В. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник для вузов / А.В. Гриненко. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 139-140.

Это обеспечение включает в себя:

– Финансовое обеспечение: разработка и согласование с Советом судей Российской Федерации единой сметы расходов на все федеральные суды, контроль за целевым расходованием бюджетных средств. Это предотвращает ситуацию, когда богатые регионы могут позволить себе лучшее обеспечение судов, чем бедные, что нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом.

– Материально-техническое обеспечение: строительство, реконструкция и ремонт зданий судов, обеспечение их мебелью, оргтехникой, транспортом, средствами связи. Единые стандарты оснащения залов судебных заседаний (включая системы видеопротоколирования) способствуют не только эффективности, но и созданию равного имиджа судебной власти.

– Социальное обеспечение: реализация мер по предоставлению судьям и работникам аппарата жилья, медицинской помощи, санаторно-курортного лечения. Гарантии достойного социального пакета, предусмотренные законом, исполняемые через Департамент, являются важной составляющей независимости судьи, ограждающей его от материальных трудностей и потенциальных злоупотреблений.

Рассматривая судебную власть в механизме государства и нравственно-правовую культуру судьи И.А. Антонов и Л.Г. Антонова справедливо отмечают, что только самостоятельная судебная власть, независимые и беспристрастные, высоконравственные и справедливые судьи обеспечат верховенство права и правды в российском государстве. Может быть это идеал, но к нему надо стремиться[1].

Важно отметить, что сама по себе качественная «инфраструктура» правосудия является и этическим сигналом. Безупречная репутация, сохранение личного и профессионального достоинства являются для судьи не только моральным императивом, но и сущностным условием эффективного исполнения им своих полномочий. Работа в достойных условиях поддерживает нравственный авторитет профессии. Таким образом, организаци-

[1] Антонов И.А., Антонова Л.Г. Судебная власть в механизме государства и нравственно-правовая культура судьи // Юридическая наука: история и современность. 2020. №. 12. С. 149-156.

онное обеспечение, устраняя региональные диспропорции, напрямую работает на создание единого поля, в котором авторитет суда и судьи зависит от их профессиональных качеств и решений, а не от внешних, ресурсных факторов.

Следует заметить, что в XXI веке информационное измерение стало критически важным для любого публичного института. Для правосудия создание единого информационного пространства – это не просто техническая задача, а вопрос реализации конституционных принципов гласности, открытости судопроизводства и доступности правосудия. Судебный департамент в силу п. 2 ст. 1 ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» наделен полномочиями по формированию такого пространства.

Эта деятельность включает:

1. Для федеральных судов: создание совокупности баз данных (банков судебных решений, картотек судебных дел), разработка единых технологий их ведения, создание и поддержка государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Это позволяет обеспечить единство судебной практики через возможность оперативного поиска и анализа решений, электронный документооборот между судами, что повышает скорость и согласованность процедур.

2. Для мировых судей: осуществление мероприятий по включению информационных ресурсов мировых судей в общие базы данных, установление для них единых технических требований. Тем самым мировая юстиция, находящаяся в ведении субъектов Российской Федерации, информационно интегрируется в общефедеральную систему[1].

Формирование единого информационного пространства решает несколько ключевых задач в контексте темы:

– Прозрачность и контроль: любой гражданин через официальные сайты судов и сервисы вроде «Электронного правосудия» может получить информацию о движении дела, тексты судебных актов (за исключением случаев, предусмотренных законом). Это

[1] О Судебном департаменте при Верховном Суде РФ: Федеральный закон от 08.01.1998 № 7–ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

снижает риски произвола и коррупции, так как деятельность суда становится публичной и доступной для анализа.

– Доступность правосудия: электронная подача документов, извещение сторон через СМС и электронную почту, проведение судебных заседаний в формате видеоконференцсвязи – все это преодолевает географические барьеры, упрощает и удешевляет для граждан процесс защиты своих прав. Единые стандарты этих сервисов по всей стране формируют у граждан ожидание равного уровня доступности правосудия вне зависимости от места жительства.

– Единство практики и эффективность управления: аналитическая обработка больших данных судебной статистики, которую обеспечивает Департамент, позволяет выявлять проблемные зоны в правоприменении, дисбалансы в нагрузке на судей, что служит основой для принятия управленческих решений по совершенствованию законодательства и организации работы судов на единых принципах.

Современное общество сталкивается с множеством вызовов, связанных с соблюдением прав и свобод граждан. Важным институтом, призванным обеспечивать справедливость и защиту прав человека, являются органы судебной власти. Однако для эффективного выполнения своих функций судебная система должна не только соблюдать юридические нормы, но и опираться на нравственные принципы, которые служат основой для формирования справедливых решений[1].

Таким образом, информатизация, проводимая под эгидой Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, выступает мощным инструментом «цементирования» единого правового пространства, делая судебную систему более современной, открытой и подотчетной, что напрямую соотносится с этическими требованиями справедливости и беспристрастности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации играет системообразующую и многогранную роль в

[1] Нравственные критерии в судебной практике / Р.Р. Палеха, Е.В. Павлова, Н.Г. Кулакова, П.Д. Зыбин // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 191-197.

обеспечении единого правового и этического пространства правосудия в стране.

Во-первых, Судебный департамент выступает гарантом организационного и ресурсного единства судебной системы. Через централизованное финансовое, материально-техническое и социальное обеспечение он нивелирует региональные диспропорции, создавая для судей по всей России равные стартовые условия.

Во-вторых, Судебный департамент является архитектором единого информационного пространства. Развитие ГАС «Правосудие», внедрение электронного документооборота и цифровых сервисов для граждан не только повышает эффективность и прозрачность работы судов, но и формирует у общества единые стандарты ожиданий от правосудия как современного, доступного и открытого института.

В-третьих, и это, возможно, наиболее важно в контексте этического измерения, Судебный департамент через свои кадровые полномочия и взаимодействие с учебными заведениями (прежде всего, ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева») выступает институтом формирования и воспроизводства единого корпуса профессионально-этических ценностей судейского сообщества.

Таким образом, роль Судебного департамента выходит далеко за рамки простого хозяйственного управления. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации является необходимым институциональным механизмом, который, обеспечивая единство «материального» (ресурсы, технологии) и «идеального» (ценности, стандарты) пространства деятельности судов, вносит решающий вклад в укрепление самостоятельности судебной власти, повышение авторитета правосудия и построение в России подлинно правового государства, где закон и справедливость неразделимы.

Симонова Светлана Сергеевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
simonova.ss@mail.ru

Ювенальная юстиция в России: история и перспективы

Аннотация: В данной статье автор исследует феномен ювенальной юстиции в России. Ювенальная юстиция рассматривается в статье как сложная система правовых механизмов и институтов, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних, включая профилактику правонарушений среди подростков и реагирование на нарушения их прав. В России вопрос создания специализированной ювенальной системы остаётся дискуссионным: он затрагивает не только правовые, но и социокультурные, этические аспекты. Целью статьи является анализ истории становления ювенальной юстиции в России и оценить перспективы её развития.

Ключевые слова: Ювенальная юстиция, уголовный процесс, несовершеннолетние преступники, ювенальное право, судопроизводство.

Ответ государства на противоправные действия лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, не может ограничиваться рамками традиционного карательного правосудия. Обусловлено это спецификой подросткового возраста, характеризующегося психофизиологической незрелостью, неустойчивостью психики, подверженностью влиянию извне и, что наиболее важно, повышенными возможностями для ресоциализации и исправления.

Традиционно уже не первое десятилетие ученые-правоведы и юристы-практики выдвигают весомые доводы как против ювенальной юстиции, так и в ее поддержку. Чтобы проследить тенденции развития этого института в российском законодательстве,

предлагается провести исторический обзор, в котором возможно почерпнуть как негативный опыт внедрения ювенальных технологий в уголовное судопроизводство (дабы не повторять ошибок прошлого), так и позитивные результаты работы элементов ювенальной юстиции (для их использования в дальнейшем). Рассмотрим основные этапы развития ювенальной юстиции в России.

1. Дореволюционный период

Первые элементы ювенальной юстиции появились в Российской империи в конце XIX века. В 1897 году был принят закон «О малолетних и несовершеннолетних преступниках», предусматривавший особые условия содержания и наказания для несовершеннолетних:

– каторжные работы заменялись помещением в исправительные колонии;

– несовершеннолетних не отправляли в Сибирь;

– создавались специальные исправительно-воспитательные учреждения.

В 1910 году в Санкт-Петербурге открылся первый суд по делам несовершеннолетних. К 1917 году такие суды действовали в ряде крупных городов (Москва, Киев, Одесса и др.). Их отличительные черты:

– закрытый характер заседаний;

– упрощённая процедура;

– акцент на воспитательных мерах;

– участие попечителей, наблюдавших за поведением подростков.

2. Советский период

После 1917 года система ювенальных судов была упразднена. Советская власть создала собственную модель работы с несовершеннолетними правонарушителями:

– Декрет СНК РСФСР 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» передал дела о подростках комиссиям при отделах народного образования.

– В 1920-е годы сохранялся приоритет воспитательных мер над карательными.

– С 1930-х годов политика ужесточилась: в 1935 году постановлением ЦИК и СНК СССР возраст уголовной ответствен-

ности снизили до 12 лет, а воспитательные меры уступили место репрессивным.

– В послевоенный период акцент вновь сместился к профилактике: создавались инспекции по делам несовершеннолетних, активно работали комиссии по делам молодёжи.

3. Постсоветский период

С 1990-х годов Россия взяла курс на интеграцию международных стандартов защиты прав ребёнка:

– ратификация Конвенции ООН о правах ребёнка (1990 год);

– принятие Семейного кодекса РФ (1995 год) и Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999 год).

В начале 2000-х начались эксперименты по внедрению элементов ювенальной юстиции:

– в Ростовской области (с 2001 года) созданы ювенальные технологии в работе судов общей юрисдикции[1];

– разработаны проекты законов о ювенальной юстиции, но они не были приняты из-за общественной критики.

4. Современное состояние

На сегодняшний день в России нет единой системы ювенальной юстиции. Действуют отдельные механизмы защиты прав несовершеннолетних:

– комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;

– органы опеки и попечительства;

– специализированные подразделения полиции;

– ювенальные технологии в некоторых регионах (Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов и др.)[2].

Таким образом, в каждом из четырех рассмотренных этапов развития ювенальной юстиции мы видим позитивные начала. Тем не менее, по тем или иным причинам они не были реализованы в полном объеме.

---

[1] Пудовочкин Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: проблемы теории // Правоведение. 2002. № 4. С. 159.

[2] Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии // Государство и право. 2001. № 8. С. 112.

В Российской Федерации, несмотря на отсутствие отдельного кодифицированного акта о ювенальной юстиции, ее основные принципы имплементированы в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, образуя специализированный институт, регламентирующий производство по делам несовершеннолетних (глава 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).[1] Далее рассмотрим ключевые нормативно-правовые акты в сфере ювенальной юстиции:

– Конституция Российской Федерации (ст. 38 – защита материнства, детства и семьи);

– Семейный кодекс Российской Федерации;

– Уголовный кодекс Российской Федерации (гл. 14 – особенности уголовной ответственности несовершеннолетних);

– Федеральный закон № 120 ФЗ от 24.06.1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Перспективы развития.

Дискуссии о внедрении ювенальной юстиции в России продолжаются. Выделяют два основных подхода:

1. Сторонники создания специализированной системы аргументируют необходимость:

– снижения подростковой преступности через раннюю профилактику[2]

– повышения эффективности защиты прав детей, особенно из неблагополучных семей;

– соответствия международным обязательствам (Конвенция ООН о правах ребёнка).

2. Противники указывают на риски:

– вмешательства государства в семейные дела[3];

– заимствования западных моделей, противоречащих российской культурной традиции;

– злоупотреблений со стороны органов опеки.

---

[1] Иванова Л. А. Особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних и актуальные проблемы ювенальной юстиции в Российской Федерации // Universum: экономика и юриспруденция. 2026. №1 (135).

[2] Нечаева А.М. Проблемы защиты прав детей в современной России // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 78.

[3] Кузнецова О.В. Ювенальная юстиция: за и против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2. С. 204.

Возможные направления развития:

– расширение практики ювенальных технологий в регионах;

– создание специализированных ювенальных судов или коллегий в рамках общей юрисдикции;

– развитие сети социальных служб для семей и детей;

– совершенствование законодательства с учётом баланса между защитой прав ребёнка и неприкосновенностью семьи.

Таким образом, история ювенальной юстиции в России демонстрирует цикличность: от дореволюционных судов для несовершеннолетних через советский опыт к современным экспериментам. Несмотря на отсутствие единой системы, элементы ювенального подхода уже внедрены в ряде регионов.

Перспективы зависят от способности законодателей найти компромисс между международными стандартами и национальными традициями, а также от готовности общества к восприятию новых механизмов защиты детства. Ключевыми факторами успеха станут:

– поэтапное внедрение изменений;

– прозрачность работы органов, занимающихся делами несовершеннолетних;

– вовлечение экспертов, некоммерческих организаций и семей в обсуждение реформ.

Только переход от формального соблюдения процессуальных норм к построению целостной, гуманной и ориентированной на реабилитацию системы позволит создать в России полноценную ювенальную юстицию, способную не только бороться с преступностью, но и спасать детские судьбы.

Сташ Асиет Нурбиевна
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета имени А.А. Хмырова
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»
a.zhane31@mail.ru
ORCID 0009-0001-4496-6603

Особенности реализации судебной реформы 1864 года на территории Западного Кавказа

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей реализации судебной реформы 1864 года на территории Западного Кавказа. Рассматривается процесс интеграции региона, пережившего окончание Кавказской войны. Исследуется феномен правового плюрализма, сложившийся в регионе, где одновременно действовали имперское законодательство, нормы шариата и обычное право (адат). Особое внимание уделяется созданию и функционированию горских словесных судов как уникального механизма адаптации коренного населения к общероссийской судебной системе. Анализируются ключевые проблемы проведения реформы: нехватка квалифицированных кадров, сопротивление традиционных структур, языковой барьер и сложности с исполнением судебных решений. В статье показана взаимосвязь судебной реформы с земельным и сословным вопросами, а также ее роль как инструмента политического управления. Используются различные этнографические материалы. Делается вывод о компромиссном характере реформы, сочетавшей стремление к унификации судебной системы с учетом местной специфики. Результатом стала система правового плюрализма, позволившая интегрировать регион в состав империи без разрушения традиционных устоев местного населения.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 года, Западный Кавказ, Кубанская область, горские словесные суды, адат, шариат, правовая интеграция, военно-народное управление.

Судебная реформа 1864 года, задуманная как универсальный механизм модернизации правовой системы Российской империи,

столкнулась на Кавказе с комплексом уникальных исторических, социальных и правовых условий. Здесь реформа была не просто правовым преобразованием, а инструментом интеграции политического управления. Внедрение «Судебных уставов» 1864 года на Северном Кавказе стало одним из ключевых элементов интеграции региона в административно-правовое пространство Российской империи. Её реализация стала процессом сложного компромисса между централизованными имперскими принципами и локальными традиционными укладами.

Правовая политика, осуществляемая Российской империей на Кавказе в период с XIX века до начала XX века, играла ключевую роль в управлении регионом. Практика проведения судебных преобразований в крае наглядно показала, что реформирование правовых институтов в многонациональном государстве – задача исключительно сложная и долгая. Успех здесь невозможен без учета местных обычаев и интересов жителей.

Судебная реформа 1864 года главным образом изменила систему правосудия в России и положила начало к преобразованиям в исследуемом регионе.

Внедрение новых судебных учреждений – мировых судов, окружных судов и горских словесных судов в регионе, пережившем завершение Кавказской войны и массовую мухаджирскую эмиграцию, представляло собой не просто автоматический перенос общероссийских норм. Это был инструмент колониальной политики, столкнувшийся с устоявшимися нормами обычного права (адата) и шариата, а также с глубоким социальным кризисом черкесских и абадзехских обществ.

Вопросы проведения судебной реформы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века были изучены в многочисленных работах, можно выделить в нашем исследовании работы авторов И.Л. Бабича, А.Х. Абазова, Х.М. Думанова, М.А. Исмаилова, М.В. Дышекова, Ю.М. Кетова, Д.Ю. Шапсугова и других историков. Эти исследования отличаются объективным подходом и стремлением достоверно воссоздать ход событий без идеологических искажений. Судебная реформа 1864 года на Западном Кавказе проводилась с учетом местной специфики – обычаев, традиций и потребностей населения. Властям приходилось искать

компромисс между задачей создания единой правовой системы империи и необходимостью учитывать особенности региона.

Особенностью исследуемого региона является переплетение на территории нескольких правовых систем: имперские законы, нормы шариата (мусульманское право), особенно в вопросах семьи, наследования и личного статуса, и нормы адата (обычное право), регламентировавший широкий спектр общественных отношений от землепользования до кровной мести.

Для коренного населения самой яркой особенностью реализации реформы стало создание горских словесных судов, цель - адаптация горцев к общероссийским законам и судебным учреждениям. Этнографические очерки К.Ф. Сталя[1] помогли разграничить нормы шариата (религиозного права) и адата (обычного права), что было крайне важно для работы словесных судов.

В работе Ф.Я. Азашиковой по теме «Изменение традиционной судебной системы у западных черкесов в ходе реализации реформы 1864 года» исследованы изменения адатного права у черкесских народов в ходе судебной реформы 1864 года[2].

В этих судах разбирательство велось устно, зачастую на местном языке, а решения принимались на основе адата или шариата (в семейных делах), но под контролем российского офицера. В суде председательствовал начальник округа или участка, но решения принимали выборные судьи из числа местного населения (кадии – по шариату или знатоки адата - по обычному праву). Суд рассматривал дела на основе устных традиций (адатов), но с ограничениями. Например, кровная месть и работорговля как институты адата были запрещены и преследовались по уголовным законам Российской империи. Судопроизводство велось устно (отсюда и название «словесные суды»), что было уступкой малограмотному населению. Однако протоколы (черновые записи) вел русский писарь, часто через переводчика. Исследователи отмечают, что на этом этапе происходили чудовищные искажения: смысл показаний горцев терялся или менялся при двойном переводе, что приводило к судебным ошибкам.

---

[1] Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа / К.Ф. Сталь. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2011. 92 с.

[2] Азашикова Ф.Я. Изменение традиционной судебной системы у западных черкесов в ходе реализации реформы 1864 года: диссертация кандидата исторических наук. Майкоп, 1998. 20 с.

Внедрение новой системы столкнулось с различными препятствиями, существовала проблема квалифицированных кадров. Новая судебная система требовала наличия судей, прокуроров, адвокатов, но среди черкесов было мало людей с соответствующим образованием и опытом работы. Российские власти пытались решить эту проблему путём назначения на должности русских чиновников, но это вызывало недовольство местного населения и усиливало недоверие к новым судам.

Происходило сопротивление традиционных структур. Общины часто воспринимали новый суд как чуждый инструмент. Проблема исполнения решений: авторитет бумажного приговора зачастую проигрывал авторитету родового старейшины или нормам кровной мести. Решения, противоречившие глубоко укоренённым обычаям, могли игнорироваться.

Существовала тесная связь с земельным и сословным вопросами, судебная реформа была неотделима от политики землеустройства и «разбора сословий». Наделение землёй лояльной знати (как по проекту 1871 года) и признание её прав через суды (например, восстановление в статусе князей Болотоковых через избрание старшиной в 1873 году)[1] были взаимосвязанными процессами. Суд становился арбитром в новых имущественных отношениях, создаваемых имперской администрацией.

Судебные преобразования привели к формированию новых правовых институтов: окружных и мировых судов, а также института присяжных заседателей. Вместе с тем в отдельных местностях, прежде всего в высокогорных селениях, сохранялась практика разрешения споров на основе адата. В 1870 году по инициативе наместника Кавказа для горских словесных судов была введена смешанная модель судопроизводства. Эта система объединяла нормы имперского права с положениями шариата и адата - исторически сложившимися правовыми обычаями, на протяжении веков определявшими общественный уклад народов Кавказа. Судьям словесных судов предоставлялось право при вынесении решений опираться как на российское законодательство, так и на традиционные правовые нормы.

[1] О представлении к утверждению результатов выборов аульных старшин в Майкопском уезде. 1873 г. // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 98. Л. 15-16 (об).

Благодаря этому подходу судьи могли принимать взвешенные решения, опираясь на слияние имперских законов и глубоко укоренившихся местных обычаев. Создание смешанной судебной системы стало своего рода экспериментом по признанию правового многообразия и культурной специфики Кавказа. При этом реформаторы ставили перед собой задачу не механического замещения традиционных институтов, а их упорядочивания с перспективой поэтапного включения в юрисдикцию Российской империи. Опыт проведения судебной реформы на Кавказе показал, что модернизация и унификация правовых институтов в многонациональном государстве – чрезвычайно сложный и длительный процесс, который невозможен без учета местных особенностей, традиций и интересов населения[1].

Невзирая на препятствия, судебные преобразования 1864 года постепенно внедрялись в кавказскую действительность, сближая регион с общероссийской правовой системой. Однако путь реформ оказался долгим и неоднозначным: быстро привести суды к единому стандарту не удалось. В то время как создавались окружные и мировые суды, а также вводился институт присяжных, в высокогорных аулах продолжали действовать традиционные адатные суды. Фактически реформа представляла собой компромисс, в котором стремление к единой судебной системе сочеталось с вынужденным учетом местных особенностей.

Таким образом, реализация судебной реформы на Западном Кавказе – это пример сложного компромисса. Власть, с одной стороны, декларировала принципы законности и равенства, провозглашенные в 1864 году, а с другой стороны – сохраняла военно-административный контроль. Результатом данных процессов стал правовой плюрализм: в регионе одновременно действовали нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, нормы казачьего войскового права, горский адат и элементы шариата. Эта эклектичная система, несмотря на свою «неправильность» с точки зрения столичных юристов, позволила интегрировать регион в состав империи без разрушения традиционных устоев местного населения.

[1] Жане А.Н. о проблемах реализации судебной реформы 1864 года на Кавказе у Западных Черкесов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №11. С. 142-145.

Таранюк Юлия Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
FiorOrienta@bk.ru,
ORCHID: 0009-0008-8359-1534

Цифровизация толкования права и перспективы её практического применения

Аннотация: Представленная статья исследует различные аспекты внедрения цифровых технологий в юридическую деятельность. Особое внимание уделяется возможности использования искусственного интеллекта при толковании права, для этого исследуется опыт европейских государств, а также Китая. Автор анализирует различные варианты применения искусственного интеллекта для толкования права как в профессиональной юридической деятельности, так и его использования с целью понимания смысла права широкими слоями населения. В заключении автор приходит к выводу, что искусственный интеллект может оказать значительную помощь в юридической деятельности, но полностью заменять человеческий разум им не следует.

Ключевые слова: искусственный интеллект, толкование права, юридическая деятельность, интерактивные практики, цифровые возможности интерпретации права.

В век информатизации всех процессов и решений, в том числе и сферах государственной власти и управления, предпринимаются также попытки цифровизации юридической деятельности и, прежде всего, судопроизводства. Все чаще звучат прогнозы осуществления ряда юридических действий роботами, что будет способствовать существенной экономии денежных средств. Ответим, что данная идея уже постепенно внедряется в жизнь. Примером могут служить действия Сбербанка России 2017 года по

использованию роботов с целью составления исковых заявлений. Данная мера привела к масштабным сокращениям штата работников, на которых было возложено выполнение юридических функций[1].

Также цифровые технологии начинают постепенно внедряться и в деятельность судебных органов. Так, Московским городским судом используются инновационные технологии с целью составления протоколов судебных заседаний[2].

В зарубежных странах инновационные разработки и искусственный интеллект тоже стали использоваться для совершения различных юридических действий, систематизации и толкования права. Юридическое закрепление указанных процессов началось принятием в декабре 2018 года Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях[3].

Принятие решений и анализ искусственным интеллектом законодательства, судебной практики и содержания юридических дел позволяет говорить о том, что современные цифровые разработки уже приспособлены для толкования правовых норм. На сколько эффективна такая деятельность, со временем покажет практика. А пока некоторые разработчики ИИ-технологий пытаются расширить сферу применения цифровых возможностей для толкования права в иной, а не только судебной, юридической деятельности.

Лидером в использовании возможностей искусственного интеллекта в юридической сфере стал, пожалуй, Китай. В последнее время там разрабатываются и реализовываются проекты, которые направлены не только на автоматизацию судебной деятельности и систематизацию нормативных актов и судебных дел, но и позволяющие производить систематическое толкование права с учетом действующих правовых предписаний и судебной практики.

---

[1] Робот-юрист заменит 3000 сотрудников Сбербанка // Ведомости. 2017. 12 января. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/05/03/1194746-peskov-vistuplenie-putina (дата: обращения 24.02.2026).

[2] Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 199.

[3] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята 3–4 декабря 2018 года Европейской комиссией по эффективности правосудия (ЕКЭП) в Страсбурге. URL: https://www.consultant.ru. (дата обращения: 24.02.2026).

Цифровые технологии, используемые для систематизации и интерпретации источников права в Китае, можно условно подразделить на две группы: используемые для профессиональной деятельности и применяемые для широких масс населения. При этом последние играют существенную роль в правовом воспитании граждан, формировании у них уважения к праву и снижении количества противоправных деяний.

К числу так называемых «профессиональных» цифровых технологий, используемых для толкования правовых норм, следует отнести:

1. Нано-модели генерации изображений и моделирования посредством этого юридических ситуаций[1]. Данная разработка оказывает существенную помощь в правоприменительной деятельности, особенно при составлении текста судебного решения. Известно, что судье приходится держать в уме большой объем информации с различных страниц дела, что создает большую умственную нагрузку и отнимает много времени. Нано-модель генерации позволяет систематизировать необходимые фактические и юридические обстоятельства, формируя их в наглядную схему с указанием страниц дела, где они содержатся. Данная схема облегчает толкование обстоятельств дела и позволяет быстрее определиться с нормами права, подлежащими применению в конкретном случае.

2. Систематизация нормативного материала, данных судебной и иной правоприменительной практики, доктринального толкования, правовых принципов и казусов в определенных проектах и моделях искусственного интеллекта. В связи с растущим спросом на юридические услуги и судебное рассмотрение дел, традиционная модель юридических консультаций, при которой осуществляется толкование правовых норм, подвергается трансформации. Традиционно и судьям для интерпретации норм права и вынесения объективного и обоснованного решения, и юристам при оказании различных юридических услуг населению приходится тратить много времени и энергии на поиск необходимой правовой

---

[1] 王治政，陈彦光，孙媛. 知识图谱-司法业务的“强力胶. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5MDg1MTg2Mw==&mid=2458941938&idx=1&sn=4e2d8f96fa730d98ef8d49ef3c7c0994&chksm=b1daaf8a86ad269c81c60da72022c82346396220e90025aaa662da473ae693ab461513094126&scene=27 (дата обращения: 24.02.2026).

информации, анализ и сравнение источников права, их сопоставление с конкретной ситуацией, изучение судебной практики. Чтобы облегчить этот труд, в Китае был создан и уже зарегистрирован в Национальном сетевом информационном бюро проект «Law Steward». Также компанией «Гуйчжоу Лихао», Инженерно-исследовательским центром текстовых данных и когнитивного интеллекта и Государственной лабораторией университета Гуйчжоу была изобретена модель искусственного интеллекта под названием «Law Butler». Она объединяет в себе нормативно-правовой материал, данные судебных дел и иной юридической практики, а также результаты доктринального толкования определенных правовых положений и казусов[1]. Это позволяет использовать цифровые возможности толкования права при экспертизе договоров и правоприменительных актов, составлении юридических документов и профессиональных юридических консультациях.

3. Проведение интерактивных практик и трансляций, организованных органами государственной власти и правоохранительными органами. В качестве примера можно привести интерактивную практику «Я – Прокурор. Кабинет юридической трансляции»[2]. Данный проект создан органами Народной Прокуратуры Китая при поддержке партийных, образовательных и иных учреждений. В процессе данной практики осуществляется, например, разъяснение правовых предписаний при моделировании судебных процессов по определенным делам, привлекаются для объяснения эксперты, даются ответы на возникшие вопросы. Такая форма взаимодействия позволяет общественности «погрузиться» в сферу прокурорской и судебной деятельности и «изнутри», находясь в смоделированной ситуации, понять смысл того или иного правового предписания.

4. Разработка онлайн программ для оказания в цифровом пространстве профессиональных юридических услуг. В 2024 году в Китае вышла такая программа. Она осуществляет функции тол-

---

[1] 赖卓, 王琦, 孙斌. 校企联动 | 什么？这个“法管家”是AI？. URL: https://www.gzstv.com/a/a6e01c0841c24673ae1d64a15fcf2007 (дата обращения: 24.02.2026).

[2] E**法黔行 • 网**络普法看贵州丨贵州省人民检察院：检察官变“**主播**”！让法律知识“**活**”**起**. URL: https://www.gzstv.com/a/cb78943592c94cee80b0a5f49181c001. (дата обращения: 24.02.2026).

кования по определенным юридическим вопросам, генерации необходимых юридических документов, проверки контрактов, а также позволяет найти необходимые нормативные акты и юридические дела, представить модель толкования правовых норм и нормативных актов по определенному вопросу с использованием судебной практики. Кроме этого, её интеллектуальная платформа позволяет получать данные о юридических лицах.

Известно, что толкование права актуально не только для сотрудников государственных органов и учреждений, судей и работников правоохранительных органов. Понимание истинного смысла норм права простыми гражданами также необходимо с целью правильной реализации своих прав, исполнения обязанностей и оценке своих действий с точки зрения их соответствия закону. Поэтому очень важно создание цифровых методов толкования права и для широких слоев населения.

Данные потребности были учтены китайским пилотным проектом «Гуйчжоу», который предоставил гражданам широкие возможности по обращению к инновационным разработкам, способствующим пониманию ими правовых норм. С целью доступности для рядового обывателя смысла сложных юридических текстов и конструкций, в Китае использованы следующие варианты использования цифровых возможностей для интерпретации.

Прежде всего, в рамках пилотного проекта «Гуйчжоу» была разработана так называемая «Интеллектуальная карта», посредством которой систематизированы источники права, действующие в Китае. Её разработчики, учитывая факт обращения к ней не только профессиональных юристов, но и обычных граждан, постарались сделать её простой и интуитивно понятной для понимания. Создатели «Интеллектуальной карты» действовали под лозунгом «Интернет служит народу, и за это отвечает закон»[1].

Над созданием «Интеллектуальной карты» трудились эксперты в области права, сотрудники сетевых информационных учреждений, практикующие юристы. Опираясь на национальное юридическое наследие, практический опыт и онлайн технологии, они учитывали уровень восприятия юридических документов широ-

[1] E法黔行：思维导图详解网络法律法规宣传. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1825369737819324447&wfr=spider&for=pc. (дата обращения: 24.02.2026).

кими слоями населения. Поэтому онлайн-карта построена так, чтобы избежать употребления сложных юридических терминов, заменив их доступными формулировками и интуитивно понятными схемами, благодаря которым абстрактные юридические нормы становятся доступными для понимания. Например, при отражении в «Интеллектуальной карте» законодательных и практических положений о гражданско-правовой ответственности были использованы фотографии, скомбинированные с текстом, приведены примеры из реальных судебных дел.

Интересно использование возможностей общественных мероприятий, приуроченных ко дням национальных или провинциальных праздников, для разъяснения положений законодательства и основных принципов права.

Так, в 2025 году, 4 декабря, в День Конституции Китая, в провинции Гуйчжоу было проведено мероприятие, целью которого было интерпретировать принцип верховенства Конституции и законов способом, доступным для населения. Особый упор был сделан на то, чтобы истолковать закон образом, понятным для сельской местности. Для этого проект «Конституция в сельской местности» был реализован на сельскохозяйственных рынках. В мероприятии принимали участие профессиональные юристы, для которых были оборудованы рабочие места.

Сельским жителям разъяснялись интересующие их положения закона на их провинциальном диалекте, с использованием материалов аналогичных судебных дел и использованием цифровых технологий, например, построения схем или моделирования ситуаций. Также места для проведения юридических консультаций были оборудованы плакатами, содержащими указания, напрямую волнующие сельских жителей (например, «Права на землю и законные интересы гарантированы законом», «Не следует извлекать выгоду из использования незаконного труда мигрантов» и др.).

Вообще, как показывает китайская практика, широкое использование цифровых возможностей для разъяснения содержания правовых предписаний востребовано населением и приносит пользу. Департаментом юстиции провинции Гуйчжоу был открыт инновационный выставочный зал, в котором применены цифровые технологии, в частности, 3D-моделирование, создание ки-

берпространств и использование искусственного интеллекта. Было создано 7 выставочных залов, в том числе по методике правовой популяризации закона, моделирования практической ситуации, в которой были использованы истории персонажей, выставки продуктов, интерактивное взаимодействие и другие. Это вызвало интерес среди рядовых граждан и способствовало более полному пониманию ими смысла правовых норм.

Неплохие результаты для уяснения гражданами смысла и содержания права приносит использование для толкования произведений культуры и искусства. Здесь создатели проекта «Гучжоу» учли сложность для понимания абстрактных юридических норм вне конкретной жизненной ситуации, поэтому решили пойти по методу их «оживления». Для этой цели они создали 72 песни, посредством которых попытались интерпретировать содержание 38 законодательных актов. Эти песни потом стали озвучивать в ходе общественных мероприятий. Особенно активно использовались провинциальные мероприятия, наподобие «Деревенской суперлиги», которые очень любимы китайцами, в том числе и в медиапространстве. Как было выявлено в ходе исследований, попытка разъяснить содержание законодательных актов посредством песен способствовала предотвращению правонарушений, которые могли бы быть совершены вследствие отсутствия у субъектов необходимых юридических знаний и понимания смысла закона[1].

При толковании права важно, чтобы субъект, которому оно разъясняется, правильно понял его содержание. Данной цели легче достигнуть, если учитывать национальный и локальный менталитет заинтересованного субъекта. Для этой цели в регионах, где преобладает население, принадлежащее к определенной этнической группе, в Китае используются местные и национальные обычаи, нематериальное культурное наследие. При помощи «Интеллектуальной карты» жителям разъясняются способы защиты их интеллектуальной собственности и культурных ценностей в цифровую эпоху. Демонстрация законодательства посредством инновационных технологий позволила наглядно продемонстрировать, как нор-

[1] E法黔行：思维导图详解网络法律法规宣传. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1825369737819324447&wfr=spider&for=pc. (дата обращения: 24.02.2026).

мы права будут действовать в реальной жизни, что повысило интерес населения к законодательству и юридическому образованию.

Эффективность толкования также достигается посредством сочетания возможностей нескольких медиа-платформ, онлайн и офлайн ресурсов. Так, над созданием цифрового обзора законодательства в Китае сотрудничали более 1300 платформ юридического образования, использовались возможности интеллектуальных карт, аккаунтов WeChat, Weibo, Douyin и других, видеороликов, анимации, юридических статей и иного контента. Также в медиа-пространстве систематизируются «сборники случаев», которые объединяют правовые разъяснения по наиболее популярным у населения вопросам.

К работе онлайн-проекта привлекались простые люди. Они были задействованы в онлайн-трансляциях, онлайн чатах в формате «вопрос-ответ», конкурсах знаний и иных интерактивных мероприятиях. Для участия в данных мероприятиях, например, Бюро юстиции префектуры Цяньдуннань решило опереться на новую медиа-платформу «Популяризация законов Мяо Донг», для чего приглашала к участию юристов, представителей государственных и правоохранительных органов. Указанные лица в прямой трансляции осуществляли интерпретацию норм права при помощи типичных примеров из практики, стараясь донести юридические знания до тысяч людей.

Также проект «Гуйчжоу» сотрудничает с крупными СМИ в сети «Интернет» с целью подготовки специальных репортажей и углубленных правовых разъяснений, приглашает экспертов права для проведения лекций, проводит углубленный анализ законодательства и помогает пользователям сети понимать их и применять в конкретных случаях.

Для популяризации законов и разъяснения положений законодательства используются также рекламные кампании. К их возможностям прибегают так часто, что в Китае даже сформировался термин «юридическая реклама». В данной деятельности участвуют представители общественности и профессиональные юристы. Они посещают учебные заведения, сельские объекты, предприятия и распространяют рекламные материалы, проводят лекции по праву, юридические консультации. На указанных объектах особой популярностью пользуются разъяснения о правовом регулировании

коммуникации между предприятиями, анализируются правовые риски онлайн операций, управления электронными данными и т.д.[1]

Таким образом, возможности цифровых технологий и искусственного интеллекта для толкования права уже применяются во многих странах, и в некоторых из них – достаточно широко. Это позволяет существенно облегчить нагрузку на правоохранительную и судебную систему, предоставив правоприменителю необходимый объем информации для правильного понимания нормативного материала и формирования текста правоприменительного акта.

Отметим, что в Российской Федерации пока еще отсутствует масштабный опыт по внедрению цифровых технологий и искусственного интеллекта в деятельность судебных и правоохранительных органов, однако такая возможность рассматривается в качестве одного из перспективных направлений. Об этом свидетельствует принятие в 2019 году Указа Президента Российской Федерации № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года[2]. П. 19 Стратегии гласит, что развитие и применение искусственного интеллекта в России должно производиться целях реализации основополагающих прав и свобод человека, и среди таких прав выделяет право на труд.

Это свидетельствует в том числе и о том, что цифровые технологии и искусственный интеллект не могут заменить человека в полной мере, но могут служить ему опорой и поддержкой. Вполне реальным выглядит использование искусственного интеллекта для систематизирования нормативных актов, судебной практики и доктринального толкования по конкретным вопросам, что облегчит поиск необходимых документов и их систематическую интерпретацию для принятия конкретного юридического решения. Также положительно расценивается возможность цифрового моделирова-

---

[1] 赵珊珊. 张瑄谈应对电子商务平台服务协议的规制问题. 应发挥服务协议程序性条款的实际效力. URL: http://www.legaldaily.com.cn/fxjy/content/2025-03/06/content_9143062.html. (дата обращения: 24.02.2026).

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10. 2019 г. № 490 (ред. 15.02.2024 г. № 124) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?ysclid=mlyyg4nna0501962331 (дата обращения: 24.02.2026).

ния ситуации и составление нано-схем. Это поможет правоприменителю взглянуть на ситуацию с другой стороны.

Использование цифровых технологий для построения выводов по конкретным случаям и формирования мотивировочной части правоприменительного акта, по нашему мнению, также интересно и заслуживает внимания, но здесь важно помнить об отсутствии у искусственного интеллекта человеческих возможностей, в том числе эмпатии, что не позволит в должной мере произвести оценку, например, смягчающих и отягчающих обстоятельств по делу.

Цифровые возможности по разъяснению смысла законодательства гражданам также имеют благоприятные перспективы. Это может быть создание интерактивных демонстрационных залов моделирования юридических ситуаций, интеллектуальных карт, схем, использование возможностей анимации.

Следовательно, цифровые технологии и искусственный интеллект могут оказать правоприменителям огромную помощь в уяснении и разъяснении норм права. Но при этом важно понимать, что можно оставить на усмотрение инновационных технологий, а что субъект применения права должен осуществлять только самостоятельно.

Тушканов Игорь Валентинович,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»;
tushkanovi@rambler.ru;
https://orcid.org/0000-0001-8398-5025

Правовое регулирование процесса в полковых судах по Военно-судебному уставу 1867 года

Аннотация. Созданные в результате военно-судебной реформы Александра II полковые суды стали низшим звеном в системе

военной юстиции и рассматривали незначительные гражданские и уголовные дела нижних чинов. Целью настоящего исследования является рассмотрение правовой регламентации процесса в этих судах. Для достижения поставленной цели были проанализированы Военно-судебный устав 1867 года и работы современных ученых. При подготовке статьи применялись диалектический, историко-генетический, системный и сравнительно-правовой методы. В результате проведенного исследования сделан вывод, что создание полковых судов и регламентация судопроизводства, способствовали реализации принципов законности, гуманности и справедливости в деятельности органов военной юстиции.

Ключевые слова: военная юстиция, военно-судебная реформа, Александр II, полковой суд, Российская Империя, судебный процесс.

15 мая 1867 года Император Александр II утвердил Военно-судебный устав[1], который стал одним из важнейших элементов военной реформы, подготовленной министром Д.А. Милютиным. Рассмотрению военно-судебной реформы 1867 года посвящено немало исторических и историко-правовых исследований, начиная с трудов И.И. Иллюстрова[2] и П.А. Зайончковского[3]. Среди работ последнего времени можно выделить фундаментальную монографию «Военная юстиция в России: история и современность»[4], статьи А.К. Балдина[5], О.В. Григорьева[6], Г.И. Загорского[1],

[1] Высочайше утвержденный Военно-судебный устав // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXXII (1867 г.). № 44575. // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 20.01.2026 г.)

[2] Иллюстров И.И. Военные суды в русской армии за двадцатипятилетие. 1861-1885 г. Обзор стат. сведений по всеподданнейшим отчетам Воен. м-ва. М.: типо-лит. А. Тяжелова, 1890. 162 с.

[3] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1952. 368 с.

[4] Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М.: РГУП, 2017. 564 с.

[5] Балдин А.К. Особенности формирования военно-судебной системы России в результате судебной реформы 1864 года // Актуальные вопросы современной науки. Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд. Научно-издательский центр Вестник науки, 2024. С. 72 – 78.

[6] Григорьев О.В. Генезис органов военного правосудия (середина XVI – начало XXI вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 9 – 12; Григорьев О.В. Военное правосудие императора Александра II // Историческая и социаль-

Т.Ю. Сухондяевой[2], И.Р. Халиуловой[3], В.А. Шагаева[4] и других авторов. Вполне можно согласиться с Г.И. Загорским, который обоснованно указывает, что «законодательство о судоустройстве и судопроизводстве многократно дополнялось, уточнялось, были попытки провести контрреформу, но, тем не менее, данное законодательство практически оставалось действующим в России до 1917 года, а многие его институты были восприняты и современным законодательством Российской Федерации»[5]. Несомненно, что исследование различных аспектов пореформенного судопроизводства продолжает сохранять свою актуальность.

Военно-судебный устав 1867 году начинался с указания, что «власть судебная в военном ведомстве принадлежит полковым судам; военно-окружным судам и Главному военному суду с двумя его отделениями, в качестве верховного кассационного суда»[6]. Следовательно, органы военно-судебной власти достаточно четко отделялись от органов военно-административных в лице

но-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 4 – 1. С. 50 – 55; Григорьев О.В. Деятельность полковых судов по укреплению правопорядка в пореформенный период (1867 – 1917 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 4 – 2. С. 125 – 133.

[1] Загорский Г.И. Военно-судебная реформа 1867 года как реализация идей судебной реформы 1864 года в деятельности органов военной юстиции // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 33 – 38.

[2] Сухондяева Т.Ю. Становление и развитие военно-судебной системы России в XIX – начале XX в. // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Вологда, 26-27 октября 2023 г.): в двух частях / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики; ответственный редактор В. Н. Некрасов. Ч. 2. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2024. С. 234-240.

[3] Халиулова И.Р. Нормативно-правовое обеспечение военно-судебной реформы 1867 г. // Актуальные вопросы в науке и практике. Сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции. В 5-ти частях. Часть 4-я. Уфа: ООО «Дендра», 2017. С. 70 – 74.

[4] Шагаев В.А. Изменение военно-судебной системы России в ходе реформ 1867 года // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4(5). С. 157 – 164; Шагаев В.А. Основные направления реформы военного судопроизводства Российской империи (вторая половина XIX века) // Гуманитарный вестник ВА РВСН. 2016. № 4. С. 131 – 144.

[5] Загорский Г.И. Военно-судебная реформа 1867 года как реализация идей судебной реформы 1864 года в деятельности органов военной юстиции // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 37.

[6] Высочайше утвержденный Военно-судебный устав // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXXII (1867 г.). № 44575. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 20.01.2026 г.). Ст. 1.

командиров частей и подразделений. Полковые и военно-окружные суды рассматривали дела по существу[1], как суды первой инстанции. Как справедливо отмечает О.В. Григорьев, «сущность военно-судебной реформы 1867 года состояла в создании таких военно-судебных органов, которые соответствовали бы как структуре реформируемых Вооруженных сил, так и введенным судебной реформой 1864 года передовым принципам судоустройства и судопроизводства»[2].

Полковые суды учреждались при каждом полку и других частях войск, начальники которых пользовались властью полковых командиров. Причем «суды эти носят название той части войск, при которой они состоят». Естественно, что и именно эти части и были подведомственны «своему» полковому суду[3], что обеспечивало возможность для потерпевшего или истца быстрого обращения в полковой суд и рассмотрения дела.

Согласно Военно-судебному уставу полковой суд состоял из штаб-офицера (старший офицер (например в пехоте, в чине от капитана до полковника) – И.Т.) как председателя и двух обер-офицеров (младшие офицеры (в пехоте в чине от подпоручика до штабс-капитана) – И.Т.), в качестве членов». Закон указывал, что «председатель и члены суда назначаются командиром той части войск, при которой суд учреждаем: председатель – на один год, а члены – на шесть месяцев, с тем чтобы через каждые три месяца выбывал один из членов по очереди»[4]. По мнению О.В. Григорьева, суды, состоявшие из офицеров, очень хорошо знавших обвиняемых, обеспечивали «возможность оперативно и справедливо применять санкционные меры»[5]. Важно отметить, что уставом предусматривалась обязательная ротация председателя (каждый год) и членов суда (каждые полгода). Это было связано с тем, что назначенные судьями офицеры не освобождались от своих непосредственных обязанностей.

Делопроизводством в полковом суде занимался специально

---

[1] Военно-судебный устав…Ст. 4.

[2] Григорьев О.В. Генезис органов военного правосудия (середина XVI – начало XXI вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 11.

[3] Военно-судебный устав ... Ст. 3, 8.

[4] Военно-судебный устав … Ст. 9, 10.

[5] Григорьев О.В. Деятельность полковых судов по укреплению правопорядка в пореформенный период (1867 – 1917 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 4 – 2. С. 131.

назначенный обер-офицер, причем он не должен был служить в штабе полка[1], хотя заседания самого полкового суда должны были проходить, как правило, в помещении полкового штаба[2]. В целом, нужно отметить, что полковые суды играли главную роль в обеспечении военного правосудия. По подсчетам П.А. Зайончковского, полковые суды рассматривали около 60 % всех уголовных дел военнослужащих[3], хотя следует учитывать, что это были незначительные дела и полковые суды можно соотнести с мировыми судьями для гражданских лиц.

Как было сказано в Военно-судебном уставе, «ведомству полковых судов подлежат дела о нижних чинах (рядовые и унтер-офицеры, в пехоте, например от солдата до фельдфебеля – И.Т.), как пользующихся, так и не пользующихся особенными правами, по происхождению, воспитанию, или службою приобретенными, в случае содеяния ими преступлений или проступков, за которые по закону определяются только исправительные наказания, не влекущие за собой: для первых – лишения или ограничения особых прав и преимуществ, а для последних – отдачи в военно-исправительные роты и другие более тяжкие наказания»[4]. Из этих дел передавались в ближайший мировой суд дела, если вместе с военнослужащими обвиняются гражданские лица и проступок не связан с нарушением воинской дисциплины. В военно-окружные суды передавались дела нижних чинов если, во-первых, они были связаны с нарушением дисциплины и правил военной службы, а среди обвиняемых были гражданские лица; во-вторых, если сумма ущерба свыше 100 рублей; в-третьих, когда обвиняемым грозил штраф свыше 100 рублей[5]. Для понимания значения данной суммы можно указать, что в период с 1863 года по 1872 год средняя цена одной десятины (1,09 га) удобной земли в губерниях Европейской России составляла 18,91 руб.[6] При этом каждому полковому суду были подсудны нижние чины

---

[1] Военно-судебный устав … Ст. 17.

[2] Военно-судебный устав … Ст. 19.

[3] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. С. 100.

[4] Военно-судебный устав … Ст. 260.

[5] Там же. Ст. 261.

[6] Материалы по статистике движения землевладения в России. Выпуск XIII. Погубернские итоги мобилизации земель и средние земельные цены за 40-летие. 1863 – 1902 гг. СПб.: Изд. Департамента окладных сборов, 1907. С. IX. Табл. IV.

только того полка или той части войск, при которых полковой суд был учрежден. Нижние же чины разных команд и частей войск, где не были учреждены полковые суды, были подсудны суду местного губернского батальона, либо (в случае его отдаленности) – ближайшему полковому суду»[1]. Таким образом, полковые суды обеспечивали правосудие на уровне каждой воинской части или гарнизона, рассматривая дела, хотя и незначительные, но достаточно многочисленные.

Непосредственный («ближайший») надзор за порядком производства дел в полковом суде возлагался на председателя суда. Командир полка, в свою очередь осуществлял надзор за безостановочным движением и за правильным производством дел в полковом суде, а также осуществлял рассмотрение и разрешение жалоб, приносимых на действия суда[2].

Во время судебного процесса, как сказано в Военно-судебном уставе, «все, находящиеся при разборе дела в полковом суде, обязаны соблюдать правила благопристойности, порядок и тишину, беспрекословно подчиняясь в этом отношении распоряжениям председателя полкового суда. Виновных в нарушении сего председатель суда останавливает напоминанием, а в более важных случаях удаляет из присутствия»[3]. Если нарушитель военнослужащий, то сообщается его начальнику для вынесения взыскания, а если гражданский – то штраф до 5 рублей.

По всем уголовным делам, поступавшим на рассмотрение полковых судов, обязанность полного разъяснения обстоятельств дела возлагалась на сами суды. Но при этом в обличении обвиняемых перед судом могли принимать участие частные лица, потерпевшие от преступных действий, а также полицейские и другие должностные лица, если дело началось по их сообщениям[4]. Следовательно, специального предварительного следствия для незначительных дел, подлежащих полковому суду, как и мировому суду, не предусматривалось.

Но при этом закон жестко указывал, что «каждый из военных начальников обязан наблюдать в пределах подведомственных ему частей и управления, чтобы никто не задерживался под стра-

[1] Военно-судебный устав … Ст. 262.
[2] Военно-судебный устав … Ст. 21.
[3] Там же. Ст. 20.
[4] Там же. Ст. 211.

жей иначе, как в случаях и в порядке, законами определенных. По удостоверению в неправильном задержании кого-либо, военный начальник, если задержание последовало по распоряжению лица, ему подчиненного, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы; в прочих же случаях сообщает о замеченной неправильности подлежащему начальству»[1]. Таким образом обеспечивалась реальная неприкосновенность личности, достаточная гарантия от незаконного содержания под стражей.

Дела в полковом суде начинались по приказу командира полка, основанием для которого могли быть его личная инициатива, донесения о правонарушениях нижестоящих начальников, жалобы частных лиц или сообщения от гражданских официальных органов[2]. О дне и часе заседания полкового суда извещались лица, подавшие жалобу, которые могли присутствовать лично или направить своего доверенного. Военнослужащие-подсудимые вызывались на заседание по распоряжению председателя суда; свидетели и потерпевшие из числа военнослужащих приглашались через своих ближайших начальников, а гражданские лица – специальной повесткою. Гражданские частные или должностные лица могли также представить своих свидетелей самостоятельно[3]. В результате все заинтересованные стороны могли присутствовать на заседании суда.

Председатель и члены полкового суда обязаны были самоустраниться если их мнение могло быть субъективным. Обвиняемый или потерпевший могли потребовать отвода любого из членов суда, но обязаны были сделать это в первое заседание суда. Командир полка назначал на место устранившегося или отводимого члена суда другого офицера[4]. Данное правило обеспечивало объективность рассмотрения и незаинтересованность судей в победе той или иной стороны.

В ходе процесса полковой суд разбирал дела устно и, в большинстве случаев, открыто. При закрытых дверях рассматривались дела «1) о нарушениях военной дисциплины; 2) о проступках против прав семейственных; 3) об оскорблении женской чести, непотребстве и других бесстыдных или соединенных с со-

[1] Там же. Ст. 215.
[2] Там же. Ст. 271, 272.
[3] Военно-судебный устав … Ст. 292 – 296.
[4] Там же. Ст. 309 – 311.

блазном действиях; и – 4) о проступках, преследуемых не иначе, как по жалобам частных лиц, когда обе стороны просят о негласном разбирательстве дела»[1]. Также командир полка мог издать распоряжение о закрытом рассмотрении дела, «в видах ограждения дисциплины», но при этом он одновременно был обязан доложить о своем решении «начальнику дивизии с подробным объяснением причин, побудивших к сей мере»[2]. Закон закреплял этими правилами гласность и открытость судебного процесса в полковых судах как норму, а закрытое рассмотрение дела как редкое и всегда обоснованное исключение.

В начале заседания председатель полкового суда предъявлял обвиняемому сущность и основания обвинения, после чего спрашивал его, признает ли он себя виновным. Также председатель был обязан разъяснить обвиняемому, что он имел право не отвечать на этот вопрос или не признавать себя виновным[3]. Этим гарантировалось право каждого человека не свидетельствовать против себя и хранить молчание. После ответа или отказа от него обвиняемого, выслушивались свидетели «в подтверждения обвинения», затем спрашивали подсудимого, «что может представит он в свое оправдание». Затем выслушивались «указанные подсудимым свидетели»[4]. Такой порядок опроса свидетелей, несомненно, был в пользу подсудимого, поскольку лучше запоминались и оставляли главное впечатления те, кто говорил в конце. После опроса каждого из свидетелей, председатель полкового суда спрашивал «обвиняемого и лицо, потерпевшее от преступления или проступка, не желают ли они предложить свидетелю какие-либо вопросы»[5], что давало возможность обеим сторонам допрашивать свидетелей процессуального противника и обеспечивало реальную состязательность и равенство сторон.

Следует заметить, что в качестве свидетелей не допускались «1) безумные, сумасшедшие, - и 2) духовные лица – в отношении к признанию, сделанному им на исповеди»[6]. Эти ограничения

[1] Там же. Ст. 312.
[2] Там же. Ст. 313.
[3] Там же. Ст. 315.
[4] Там же. Ст. 316.
[5] Там же. Ст. 327.
[6] Военно-судебный устав … Ст. 320.

предоставляли священникам хранить тайну исповеди, не входя в конфликт с законом и государством.

Очень важное значение имела норма Военно-судебного устава, которая гласила, что «жена обвиняемого лица, родственники его по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родные его братья и сестры, могут устранить себя от свидетельства; если же не пожелают воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги»[1]. Следовательно, даже на уровне полкового суда (самого низшего среди военных судов), жестко закреплялось право каждого человека не свидетельствовать против своих близких.

Осмотры, освидетельствования и обыски должны были производиться в присутствии двух понятых, обвиняемого и других участвующих в деле лиц. При этом в Военно-судебном уставе подробно расписывался порядок этих следственных действий, как на территории воинской части, так и вне ее территории[2]. Столь подробная регламентация исключала возможность сокрытия, подмены или подбрасывания улик.

В соответствии с законом, «в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии, приглашаются в полковой суд сведующие люди»[3]. Их задача состояла в пояснении того или иного обстоятельства, имеющего значение для рассматриваемого в полковом суде дела.

За неявку к осмотру, освидетельствованию или к обыску понятые и сведующие люди из гражданских лиц, могли быть подвергнуты полковым судом денежному взысканию не свыше 25 рублей. Явка военнослужащих обеспечивалась их командованием, которое могло применять меры дисциплинарного воздействия.

В конце судебного процесса «записанные в полковом суде показания обвиняемого лица, потерпевшего от преступления или проступка, и свидетелей прочитываются тем лицам, коими они сделаны, исправляются по их указаниям и подписываются ими, если они грамотны»[4]. Такая процедура позволяла обеспечивала полную достоверность протокола судебного заседания.

---

[1] Там же. Ст. 321.
[2] Там же. Ст. 330 – 335.
[3] Там же. Ст. 336.
[4] Там же. Ст. 340.

Затем «по выслушивании всех сторон и по соображении всех доказательств, имеющихся в деле» полковой суд принимал решение. Если дело начиналось по жалобе частного лица и закон предусматривал возможность примирения сторон, то полковой суд должен был этому способствовать. В случае успеха составлялся специальный акт, где указывались условия примирения, копии которого выдавались сторонам. Возобновление дела при этом запрещалось[1]. В других делах полковой суд «решал вопрос о вине или невинности подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве»[2]. Приговор принимался большинством голосов, при этом запрещалось кому-либо присутствовать при совещании членов суда[3]. Признанного виновным полковой суд приговаривал, на точном основании законов, к наказанию и к уплате как судебных издержек, так и вознаграждения за причиненный им вред и убытки. Однако при этом, «постановляя приговор по закону», полковой суд мог ходатайствовать перед полковым командиром о смягчении подсудимому наказания с изъяснением причин, облегчающим вину осуждаемого»[4]. Такой порядок совмещал важнейшие принципы судопроизводства – законности и гуманности. Приговаривая к уплате денежного взыскания, полковой суд, на случай несостоятельности виновного, определял и размер другого наказания, заменяющее денежное взыскание[5], что было воплощением принципа справедливости.

При объявлении приговора председатель суда в обязательном порядке объяснял подсудимому, что он, если недоволен решением суда, то имеет право «принести письменно или словесно отзыв на имя полкового командира». Отзыв этот представлялся председателю полкового суда и приобщался к делу[6]. Затем приговор полкового суда направлялся командиру полка, который его утверждал[7].

Проведя анализ статей Военно-судебного устава 1867 года, посвященных правовому регулированию процесса в полковых

---

[1] Военно-судебный устав … Ст. 344 – 345.
[2] Там же. Ст. 343.
[3] Там же. Ст. 346.
[4] Там же. Ст. 347.
[5] Там же. Ст. 349.
[6] Там же. Ст. 352.
[7] Там же. Ст. 357.

судах, можно сделать ряд выводов. Полковые суды являлись низовым звеном военной юстиции, выполняя функции мировых судов, рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела с суммой ущерба или взыскания до 100 рублей, где ответчиками или обвиняемыми были нижние чины. Эти суды создавались приказом командира полка и состояли из трех офицеров, которые периодически менялись, поскольку одновременно продолжали исполнять свои непосредственные обязанности. Судопроизводство в полковых судах было устным, открытым в большинстве случаев, при равенстве и состязательности сторон; обеспечивало реализацию принципов законности, гуманности и справедливости. Военно-судебный устав обеспечивал права участников процесса хранить молчание, не свидетельствовать против себя и своих близких; а также тайну исповеди. В качестве доказательств использовались документы, показания свидетелей, результаты осмотра, освидетельствования или обыска, а также разъяснения сведующих лиц. Рассмотрение дела могло заканчиваться как примирением сторон, так и решением или приговором. Приговор утверждался командиром полка, который мог по собственной инициативе или по рекомендации суда смягчить наказание.

В целом, проведение военно-судебной реформы 1867 года и, в частности, создание полковых судов, действовавших в рамках основных прогрессивных принципов права, вывело военно-судебную юриспруденцию России на совершенно новый уровень, вполне подходящий для наших дней. Недаром А.К. Балдин вполне обоснованно отмечает, что «дореволюционные традиции военной юстиции учитываются в современной судебной системе военных судов»[1].

[1] Балдин А.К. Особенности формирования военно-судебной системы России в результате судебной реформы 1864 года // Актуальные вопросы современной науки. Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд. Научно-издательский центр Вестник науки, 2024. С. 76.

II Секция «Судебная юриспруденция в публичном и частном праве»

Александров Михаил Владимирович
аспирант кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»
nexaysuren2@mail.ru

Мотивированное постановление прокурора как инструмент уголовного преследования: эффективность и перспективы развития

Аннотация: Статья посвящена анализу эффективности института мотивированного постановления прокурора о направлении материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Исследование основано на изучении научных позиций и правоприменительной практики, выявляющих системные недостатки данного правового механизма. В работе рассматриваются проблемы необоснованных отказов в возбуждении дел и нарушения принципа разумного срока судопроизводства. На основе проведенного анализа обосновывается вывод о необходимости восстановления права прокурора самостоятельно возбуждать уголовные дела как единственного эффективного способа решения выявленных проблем и обеспечения подлинной защиты прав участников уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, мотивированное постановление прокурора, возбуждение уголовного дела, прокурорский надзор, органы предварительного расследования, досудебное производство, процессуальные гарантии.

Институт постановления прокурора о направлении материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании занимает особое место в современной

российской системе уголовного судопроизводства. Введенный в качестве компенсаторного механизма после утраты прокурором права самостоятельно возбуждать уголовные дела, данный институт призван обеспечить эффективную реализацию функции уголовного преследования на досудебной стадии процесса.

Актуальность исследования обусловлена противоречивой правоприменительной практикой и дискуссионностью оценок эффективности данного правового инструмента в научном сообществе. С одной стороны, мотивированное постановление прокурора представляет собой квалифицированный правовой акт, содержащий предварительную юридическую оценку выявленных нарушений уголовного законодательства. С другой стороны, практика его применения выявляет системные проблемы взаимодействия прокуратуры с органами предварительного расследования, включая формальное отношение к прокурорским требованиям и необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел.

Особую озабоченность вызывает трансформация роли прокурора из субъекта властных полномочий в «ходатайствующее лицо», что противоречит природе прокурорского надзора и может негативно сказываться на защите прав потерпевших и обеспечении неотвратимости уголовной ответственности. Существующая практика «бесконечной переписки» между прокурорами и руководителями следственных органов не только нарушает принцип разумного срока уголовного судопроизводства, но и девальвирует авторитет прокуратуры как гаранта законности.

Мотивированное постановление прокурора о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства является ключевым элементом реализации прокурором функции уголовного преследования на стадии возбуждения дела. Это результат комплексной работы прокурора, включающей в себя анализ поступивших сообщений о преступлениях, изучение материалов проверок, оценку собранных доказательств, определение квалификации предполагаемых преступлений, а также оценку достаточности оснований для возбуждения уголовного дела.

Постановление содержит подробное обоснование необходимости передачи материалов в следственный орган или орган до-

знания. В нем прокурор детально излагает обстоятельства дела, приводит доказательства, указывает на признаки состава преступления, определяет круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности, а также формулирует конкретные вопросы, которые должны быть расследованы.

По мнению А.А. Гаглоева, введение в статью 140 УПК РФ постановления прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, как повода для возбуждения уголовного дела, привело к тому, что возбуждаются уголовные дела, не имеющие реальных перспектив в суде, поскольку эффективность работы прокурора часто оценивается количеством возбужденных дел, что обуславливает крайне редкие отказы в возбуждении дела по материалам, поступившим от прокурора, даже при наличии всех оснований для этого[1].

Данная позиция не учитывает реальные проблемы взаимодействия прокуратуры с органами предварительного расследования.

Во-первых, утверждение о том, что прокурорские постановления приводят к возбуждению бесперспективных дел, не определяет основную проблему – фактическое отсутствие должной реакции органов расследования на указания прокурора. На практике руководители следственных органов часто занимают формальную позицию по отношению к прокурорским постановлениям, что приводит к повторным отказам в возбуждении дел даже при наличии достаточных оснований.

Во-вторых, проблема заключается не в избыточной активности прокуроров, а в недостаточной эффективности их воздействия на следственные органы. Руководители следственных органов могут принимать решения, основываясь на собственных приоритетах, а не на правовой оценке прокурора.

Кроме того, система оценки эффективности прокурорской деятельности по количественным показателям хоть и не является в полной мере объективным, но это не означает, что сам институт прокурорского постановления неэффективен. Проблема заключа-

[1] Гаглоев, А. А. О необходимости совершенствования правового положения участников процесса в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Гаглоев // Интеграция наук. – 2018. – № 4(19). – С. 270-272.

ется в неправильной методологии оценки результатов работы, а не в самом правовом механизме.

С.А. Вецкая и Л.Р. Муллагалеева считают некорректным выделение постановления прокурора как единственного повода для доследственной проверки, поскольку закон не устанавливает приоритетность поводов и обязывает следователя самостоятельно принимать решение по её результатам[1].

Позиция отражает формально-юридический подход к пониманию поводов для возбуждения уголовного дела, но не учитывает практические особенности прокурорского надзора и его роль в обеспечении законности.

Авторы справедливо указывают на то, что УПК РФ действительно не устанавливает иерархии между различными поводами для проведения доследственной проверки. Формально все поводы равнозначны, и следователь обязан рассматривать каждый из них с одинаковой тщательностью, принимая самостоятельное решение по результатам проверки.

Однако данная позиция не учитывает специфику прокурорского постановления как квалифицированного правового акта. В отличие от обычных заявлений и сообщений о преступлении, постановление прокурора содержит предварительную правовую оценку выявленных нарушений, основанную на профессиональном анализе материалов. Это делает его более весомым основанием для проведения проверки, поскольку прокурор уже провел первичную проверочную деятельность.

Кроме того, равенство поводов не означает равенство их правового значения. Прокурорское постановление отражает позицию органа, осуществляющего надзор за законностью деятельности следственных органов, что объективно повышает его значимость в системе процессуальных актов. Игнорирование этого обстоятельства может привести к формализации взаимодействия между прокуратурой и следствием.

В работе Е.С. Шилова отмечено, что несмотря на то, что постановление прокурора о направлении материалов в качестве повода для возбуждения уголовного дела формально существует,

[1] Вецкая, С. А. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства / С. А. Вецкая, Л. Р. Муллагалеева // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 60-65.

оно не является полноценной заменой утраченного прокурором права самостоятельно возбуждать уголовные дела, а в условиях массовости необоснованных отказов в возбуждении дел требуются более действенные механизмы прокурорского реагирования, чем бесконечная переписка между руководителем следственного органа и прокурором[1].

Особенно ценным представляется указание на проблему «бесконечной переписки», которая не только затягивает процессуальные сроки, но и ограничивает права участников уголовного судопроизводства. Такая система создает возможности для злоупотреблений со стороны следственных органов и препятствует оперативному реагированию на нарушения закона.

Массовость необоснованных отказов в возбуждении дел, на которую указывает автор, свидетельствует о системном характере проблемы, требующей не точечных изменений, а комплексного пересмотра правового статуса прокурора. Восстановление права прокурора самостоятельно возбуждать уголовные дела обеспечило бы эффективную защиту прав потерпевших и гарантировало бы неотвратимость уголовной ответственности.

С.А. Травин утверждает, что в действующей редакции УПК РФ формулировка полномочия прокурора «для решения вопроса об уголовном преследовании» при выявлении нарушений уголовного законодательства, хотя и предполагает направление материалов в следственный орган или орган дознания, фактически ставит прокурора в положение ходатайствующего лица, нарушая право потенциального потерпевшего на разумный срок уголовного судопроизводства и противореча самой природе прокурорского надзора, поскольку вместо императивного документа прокурорского реагирования предлагает лишь рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела или начале процессуальной проверки[2].

Существующая законодательная конструкция действительно трансформирует прокурора из субъекта властных полномочий в

---

[1] Шилов, Е. С. Полномочия прокурора при надзоре за процессуальной деятельностью на стадии возбуждения уголовного дела / Е. С. Шилов // Трибуна ученого. – 2021. – № 3. – С. 140-147.

[2] Травин, С. А. Актуальные проблемы реализации функций прокурора на стадии возбуждения уголовного дела / С. А. Травин // Юриспруденция: вчера, сегодня, завтра: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 сентября 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 55-57.

просителя. Это противоречит самой сути прокурорского надзора как деятельности по обеспечению верховенства закона и создает правовую неопределенность в отношениях между прокуратурой и органами предварительного расследования.

Особенно ценным представляется указание на нарушение прав потенциальных потерпевших, которые оказываются заложниками процедурных проволочек между различными правоохранительными органами. Право на разумный срок уголовного судопроизводства является фундаментальной процессуальной гарантией, и его нарушение недопустимо из-за несовершенства законодательного регулирования.

По мнению М.П. Гусевой, С.М. Даровских, несмотря на то, что большинство следственных действий возможно только после возбуждения уголовного дела, а прокурор, не имея права одновременно с отменой решения об отказе в возбуждении уголовного дела самостоятельно возбудить дело, ограничивается указаниями органу предварительного расследования, распространена практика формулировки в постановлении об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела указания дознавателю «возбудить уголовное дело» вместо самостоятельного решения прокурором этого вопроса[1].

Выявленная проблема убедительно обосновывает необходимость предоставления прокурору права одновременно с отменой незаконного решения самостоятельно возбуждать уголовное дело. Это устранило бы существующую правовую неопределенность, обеспечило бы процессуальную экономию и гарантировало бы реальную защиту прав участников уголовного процесса. Кроме того, такое решение соответствовало бы логике модели уголовного процесса, где прокурор традиционно играет ведущую роль в досудебном производстве.

Прокурор, не имеющий реальных рычагов воздействия на следствие, не может обеспечить надлежащее и объективное расследование, не может гарантировать всестороннее и полное исследование обстоятельств дела ещё на стадии предварительного следствия.

---

[1] Гусева, М. П. Прокурор на стадии возбуждения уголовного дела: дискуссионные вопросы / М. П. Гусева, С. М. Даровских // Вестник науки. – 2019. – Т. 1, № 10(19). – С. 49-52.

Таким образом, лишение прокурора права возбуждать уголовные дела снижает его эффективность в уголовном преследовании, приводит к затягиванию расследований, утрате доказательств и отмене постановлений об отказе в возбуждении дел, поэтому необходимо расширить его полномочия, предоставив право самостоятельного возбуждения дел, что повысит эффективность борьбы с преступностью и защиту прав граждан.

Баграмян Валерий Викторович
аспирант кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»
advokat126@bk.ru

Правовые основы гражданского иска прокурора в уголовном процессе

Аннотация: В статье раскрываются правовые основы предъявления и поддержания прокурором гражданского иска в уголовном процессе Российской Федерации. Проанализированы конституционные, уголовно-процессуальные, гражданско-процессуальные и международные нормы, формирующие правовую базу данного института, а также ведомственные акты прокуратуры. Особое внимание уделено соотношению публичных и частных интересов при реализации прокурором полномочий по защите прав потерпевших и возмещению вреда, причиненного преступлением. На основе анализа статистики ущерба от преступлений и правоприменительной практики выявлены пробелы и коллизии действующего правового регулирования. Рассмотрены возможности совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное право, гражданский иск в уголовном процессе, прокурор, правовые основы, возмещение вреда, защита прав потерпевших, полномочия прокурора.

Современный этап развития уголовного судопроизводства Российской Федерации характеризуется углублением публично-правового начала и возрастанием роли государства в обеспечении реальной защиты прав потерпевших, а также в возмещении причиненного преступлением вреда. В этих условиях деятельность прокурора как субъекта, совмещающего функции обвинения, надзора и защиты прав личности, общества и государства, приобретает особое значение. Согласно статье 52 Конституции Российской Федерации[1] (далее – Конституция РФ), права лиц и организаций, которым преступлением причинен вред, охраняются законом, а государством обеспечивается компенсация ущерба. В уголовном процессе данное конституционное положение реализуется посредством института гражданского иска, который рассматривается одновременно с уголовным делом и направлен на восстановление нарушенных имущественных и моральных прав потерпевших.

Положениями части 3 статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ[2] (далее – УПК РФ) прокурору предоставлено право предъявления гражданских исков в защиту интересов отдельных категорий лиц и государства. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что указанные полномочия реализуются фрагментарно и не в полной мере. По официальным статистическим данным, представленным в форме № 4 «Сведения о суммах материального ущерба, причиненного преступлениями» за 2024 год[3], из общей суммы ущерба, определенной судами по вступившим в законную силу приговорам и решениям, в размере 71,39 млрд рублей подавляющая часть приходится на хищения – 69,81 млрд рублей (97,8 %), тогда как ущерб от преступлений иной направленности (не связанных с хищениями) составил 41,90 млрд рублей, включая 23,04 млрд рублей по статьям 285-293 УК РФ (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправле-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[3] https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942

ния) и 7,38 млрд рублей – по экономическим преступлениям главы 22 УК РФ.

Анализ структуры ущерба по видам собственности свидетельствует, что наибольшую долю составляет ущерб, причиненный личному имуществу граждан – 35,45 млрд рублей (49,6 % от общей суммы), за ним следует ущерб частным юридическим лицам – 10,57 млрд рублей (14,8 %) и государственной собственности – 20,08 млрд рублей (28,1 %). При этом по преступлениям коррупционной направленности (по перечню Генеральной прокуратуры РФ) общая сумма ущерба достигла 11,61 млрд рублей, из которых 9,73 млрд рублей (83,8 %) приходится на государственную собственность, что подчеркивает особую социальную опасность данной категории деяний.

Прокурор в полном смысле этого слова является представителем закона, действует на основании закона, руководствуясь законом и под защитой закона. Поэтому во все исторические периоды руководство нашей страны обращало пристальное внимание на правовую регламентацию работы прокуроров.

Правовые основы прокурорской деятельности включают в себя как организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации, так и нормативные правовые акты всех уровней, в том числе международного.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации Генеральный прокурор РФ определил взаимодействие с органами, организациями и учреждениями иностранных государств и на этом основании поручил обеспечивать соблюдение и исполнение органами и организациями прокуратуры международных договоров, участником которых является Российская Федерация, а также законодательства Российской Федерации, регулирующего в том числе вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства[1].

Как в уголовном, так и уголовно-процессуальном законах Российской Федерации присутствует ярко выраженное преобладание публично-правовых интересов над частноправовыми и хотя большинство современных российских ученых все же отказались

[1] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 03.06.2020 № 297 «О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 03.07.2025).

от термина «кара», тем не менее карательный подход к преступнику до сих пор фактически является превалирующим в российской действительности.

Вместе с тем права и законные интересы лиц, которым в результате преступления причинен тот или иной вред, зачастую находятся в «тени». Однако, как верно отмечает А.В. Гриненко, «именно эти лица, будучи вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений, по сути, страдают дважды – в первый раз – при совершении в отношении них преступлений, во второй – участвуя в производстве предварительного расследования и судебного разбирательства без соответствующих прав или возможностей их реализации»[1].

Во многих странах мира воспринят и продолжает набирать обороты подход «восстановительного правосудия», в основу которого положена необходимость восстановления вреда, причиненного преступлением потерпевшему и активное вовлечение виновного в этот процесс в целях осознания содеянного.

Правовые гарантии компенсации вреда жертвам преступлений нашли отражение в ряде иных международных документов. Основным из них является Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью.

Согласно п. 4 Декларации, жертвы преступлений имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. Статья 5 Декларации предусматривает создание и укрепление механизмов, обеспечивающих реализацию указанных прав, в том числе путем информирования о них жертву преступления.

Важно, чтобы государственные полномочия, исполняемые прокурором при подаче гражданского иска, и частный интерес сочетались друг с другом таким образом, чтобы можно было достигнуть главной цели в уголовном процессе – справедливости, с тем чтобы каждый совершивший преступление был наказан со-

[1] Гриненко, А. В. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших / А. В. Гриненко // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 13 февраля 2015 года / Под редакцией А.И. Бастрыкина. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2015. – С. 271-273.

размерно совершенному преступлению и каждый невиновный, привлеченный к уголовной ответственности, был реабилитирован, а жертва преступления достойным образом была защищена.

Положения, закрепляющие необходимость поиска баланса между публичными интересами государства и частными интересами жертвы и правонарушителей содержатся в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года № 45/110[1].

Многие международно-правовые правила восприняты как российским законодателем, так и судебной практикой. Конституционную основу для гражданского иска, рассматриваемого в рамках уголовного судопроизводства, в том числе заявляемого прокурором, составляют статьи 46, 52 Конституции РФ[2], гарантирующие право каждого на судебную защиту своих прав и свобод, доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Одной из важных гарантий конституционного права потерпевшего на возмещение понесенного им вреда является активная позиция прокурора.

В силу статьи 129 Конституции РФ прокурор выступает субъектом защиты прав и законных интересов граждан и государства.

Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» выступает фундаментальным нормативным актом, определяющим процессуальную роль прокурора. Именно этот закон закрепляет за прокурором широкий круг полномочий, направленных на защиту интересов граждан, общества и государства, устанавливает его процессуальную самостоятельность и определяет порядок реализации его функций.

Статья 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает общие цели и задачи прокуратуры, включая защиту прав и свобод граждан, охраняемых законом интересов общества и государства. Именно здесь закрепляются ба-

---

[1] Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года № 45/110

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // *Российская газета*. – 1993. – 25 дек.

зовые функции прокурора, в том числе по защите прав, нарушенных преступлениями.

Статья 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет полномочия прокурора при осуществлении возложенных на него функций в рамках надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Положения рассматриваемой статьи не могут напрямую составлять правовую основу для предъявления или поддержания прокурором гражданского иска в рамках уголовного процесса, поскольку эта статья специально регулирует полномочия прокурора при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина именно в порядке гражданского и административного судопроизводства.

Тем не менее, положения, закрепленные в части 4 статьи 27 указанного закона, могут служить дополнительным аргументом для расширительного толкования полномочий прокурора в уголовном процессе.

Это положение полностью корреспондирует с аналогичными полномочиями прокурора в уголовном процессе, предусмотренными частью 3 статьи 44 и частью 6 статьи 246 УПК РФ, где прокурор также выступает в защиту интересов потерпевших, не способных самостоятельно защитить свои права и законные интересы, или когда имеется значительное общественное значение.

Однако, считаем, что для устранения существующих пробелов и неопределенности было бы предпочтительнее дополнить часть 4 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» указанием на уголовное судопроизводство, поскольку в рамках рассмотрения уголовного дела также регулярно возникает необходимость защиты прав и свобод потерпевших посредством предъявления гражданского иска, по объективным причинам не имеющих возможность самостоятельно отстаивать свои интересы.

Такое дополнение позволит последовательно закрепить полномочия прокурора по защите интересов граждан в любых видах судопроизводства, устраняя тем самым неопределенность в правоприменении и усиливая защиту потерпевших, особенно в уголовном процессе, где эти вопросы приобретают особое значение.

В ситуации, когда прокурор инициирует или поддерживает гражданский иск в уголовном процессе, он выступает не столько в роли обвинителя, сколько в роли особого процессуального субъекта, защищающего публичные интересы и интересы государства. Соответствующее уточнение функций прокурора поможет избежать смешения процессуальных ролей и обеспечит более эффективную реализацию задач уголовного судопроизводства.

С учетом изложенного, считаем, что для устранения существующей неопределенности и обеспечения единообразия правоприменения, полномочия прокурора по инициированию и поддержанию гражданского иска в уголовном процессе, должны быть прямо указаны в общей статье, посвященной полномочиям прокурора, а именно в статье 37 УПК РФ, как это сделано, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь[1].

Актуальную и дискуссионную проблему в российском праве вызывает применение норм гражданского процессуального законодательства к вопросам, связанным с гражданским иском в уголовном судопроизводстве, которые не урегулированы положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

УПК РФ регулирует порядок рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, однако не охватывает все вопросы, связанные с гражданским иском. В связи с этим возникает вопрос о возможности применения норм ГПК РФ к гражданскому иску в уголовном судопроизводстве.

Существует мнение о необходимости официально закрепить правило конкуренции уголовно- и гражданско-процессуальных законов, т. е. допустить возможность применения норм ГПК РФ при наличии пробелов в УПК РФ[2].

Считаем, что применение норм ГПК РФ к гражданскому иску в уголовном судопроизводстве имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, оно способствует более эффективной защите прав участников уголовного процесса. С другой – приводит к возможному дублированию норм УПК РФ и ГПК РФ, создавая риск возникновения правовых коллизий.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (сизм. и доп. по состоянию на 17.02.2025 г.) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. – 1999. – № 28–29. – Ст. 433.

[2] Сойников, М.А. Гражданский иск в уголовном процессе: история, современность, перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 10. – С. 60–64.

Процессуальные правоотношения, возникающие при рассмотрении гражданского иска прокурора по уголовному делу, по своей материальной природе сходны с аналогичными отношениями в гражданском процессе, поскольку они проистекают из одних и тех же материальных правоотношений потерпевшего. Соответственно, основные признаки исковой защиты прав потерпевшего, характерные для гражданского процесса, в равной степени применимы и в уголовном процессе. Ярким подтверждением этой взаимосвязи служит институт антикоррупционного иска. Являясь правовым механизмом, направленным на выявление и устранение последствий коррупционных действий (в частности, взыскание имущества, стоимость которого не соответствует законным доходам должностного лица), такой иск базируется на нормах Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1] и гражданского законодательства о неосновательном обогащении. Однако его реализация в рамках уголовного дела приобретает особую значимость: удовлетворение такого иска судом, особенно в ситуации, когда ответчик не способен доказать легальность происхождения своего имущества, выступает косвенным признанием преступного характера доходов и служит основанием для их обращения в доход государства.

Помимо процессуального законодательства правовую основу для предъявления и поддержания прокурором гражданского иска в уголовном процессе составляют ведомственные нормативные акты.

Таким образом, правовые основы гражданского иска прокурора в уголовном процессе представляют собой комплекс взаимосвязанных норм конституционного, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и международного права, а также антикоррупционных ведомственных актов, которые в совокупности обеспечивают реализацию прокурором функции защиты прав и законных интересов потерпевших и государства. Вместе с тем, фрагментарность нормативного регулирования, наличие коллизий между УПК РФ и ГПК РФ, а также отсутствие в УПК РФ системно выстроенной главы о гражданском иске создают предпосылки для разнородной судебной практики.

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1), Ст. 6228.

Бочкарева Екатерина Александровна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой административного,
финансового права и экономики
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
finansyst@mail.ru

Чуева Арина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного,
финансового права и экономики
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»; arina.chuieva.81@mail.ru

Реформа института медиации в России: анализ «дорожной карты» и перспективы ее реализации в контексте совершенствования судебной юриспруденции

Аннотация: В статье представлены краткие результаты анализа Плана мероприятий («дорожной карты») по развитию института медиации в Российской Федерации, утвержденного Правительством Российской Федерации. Авторы рассматривают ключевые направления реформы, оценивают их потенциал для снижения нагрузки на судебную систему и гармонизации социальных отношений. Особое внимание уделяется проблемным аспектам и рискам, связанным с имплементацией предложенных мер; формулируются предложения по оптимизации реформы для достижения ее стратегических целей.

Ключевые слова: медиация, альтернативное разрешение споров, дорожная карта, реформа правосудия, судебная нагрузка, медиативное соглашение, профессиональный медиатор, интеграция медиации.

Институционализация медиации в российской правовой системе, начавшаяся с принятием Федерального закона от 27.07.2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1], стала закономерным ответом на глобальные тенденции развития права и общемировой запрос на гуманизацию и повышение эффективности правосудия. Однако, как показала более чем десятилетняя практика, рецепция данного института столкнулась с рядом системных барьеров: от низкого уровня правовой культуры и информированности населения до недостаточной интеграции медиативных практик в деятельность судов и юридического сообщества[2]. В этой связи реформа института медиации выступает не просто элементом совершенствования внесудебных процедур, а одним из ключевых векторов модернизации самой судебной юриспруденции, ориентированной на переход от сугубо состязательной модели к модели, интегрирующей примирительные механизмы.

Знаковым событием стало утверждение Правительством Российской Федерации комплексной «дорожной карты» по улучшению делового климата (Распоряжение от 29.11.2025 года № 3523-р[3]). В рамках одного из ее ключевых направлений – «Разрешение споров» – предусмотрен ряд системных мер по развитию института медиации. Анализ содержания «дорожной карты» позволяет выделить несколько магистральных направлений, каждое из которых заслуживает отдельного рассмотрения в контексте совершенствования судебной юриспруденции.

1. Интеграция медиации в судебный процесс и деятельность государственных органов

Это, пожалуй, наиболее амбициозный и важный блок реформы. План предусматривает разработку механизмов направления сторон на медиацию судом, в том числе на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Здесь мы наблюдаем попытку реализовать модель так называемой «судебной медиации»,

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

[2] См.: Бочкарева Е. А. 100 вопросов о судебном примирении и медиации: практическое пособие. Москва: Русайнс, 2025. URL: https://book.ru/book/958150 (дата обращения: 22.03.2026). 86 с.

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2025 № 3523-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 49. Ст. 7609.

успешно функционирующей во многих зарубежных юрисдикциях. С позиции совершенствования судебной юриспруденции, такая интеграция означает трансформацию роли судьи: от исключительно арбитра, разрешающего спор по существу, к активному организатору примирительного процесса, что требует пересмотра подходов к судейскому усмотрению и процессуальной экономии.

Основная задача – найти баланс между принципом добровольности медиации и необходимостью активного содействия суда примирению сторон. Следует избежать риска превращения направления на медиацию в формальную, «обязательную» процедуру, которая будет восприниматься сторонами как очередное бюрократическое препятствие на пути к судебному решению. Эффективность этого направления будет напрямую зависеть от подготовки судейского корпуса, их умения разъяснить сторонам реальные преимущества медиации, а не просто исполнить предписание.

Программа уделяет особое внимание имплементации медиативных процедур в публично-правовую сферу. Транслируется понимание того, что медиация не посягает на функции государственного управления, не деформирует сущность государственно-властных полномочий, а совершенствует их, компенсируя присущую им формальность. Императивный характер публично-правовых отношений не исключает возможность применения подобного рода механизмов урегулирования споров, поскольку целью публично-правового регулирования является не только обеспечение властного воздействия, но и эффективная защита прав субъектов правоотношений.

2. Совершенствование правового регулирования

Повышение привлекательности медиации представляется затруднительным без надлежащего укрепления ее юридического статуса. В связи с этим авторы «дорожной карты» в качестве одного из векторных направлений избрали совершенствование нормативно-правового регулирования рассматриваемых общественных отношений.

Центральное место в данной стратегии отводится ратификации Сингапурской конвенции (пп. 23, 24 Приложения 21), которая имеет своей задачей «…создание единого механизма международного признания медиационных соглашений»[1]. Имплементация этого

[1] См.: Задорожная И. В. Развитие правового института медиации в законодательстве разных стран // Бизнес и общество. 2025. № 2 (46). URL: https://business-society.ru/2025/2-46/19_zadorozhnaja.pdf. (дата обращения: 22.03.2026).

международно-правового акта обеспечивает приведение в исполнение международных медиативных соглашений в порядке, сопоставимом с исполнением судебных решений, что имеет критическое значение для делового сообщества с точки зрения минимизации правовых рисков и транзакционных издержек.

С точки зрения развития судебной юриспруденции, это сближает медиативное соглашение с судебным актом по своей исполнительной силе, разгружая суды от необходимости рассмотрения споров, уже урегулированных сторонами, и смещая акцент с государственного принуждения на договорные механизмы.

Дополнительным элементом правового регулирования выступает предусмотренный «дорожной картой» план по увеличению количества нотариально удостоверенных соглашений практически в три раза (п. 4 Приложения 20)[1]. Полагаем, что достижение заявленного показателя потребует формирования у субъектов правоотношений устойчивой практики обращения к нотариусу как к участнику процедуры медиации[2].

Совокупность данных правовых механизмов формирует для сторон четкий экономический стимул к выбору медиации в качестве предпочтительного способа урегулирования споров. Ценность данной процедуры в рамках предложенного регулирования детерминируется не только и не столько налоговыми преференциями, сколько гарантированностью и оперативностью исполнения достигнутых договоренностей.

3. Профессионализация деятельности медиаторов и развитие системы их подготовки

Качество медиативных услуг – это фундамент доверия к институту. «Дорожная карта» акцентирует внимание на необходимости разработки профессиональных стандартов, совершенствования программ обучения и повышения квалификации медиаторов. Применительно к совершенствованию судебной юриспруденции речь идет о формировании нового для правовой системы института судебных и профессиональных медиаторов, чья дея-

[1] Отметим, что рассматриваемое нотариальное действие предусмотрено ст. 59.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

[2] См: Ермаков А.Н. К вопросу о расширении исключительных полномочий профессионального медиатора на нотариальную сферу // Цивилистика: право и процесс. 2020. № 2(10). С. 58-63.

тельность становится связующим звеном между частным урегулированием спора и публичным правосудием[1].

В настоящее время медиативные компетенции присутствуют в системе российского юридического образования, однако их интеграция носит разноуровневый характер. Наиболее полно они представлены в программах дополнительного профессионального образования и магистратуры. На уровне бакалавриата и специалитета их включение в учебные планы остается фрагментарным и зависит от инициативы конкретных вузов. Конечно, такая ситуация не в полной мере отвечает требованиям современного рынка труда и вызовам времени. Формирование базовых медиативных компетенций должно стать обязательным элементом подготовки любого юриста, независимо от его будущей специализации. Более того, системное включение этих дисциплин в программы подготовки судей и аппарата судов является необходимым условием для преодоления инерции карательного правосознания и формирования принципиально новой судебной культуры.

Полагаем, что включение медиативных дисциплин во все профили юридического образования будет способствовать: а) повышению конкурентоспособности выпускников на рынке труда; б) профилактике профессиональных деформаций и эмоционального выгорания; в) снижению нагрузки на судебную систему; г) формированию более зрелой правовой культуры, ориентированной на диалог и сотрудничество.

Оптимальным представляется путь создания многоуровневой системы квалификаций, включающей как общую, так и специализированную подготовку (например, в сфере семейной, коммерческой, корпоративной медиации).

4. Популяризация медиации и формирование культуры мирного урегулирования споров

Этот блок мероприятий направлен на решение проблемы низкой информированности граждан и юридических лиц. Проведение информационных кампаний, создание онлайн-ресурсов, интеграция основ медиации в образовательные программы – все это необходимые шаги для формирования в обществе понимания того, что суд не является единственным, а зачастую и не самым эффективным способом разрешения конфликта. Для судебной

[1] Там же.

системы это означает изменение общественного запроса: от «обязательного» судебного разбирательства к осознанному выбору наиболее адекватного способа защиты прав, что в конечном итоге повышает авторитет судебной власти, которая перестает ассоциироваться исключительно с принуждением.

Одновременно с этим, как отмечают исследователи, «…необходимо проводить мероприятия, направленные на повышения уровня правосознания граждан, …проводить политику, побуждающую население более активно использовать процедуру медиации, а также добровольно и добросовестно следовать принятым в ходе процедуры решениям»[1].

Несмотря на то, что «дорожная карта» определяет верное направление развития медиации, ее реализация сопряжена с рядом рисков, требующих научного анализа с точки зрения их влияния на эволюцию судебной юриспруденции.

Основной риск заключается в потенциальной **угрозе трансформации медиации из добровольной процедуры в фактически принудительную.** Чрезмерно активное направление сторон к медиатору со стороны суда может быть истолковано как давление, что противоречит основополагающему принципу добровольности. Для судебной юриспруденции это создает риск подмены принципа диспозитивности административным усмотрением, что может девальвировать судебную защиту как гарантию, а не как обязательную процедуру. Важно провести четкое разграничение: рекомендация суда посетить информационную встречу допустима, тогда как непосредственное вступление в процедуру медиации должно осуществляться исключительно по свободному волеизъявлению сторон.

Еще один значимый вызов – **обеспечение высокого уровня профессионализма медиаторов.** Стремление к ускоренному развитию института медиации может привести к появлению на рынке значительного числа специалистов с недостаточной квалификацией, что ставит под угрозу качество оказываемых услуг. Чтобы этого избежать, механизмы саморегулирования и контроля качества должны работать на деле, а не существовать лишь на бумаге. В качестве одной из действенных мер можно было бы

[1] Степанов Д.В. К вопросу о преимуществах и недостатках института медиации // Epomen. Global. 2023. № 35. С. 207.

рассмотреть создание единого публичного реестра медиаторов, где была бы отражена информация об их специализации и опыте.

Наконец, следует определить **статус медиативного соглашения,** так как дискуссия о придании ему силы исполнительного листа без обращения в суд продолжается. С одной стороны, это повышает привлекательность процедуры. С другой – порождает вопросы о соблюдении прав третьих лиц и публичного порядка. Представляется, что наиболее сбалансированным решением является сохранение нотариальной или судебной санкции, но с максимальным упрощением и удешевлением этой процедуры.

С позиции совершенствования судебной юриспруденции, преждевременное наделение медиативного соглашения свойствами судебного акта без процессуального контроля может нарушить принцип законности. Поэтому наиболее сбалансированным решением является сохранение нотариальной или судебной санкции, но с максимальным упрощением и удешевлением этой процедуры, что позволит сохранить баланс между эффективностью и процессуальными гарантиями.

На основании вышеизложенного можно заключить, что «дорожная карта» по развитию медиации является не просто планом мероприятий, а стратегическим документом, определяющим парадигму развития системы разрешения споров в России на ближайшие годы. В контексте совершенствования судебной юриспруденции она знаменует переход от парадигмы «правосудие как государственная монополия на принуждение» к парадигме «правосудие как сервис по обеспечению прав и законных интересов», где медиация выступает не альтернативой, а равнозначным и взаимодополняющим механизмом. Ее успешная реализация способна привести к достижению нескольких синергетических эффектов:

– существенному снижению нагрузки на судебную систему, что позволит судьям более качественно и глубоко рассматривать действительно сложные дела;

– повышению общей правовой культуры и формированию в обществе навыков конструктивного диалога;

– экономии временных и финансовых ресурсов участников гражданского оборота.

Однако успех реформы не гарантирован автоматически. Он зависит от слаженных и продуманных действий всех участников

процесса, а именно: законодателя, который должен создать ясные и стимулирующие правовые рамки; судебной власти, которая призвана стать не контролером, а партнером медиации; и, конечно, самого профессионального сообщества медиаторов, от качества работы которого напрямую зависит доверие к институту.

Задача юридической науки в этом процессе – не только осуществлять мониторинг и анализ правоприменения, но и предлагать выверенные доктринальные модели, которые помогут избежать ошибок и в полной мере раскрыть тот огромный потенциал, который заложен в институте медиации для оздоровления правовой системы и гармонизации общественных отношений в Российской Федерации. Без концептуального переосмысления роли суда в примирительных процедурах и без внедрения медиативных стандартов в судебную деятельность любые законодательные новеллы рискуют остаться формальными, не оказав существенного влияния на качество правосудия.

Бушев Алексей Евгеньевич,
адъюнкт кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский ордена Почета университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
bushev-ingos@mail.ru
https://orcid.org/0009-0000-6294-0960

Уровни автономии роботов как ключевой критерий для отнесения к источникам повышенной опасности: особенности правового регулирования и судебной практики

Аннотация: в настоящее время развитие сервисных роботов и внедрение интеллектуальных машин вызывают необходимость внесения изменений в правовую систему государств, включая Россию. Настоящая статья посвящена исследованию проблемы квалификации автономных робототехнических систем в качестве

источников повышенной опасности в контексте действующего гражданского законодательства. Автор доказывает, что традиционный подход, основанный на перечне видов деятельности или устройств, является недостаточным для динамично развивающейся сферы робототехники, так как именно степень независимости системы от прямого человеческого контроля в реальном времени коррелирует с классическими правовыми признаками источников повышенной опасности. В качестве центрального критерия предлагается рассматривать уровень автономии робота, управляемого генеративным искусственным интеллектом, определяемый его способностью принимать решения и действовать независимо от прямого и непрерывного контроля человека. Анализируются потенциальные модели правового регулирования (расширенное толкование статьи 1079 Гражданского Кодекса Российской Федерации, создание специального реестра, введение презумпции ответственности оператора) и рассматриваются кейсы из зарождающейся зарубежной и российской судебной практики, связанные с инцидентами с автономными системами. Делается вывод о необходимости разработки гибкого, технологически нейтрального правового риск-ориентированного подхода, ключевым элементом которого должна стать градация уровней автономии.

Ключевые слова: уровень автономии, автономные роботы, источник повышенной опасности, правовое регулирование, судебная практика, строгая ответственность, генеративный искусственный интеллект.

Стремительное проникновение робототехнических систем (от беспилотных автомобилей и промышленных роботов-манипуляторов до сервисных и социальных роботов) в различные сферы жизни общества порождает целый комплекс правовых вызовов. Одним из наиболее острых аспектов цивилистики настоящего времени является вопрос о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный такими системами.

Классическим инструментом для возмещения вреда от деятельности, связанной с неконтролируемыми рисками, в российском праве выступает конструкция «источника повышенной опасности», закрепленная в статье 1079 ГК РФ. Дискуссия о признании робототехнических систем источниками повышенной

опасности зачастую ведется в бинарной логике: является или не является. Однако технологическая реальность, особенно с внедрением генеративного искусственного интеллекта, требует более градуированного подхода, так как генеративный искусственный интеллект обеспечивает не только выполнение строго заложенного алгоритма, а способность к непредопределенной адаптации и самое важное – самостоятельной генерации решений. Причем эта способность (на примере автомобилей) существует в спектре – от ограниченной (система помощи водителю) до полной (система автоматизированного вождения)[1]. В то же время догматика «источника повышенной опасности», сформированная в «доробототехническую» эпоху, сталкивается с проблемой адекватного применения к объектам, обладающим свойством автономии. Обоснование тезиса о том, что уровень автономии робота должен являться ключевым критическим и достаточным критерием при решении вопроса об отнесении робота к «источнику повышенной опасности» в его классическом понимании (статья 1079 ГК РФ), а также следствие такого подхода для правового регулирования и судебной практики и будет являться главной задачей.

Основным отличительным критерием робота от других высокоавтоматизированных систем является «автономность», то есть, когда робот компетентен интерпретировать окружающую его среду и подстраиваться под решение поставленных целей[2]. Эволюция роботов от программируемого алгоритма к полуавтоматам, а сейчас и к полностью автономным системам очевидна. При этом среди известных типов автономности технических устройств выделяют: материально-техническая, информационная, интеллектуальная[3] – нас интересует последняя, в совокупности с информационной для решения задач в заранее не известной и постоянно изменяющейся среде.

---

[1] Шадрин С.С. Аналитический обзор стандарта SAE J3016 «классификация, термины и определения систем автоматизированного управления движением АТС» с учётом последних изменений / С. С. Шадрин, А. А. Иванова // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2019. № 3(21). С. 8.

[2] Соколов С.М. Сравнительный анализ степени автономности робототехнических комплексов / С. М. Соколов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2023. № 1(231). С. 66.

[3] Ермолов И.Л. Расширение функциональных возможностей мобильных технологических роботов путем повышения уровня их автономности с использованием иерархической комплексной обработки бортовых данных: диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук / Ермолов Иван Леонидович. Москва, 2012. 317 с.

В технических науках таких как автомобилестроение, уже существуют детализированные шкалы автономии. Наиболее известна классификация SAE J3016[1] беспилотных автомобилей, выделяющая шесть уровней (от 0 «нет автоматизации» до 5 «полная автоматизация»)[2], аналогичные шкалы существуют для авиации, беспилотников и промышленных роботов, в связи с чем с большой долей вероятности градация шкалы автономности роботов будет иметь такое же соответствие.

Применительно к роботам, управляемым генеративным искусственным интеллектом, уровни автономии дополнительно можно было бы определять через совокупность следующих параметров:

1. Сенсорно-воспринимающая автономия: способность самостоятельно интерпретировать неструктурированную среду;

2. Принятие решений: способность выбирать действия из непредопределенного множества для достижения цели;

3. Исполнительная автономия: способность физически выполнять действия без оператора;

4. Целеполагание (высший уровень): способность к самостоятельной генерации или пересмотру целей в рамках мета-задачи.

Каждый следующий уровень предполагает снижение возможности осмысленного контроля человека над действиями робота в реальном времени.

Классическими признаками источника повышенной опасности в российской цивилистике являются: бесконтрольность разрушительной силы[3], обязательность страхование гражданской ответственности[4], специфичность свойств[5], случайность причинения вреда[6].

---

[1] Официальный сайт Society of Automotive Engineers – американская Ассоциация Автомобильных Инженеров. UIRL: https://www.sae.org/standards/j3016_202104-taxonomy-definitions-terms-related-driving-automation-systems-road-motor-vehicles (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Шадрин С.С. Указ. соч. С. 8.

[3] Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности // Государство и право. 2008. № 7. С. 118.

[4] Егоров Л.М. Ответственность предприятия за вред, причиненный источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1953. С. 14

[5] Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. Москва: Проспект, 1966. С. 13.

[6] Болдинов В.Б. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб.: Юридическая литература, 2002. С. 189.

Из сопоставления выделенных признаков для источника повышенной опасности с признаками робота, можно сделать следующие выводы:

а) невозможность полного контроля над вредоносными свойствами – уровень автономии робота, управляемого генеративным искусственным интеллектом, напрямую определяет наличие этих признаков. При низких уровнях автономии («робот-инструмент») человек-оператор сохраняет постоянный надзор и может мгновенно вмешаться в процесс деятельности, таким образом контроль остается полным. В случае же наделения робота генеративным искусственным интеллектом, действуя в динамической среде, робот будет принимать решения быстрее человека, в связи с чем прямой контроль в момент принятия решения становится физически невозможным. Система переходит в режим «черного ящика», что соответствует доктринальному признаку источника повышенной опасности.

б) высокая степень потенциального вреда – автономия напрямую увеличивает радиус непредсказуемости. Робот с низкой автономией причинит вред лишь в случае механической поломки или грубой ошибки оператора (отнесение к источнику повышенной опасности здесь может основываться на традиционных признаках – мощь, энергия). Высокоавтономный робот же с генеративным искусственным интеллектом может причинить вред вследствие непредвиденного поведения, порожденного уникальным стечением обстоятельств и его внутренней моделью интеллекта. Риск становится системным и недерминированным.

в) правомерность деятельности – эксплуатация высокоавтономного робота, даже с соблюдением всех инструкций, по своей природе создает риск причинения вреда, который не может быть исключен самым тщательным прогнозом, что характерно для деятельности, связанной с источником повышенной опасности.

Таким образом, пороговым становится уровень автономии, при котором система обретает способность принимать решения, не предусмотренные разработчиком или оператором в данной конкретной ситуации, и реализовывать их без санкции человека. И чем выше уровень автономии, тем сильнее размывается причинно-следственная связь между действиями (бездействием) владельца/оператора и наступившим вредом, где вред будет являться

следствием решений, сгенерированных алгоритмом на основе обучения и имеющихся данных. Это и есть момент перехода в зону действия режима источника повышенной опасности.

Исходя из вышеизложенного, прямолинейный бинарный подход, когда «робот является источником повышенной опасности» или «робот не является источником повышенной опасности» полностью исчерпывает свою актуальность, и вполне логичным выглядит тенденция об отказе от такого подхода в пользу градуированной модели ответственности, основанной на дифференциации правового режима в зависимости от уровня автономии (далее используется шкала автономии по аналогии с самоуправляемыми транспортными средствами):

1. Уровень 0-2 (роботы-инструменты). Применяется общий деликтный принцип ответственности по вине (статья 1064 ГК). Вред доказывается отказом (поломкой) техники или человеческим фактором (ошибка оператора).

2. Уровень 3 (условная, адаптивная автономия). Возникает смешанная ответственность. Действует презумпция ответственности оператора/владельца, но они могут ее оспорить, доказав, что вред произошел исключительно из-за непредвиденных действий генеративного искусственного интеллекта, выходящих за рамки разумных ожиданий (форс-мажор). При этом требуется обязательное страхование.

3. Уровень 4-5 (высокая и полная автономия). Безусловное применение режима строгой (безвиновной) ответственности как к источнику повышенной опасности. Владелец/оператор отвечает за любой вред, причиненный в результате функционирования робота, даже при отсутствии неисправности и вины. Бремя доказательства умысла потерпевшего или непреодолимой силы лежит на владельце. Обязательным становится лицензирование деятельности, сертификация модели системы искусственного интеллекта и наличие страхового полиса с высоким лимитом. Здесь стоит отметить о возможной смешанной (распределенной) модели ответственности для роботов с высокой автономией, где строгая ответственность владельца сочетается с регрессными требованиями к производителю (разработчику программного обеспечения) в случае, если будет доказано, что вред наступил из-за дефекта алгоритма или имеющихся данных.

Введение критериев автономии роботов потребуют модификации правовых подходов, внедрения моделей правового регулирования ответственности с учетом автономии:

1. Расширительное толкование статьи 1079 ГК РФ – для адекватного отражения сущности робота, управляемого генеративным искусственным интеллектом, предлагается ввести и закрепить в научный и правотворческий оборот новое легальное определение/категорию – «интеллектуально-автономный имущественный комплекс», основанное на критериях невозможности полного прямого контроля в реальном времени и адаптивности поведения, суды смогут квалифицировать деятельность по эксплуатации роботов среднего и высокого уровней автономии как источников повышенной опасности по аналогии, делая акцент в решениях на признаке «невозможности полного контроля вследствие их автономного функционирования».

2. Создание специального реестра/классификации: должна быть создана национальная система классификации и сертификации уровней автономии для роботов, взаимодействующих с людьми. Сертификат уровня автономии должен быть юридически значимым документом, тогда законодатель сможет установить, что роботы, чей уровень автономии подтвержден испытаниями и превышает установленный порог (пусть в нашем случае это будет третий уровень по адаптивной шкале), вносятся в реестр источников повышенной опасности. Это сразу обеспечит ясность для производителей, страховщиков и пользователей.

3. Адаптивное регулирование: правовой режим (требования к лицензированию, страхованию, ответственности) должен быть «настраиваемым» (подход, основанный на оценке риска) и привязываться к сертифицированному уровню автономии и сфере применения (медицина, транспорт, дом).

4. Кейс «черного ящика» и доказывание. Для высоких уровней автономии должна быть законодательно установлена обязанность оснащения объективными средствами контроля (так называемый «черный ящик»), фиксирующими состояние системы, данные сенсоров и логи принятия решений, предшествующих инциденту. Это критически важно для доказывания и дальнейшей судебной практики.

Мировая и российская практика только начинает формироваться, но уже демонстрирует приоритетность значения фактора автономии.

Как пример можно рассмотреть зарубежный кейс (США, штат Аризона, 2018 год): инцидент с беспилотным автомобилем Uber (на базе автомобиля Volvo XC90), произошедший в ходе проведения очередного испытательного заезда, в результате которого беспилотный автомобиль совершил наезд на пешехода, переходившего проезжую вне пешеходного перехода[1]. В результате травм, полученных при дорожно-транспортном происшествии, пешеход скончался. Стоит отметить, что беспилотный автомобиль соответствовал четвертому классу автономии, и на месте водителя находился оператор (водитель-испытатель). Расследование инцидента длилось полтора года, результатом которого стало предъявление обвинения в непредумышленном убийстве оператору, находившемуся на водительском месте беспилотного автомобиля и имевшему доступ к элементам управления автомобилем, но отвлекшемуся на смартфон в момент появления пешехода на проезжей части. При этом также были выявлены факты того, что система автономного вождения беспилотного автомобиля неверно идентифицировала объект на проезжей части, а также установлено наличие секундной задержки в срабатывании тормозной системы, перенастроенной инженерами из-за большого количества ложных срабатываний. Уголовное преследование в отношении оператора и компании-владельца беспилотного автомобиля (источника повышенной опасности) велось с учетом специфики автономной системы, что подчеркивает новый контекст применения строгой ответственности.

Так же известно решение суда присяжных в августе 2025 года по расследованию дорожно-транспортного происшествия, имевшего место в 2019 году в штате Флорида (США) со смертельным исходом, но уже не с испытательным автомобилем, а с автомобилем Tesla Model S с включенным автопилотом[2]. По

[1] В США предъявили обвинения в убийстве оператору беспилотного автомобиля, сбившего человека // Тасс. URL: https://tass.ru/proisshestviya/9467507 (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Tesla обязали выплатить $243 млн после смертельного ДТП с включенным автопилотом // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/543194-tesla-obazali-vyplatit-243-mln-posle-smertel-nogo-dtp-s-vklucennym-avtopilotom (дата обращения: 02.02.2026).

мнению представителей истцов, дорожно-транспортное происшествие произошло вследствие того, что Tesla преувеличила способности и степень автономии системы автопилота, не обновила ее после предыдущих аварий и позволила водителям использовать программу на дорогах, для которых она не предназначена. В Tesla же заявили, что водитель в момент дорожно-транспортного происшествия не смотрел на дорогу, так как уронил телефон, при этом его нога находилась на педали акселератора, что было «безответственно». Также в Tesla заявили, что согласно инструкции, водители управляющие автомобилями Tesla обязаны постоянно и внимательно следить за обстановкой на дороге.

В российской же практике отсутствие четких критериев в законодательстве приводит к тому, что судебная практика относит к источникам повышенной опасности, разнообразные объекты материального мира, в том числе, постоянно используемые в быту, а те же роботы-упаковщики игнорируются судами, несмотря на имеющиеся прецеденты гибели людей[1] и причинения тяжкого вреда здоровью.

Так, в ряде случаев компьютер признавался источником повышенной опасности, в результате лицо привлекалось к ответственности без вины[2]. В других случаях источником повышенной опасности признана углошлифовальная машинка с программным управлением, что повлекло аналогичные последствия[3]. Такие подходы судебной практики в совокупности с развитием технологий, искусственного интеллекта, вызывают необходимость формирования четких критериев отнесения того или иного объекта к источникам повышенной опасности, так как в решениях еще не акцентируется именно алгоритмическая автономия (например, при движении по заданному маршруту). С развитием беспилот-

---

[1] Робот убил человека на заводе под Липецком // RGRU. URL: https://rg.ru/2019/11/02/reg-cfo/robot-ubil-cheloveka-na-zavode-pod-lipeckom.html (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.09.2024 по делу № 33-37067/2024 (УИД 77RS0020-02-2023-006640-51) // Справочная система «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.02.2026); Решение Перовского районного суда города Москвы от 24.11.2023 № 2-5524/2023 // Справочная система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 02.02.2026).

[3] Приговор Феодосийского городского суда Республики Крым от 15.05.2025 № 1-40/2025(1-450/2024;) (УИД 91RS0022-01-2024-005356-21) // Справочная система «КонсультантПлюс», URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 02.02.2026).

ных такси и автономной логистики этот аспект неизбежно выйдет на первый план.

Трансформация правового регулирования в связи с распространением автономных роботов неизбежна. Устоявшаяся доктрина источника повышенной опасности обладает достаточным потенциалом для адаптации к новым взглядам, но ее применение должно быть переосмыслено. Уровень автономии робота, управляемого генеративным искусственным интеллекта, определяющий степень делегирования ему функций принятия решений и, как следствие, утраты человеком полного контроля, должен стать основным юридически значимым критерием для отнесения робототехнической системы к источнику повышенной опасности. Это потребует как от судов развития аналогии в рамках статьи 1079 ГК РФ с фокусом на анализе степени автономии, так и от законодателя – возможного закрепления формализованных критериев автономии (пороговых уровней) в нормативных актах. Такой подход позволит создать сбалансированный правовой режим, обеспечивающий защиту прав потерпевших, а также стимулирующий разработчиков к обеспечению безопасности и дающий предсказуемость бизнесу, инвестирующему в роботов.

Поляков Игорь Игоревич
Экс-арбитр третейского суда при ТПП МО,
преподаватель Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
5051374@gmail.com
https://orcid.org/0009-0008-7497-4226

Реестры цифровых платформ как основа информационного массива для подготовки судебного решения

Аннотация: Статья посвящена обоснованию ограниченной сферы применения искусственного интеллекта в судебной деятельности — исключительно при подготовке информационного массива для рассмотрения хозяйственных споров в платформен-

ной экономике. Автор аргументирует, что реестры цифровых платформ, формируемые в соответствии с 259-ФЗ от 02.08.2019 года и 289-ФЗ от 31.07.2025 года, обладают признаками публично-достоверной информации благодаря обязательной верификации данных оператором платформы через государственные реестры (ЕСИА, ЕГРЮЛ/ЕГРИП). Такая информация, представленная в структурированном формате JSON как массив «ключ-значение», может служить «точкой истины» для алгоритмической обработки ИИ с целью выявления хронологии действий сторон, проверки достоверности сведений и подготовки справки о нарушенных нормах. При этом автор подчёркивает вспомогательный характер ИИ: окончательное решение остаётся прерогативой человека-судьи в силу конституционных ограничений (ст. 118, 119 Конституции Российской Федерации) и необходимости гуманистической оценки в не алгоритмизируемых спорах.

Ключевые слова: реестры цифровых платформ, искусственный интеллект в правосудии, платформенная экономика, арбитражный процесс, достоверность электронных данных, онлайн-разрешение споров (ODR), JSON-структура данных

Заявление об ограничении рассматриваемой области применения искусственного интеллекта в судебной области

Судебная сфера является чрезвычайно значимой для граждан государства и имеет не только юридический, но и социальный аспекты. При обращении в суд заявитель рассчитывает на всестороннее и полное рассмотрение всех обстоятельств его обращения и надеется на профессионализм и объективность суда, выносящего решение по его делу. При этом, даже в случае нарушения закона, заявитель рассчитывает на снисхождение и вынесение решения с учетом гуманистического подхода.

На текущий момент законодательство Российской Федерации прямо определяет, что судьей, имеющим право вынесения решения именем Российской Федерации может быть только человек (Статья 119 Конституции Российской Федерации, Статья 11 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 года №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Закон от 26.06.1992 года №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и др.). Аналогичное положении о статусе арбитра (третей-

ского судьи) в третейском суде установлено в статье 2 Федерального закона от 29.12.2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Однако, каким бы профессиональным и квалифицированным ни был бы судья, он априори не всеведущ и может исследовать только материалы, представленные сторонами, а в случае рассмотрения хозяйственных споров в рамках арбитражного процесса – только представленные документы. Арбитражная практика исключает возможность апеллировать к ходатайствам о поддержке лиц, участвующих в деле (ст. 67 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), т.е. для целей настоящего исследования является более формальной и алгоритмизируемой.

Искусственный интеллект, по определению, является логической системой, способной выполнять только логические функции с представленными материалами. Поэтому автор считает возможность применения ИИ исключительно и только в области рассмотрения хозяйственных споров и только в рамках жестко определенных алгоритмов с использованием заранее ограниченного верифицированного массива данных, в противном случае возможны галлюцинации ИИ, основанные на влиянии недостоверных сведений (интернет-пены) на сформулированные с использованием ИИ предложения.

С учетом этого для целей статьи рассматриваются только формально-логические процедуры с использованием ИИ при подготовке информационного пакета для оценки человеком – судьей в рамках арбитражного спора (в государственном арбитражном суде в соответствии с АПК РФ и коммерческом арбитраже в рамках законодательства о третейском разбирательстве) с ограничением функционала ИИ в пределах алгоритмизируемых (проверяемых) процедур с заведомо достоверными данными из проверенных источников.

Реестр цифровой платформы как источник достоверной информации

С принятием Федерального закона от 31.07.2025 года №289-ФЗ «Об отдельных вопросах платформенной экономики в Российской Федерации», в российском правовом поле закреплено понятие **платформенной экономики**, которая определяется как: совокуп-

ность организационных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях, в том числе не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности

Также важно сформулированное в том же Законе определение цифровой платформы как информационной системы, и (или) сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг.

Аналогичные по смыслу положения приводятся в Федеральном законе от 02.08.2019 года№ 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в Федеральном законе от 20.07.2020 года № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»

С учетом базовых определений, приведенных в трех федеральных законах, регулирующих различные аспекты платформенной экономики, можно установить, что любые элементы информационного взаимодействия в платформенной экономике должны осуществляться через соответствующую цифровую платформу, а все юридически значимые действия осуществляются при посредстве такой цифровой платформы и с фиксацией таких действий в соответствующем реестре, который, по требованиям законодательства является обязательным и доступным контролирующим органам (для финансовых и инвестиционных платформ – ЦБ РФ, для посреднической цифровой платформы – Минэкономразвития Российской Федерации), а также для налоговых и других компетентных органов.

О цифровизации в юриспруденции писали Е.Л. Власова и Калинина Е.Н.[1]; про информационную природу и функционал

[1] Власова Е.Л., Канина Е.Н. К вопросу о цифровизации юриспруденции // Право и государство: теория и
практика. 2025. № 4. С. 280-282.

цифровых платформ на примерах инвестиционной и посреднической цифровой платформ писали А.В. Габов[1].

С учетом норм, установленных федеральными законами, появляется юридически обоснованная возможность сформулировать ключевые элементы верифицируемых достоверных источников информации для рассмотрения споров, возникающих между участниками сделок в рамках платформенной экономики. Такими достоверными и проверяемыми источниками информации могут и должны выступать исключительно и только информация, содержащаяся в реестрах цифровых платформ, поскольку в силу закона оператор цифровой платформы обязан проверять участников платформенной сделки с использованием единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА), фиксировать в информационной системе (на цифровой платформе) все предложения и действия сторон, предшествующие заключению сделки, факт и время заключения платформенной сделки, а также действия сторон по исполнению сделки (платеж, отгрузка или передача в логистическую систему цифровой платформы, доставка и выдача в пункте выдачи товаров, подписание акта или универсального передаточного документа (далее – УПД) (если предусмотрено)).

Таким образом, все сделки, совершаемые в рамках платформенной экономики участниками таких платформенных отношений в силу закона, имеют сквозное, независимое от участников и публично-достоверное фиксирование, которое выполняет цифровая платформа.

Судебное значение информации, содержащейся в реестре цифровой платформы

Технология использования ИИ при анализе информации из реестров цифровых платформ различного типа уже широко используется в ряде зарубежных юрисдикций в виде ODR, под которым понимается буквально система «разрешения споров онлайн» (online dispute resolution) и ADR – alternative dispute resolution. К примеру, ADR широко используются зарубежными маркетплейсами, такими как eBay или Alibaba. Применение ADR позволяет создать инфраструктуру для разрешения споров между

[1] Габов А.В. цифровая платформа как новое правовое явление. URL: file:///C:/Users/Acer/Downloads/tsifrovaya-platforma-kak-novoe-pravovoe-yavlenie.pdf (дата обращения: 25.02.2026).

покупателями и продавцами по аналогии с тем, как эти споры бы разрешались медиаторами или третейским судом. Использование ИИ в судебных процедурах, имеющих достоверные сведения об обстоятельствах дела и регламентированные формальные процедуры вынесения решений допускается в ряде иностранных юрисдикций, например, в 2002 году Министерство юстиции Англии и Уэльса запустило онлайн-систему денежных требований (Money Claim Online). Действие этой системы сходно с приказным производством и распространяется на денежные требования на сумму до 100 000 фунтов стерлингов.

На территории Евросоюза в настоящий момент существует даже отдельная правовая база, касающаяся функционирования такой инстанции онлайн-разрешения потребительских споров (ODR). Наиболее известные из этих документов: Регламент № 524/2013 Европарламента и Евросовета от 21 мая 2013 года об онлайн-разрешении потребительских споров, Директива 2009/22/ЕС (Директива об альтернативном разрешении споров для потребителей), Регламент Комиссии ЕС № 2015/1051 от 1 июля 2015 года об условиях осуществления функций онлайн-платформы разрешения споров Аналогичная система существует и в провинции Канады – Британской Колумбии. Там действует Трибунал по гражданским спорам (The British Columbia Civil Resolution Tribunal). К его подсудности относится ряд гражданских споров по искам, оцениваемым до 25 тыс. канадских долларов.

В Российском правовом поле такие возможности еще не закреплены. Как отмечается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 года. №2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» указано: «Между тем в контексте действующего правового регулирования квалификация цифровых ценностей, их правовой режим, содержание конкретного правоотношения и, следовательно, выводы относительно законодательных ограничений судебной защиты связанных с ними прав могут меняться.

Отсутствие прямого указания в законе и подзаконных актах на необходимость следовать вновь введенному специальному или

иному порядку информирования для исполнения означенными лицами публично-правовой обязанности, которой государство обусловило осуществление их права на судебную защиту, способно поставить их в затруднительное положение.

Незавершенность правового регулирования виртуальных активов и отсутствие твердых ориентиров для судебной практики в этой области может также приводить к неоднозначному пониманию предмета спора, что, в свою очередь, влияет на решение вопроса о предоставлении судебной защиты соответствующих прав...»

Указанное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации имеет прямое отношение к отдельному (частному) случаю обращения цифровой валюты с использованием инвестиционной платформы, но общий подход к проблеме и оценка состояния правового регулирования в платформенной сфере может быть расширено и на другие аспекты платформенной экономики.

Для целей настоящего исследования, как полагает автор, вся информация о взаимодействиях субъектов хозяйственных отношений в рамках платформенных сделок имеет цифровое отражение в реестрах цифровых платформ, и такая информация должна быть положена в основу судебного разбирательства по спорам между участниками платформенных сделок. Если между сторонами имеется дополнительная информация (в частности переписка) по предмету спора, такая информация может быть ими представлена суду по инициативе стороны, ссылающейся на такую информацию и зафиксированные с ее помощью обстоятельства. При этом, поскольку в силу закона платформенные отношения осуществляются при посредстве цифровых платформ, вопрос о признании такой дополнительной информации как допустимой остается в усмотрении суда после оценки достоверности такой информации в порядке статьи 71 АПК.

Поскольку информация, содержащаяся в реестрах цифровых платформ признается государством в лице налоговых органов достоверной и порождающей налоговые (т.е. публично-правовые) последствия, эта же информация по мнению автора должна предоставляться и судам или судебному ИИ в качестве не требующей подтверждения, т.е. в том же порядке, что и информация, заверенная нотариусом.

Механизм запроса информации из реестра цифровой платформы в настоящий момент не установлен, но суд вправе запросить та-

кую информацию, если она не будет приобщена к материалам дела по инициативе одной из сторон. Полученная по запросу суда информация из реестра цифровой платформы в электронной форме, заверенная усиленная квалифицированная электронная подпись (далее – УКЭП) оператора цифровой платформы или организации, ответственной за ведение реестра, может быть использована для обработки с использованием ИИ, поскольку такая информация уже является структурированным массивом данных и до ее оспаривания в установленном законом порядке признается достоверной.

Техническое отражение информации, содержащейся в реестре цифровой платформы в виде JSON – code

JSON (JavaScript Object Notation) – это текстовый формат обмена данными, который позволяет хранить и передавать структурированную информацию.

Для целей настоящей статьи возможность использования JSON как формы хранения информации связана с тем, исходя из самого процесса взаимодействия участников цифровой платформенной экономики в реестрах цифровых платформ формируются массивы «ключ/значение» в том или ином варианте. Поскольку при заключении сделок на цифровых платформах тексты договоров заранее предоставляются платформами, а участники платформенной сделки могут только заполнять заранее предусмотренные поля, но не могут изменять сам текст договора, фактически при заключении сделок с использованием цифровых платформ юридически значимыми действиями сторон будут только заполнение бланкетных положений и согласие/несогласие или выбор из представленных цифровой платформой положений. Такая процедура реализуется в JSON коде в виде таблицы «ключ – значение» и в дальнейшем рассматривается как «точка истины».

Соответственно, при заполнении такой таблицы оператор платформы обязан в силу закона проверить достоверность каждого заполненного поля, например удостовериться в том, что стороной в сделке выступает определенное юридическое лицо или ИП через проверку в ЕСИА и ЕГРИП/ЕГРЮЛ, полномочия представителя также проверяются через двухфакторную авторизацию через ЕСИА и наличие сведений о полномочиях либо в ЕГРЮЛ/ЕГРИП или в реестре МЧД на сайте ФНС, сведения о

товаре, его сертификатах и наличии регистрации «Честный знак» через соответствующие реестры и т.д.

С учетом того что все действия в реестре имеют временную привязку, а все данные, внесенные в него, проходят необходимую верификацию, сведения, которые содержатся в реестрах цифровых платформ являются достоверными и проверяемыми в той степени, в какой они могут быть проверены с использованием текущих технических средств цифровых платформ и государственных реестров. Такая информация имеет не меньшую степень достоверности, чем информация, содержащаяся в реестре нотариальных документов, и признается основанием для начисления и удержания налогов в соответствии с положениями статьи 226 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), возлагающей на инвестиционную платформу функций налогового агента.

При анализе представленной информации в JSON-коде ИИ в автоматическом режиме может осуществить проверку всех значений (т.е. проверить достоверность всех данных) и представить для обозрения и оценки судом документов, подтверждающих выражение воли сторон (это может быть отметка о согласии с условиями, конклюдентные действия в виде направления оплаты или другое юридически значимое подтверждение), фактические и процессуальные действия сторон в хронологической последовательности, переписки сторон (в том числе с приобщением дополнительной информации и наложением ее на хронологию удостоверенных платформой фактов), расчетов сторон и исполнений обязанностей в натуре (отгрузки, поставки, приемки и т.д.).

Кроме проверки информации, содержащейся в поле «значения», ИИ может проанализировать и вывести для изучения судом структуру представленных документов, указав на отсутствующие документы, недостоверные сведения, содержащиеся в документах выявленные в ходе их проверки или на противоречие информации, содержащейся в различных документах, т.е. выполнить техническую работу, освобождая суд от необходимости дословного сравнения различных документов и установления хронологических и системных связей этих документов. При наличии доступа к верифицированной достоверной базе нормативных актов и судебных решений, ИИ может подготовить справку о выявленных нарушениях, нарушенных нормах права и решениях судов, ранее вынесенных по аналогичным случаям

с целью сохранения единообразия судебной практики. Как отмечала Е.Л. Власова[1]: «активный процесс цифровизации судебной системы в итоге приведет к «шаблонному» правосудию. И хотя автоматизация безусловно повысит скорость обработки дел и снизит вероятность ошибок, связанных с ручным вводом данных, она не сможет полностью заменить собой живой, человеческий анализ, основанный на эмпатии, понимании контекста и способности к критическому мышлению. Судебное решение – это не просто применение юридической нормы к конкретному факту, это взвешивание множества факторов, моральных соображений, индивидуальных обстоятельств, которые зачастую не поддаются формализации и алгоритмизации». Приведенная позиция, которую автор всецело разделяет, означает исключительно вспомогательную роль ИИ в подготовке материалов для вынесения судебного решения судом.

Выводы

По мнению автора в настоящий момент использование ИИ в судебной процедуре носит исключительно вспомогательный характер и до принятия ряда новелл в законодательстве такое положение не изменится.

Независимо от изменений в законодательстве, ИИ в судебной практике не сможет заменить человека в тех сферах, которые должны учитывать психологию, социальные или эмоциональные причины поступков и действий участников судебного процесса, т.е. в семейных, гражданских, наследственных или уголовных делах, где всесторонняя оценка не формализуемых отношений является значимой, а гуманистическая составляющая при вынесении судебного решения – обязательной.

Однако для рассмотрения споров хозяйствующих субъектов в рамках платформенной экономики, где в силу закона и сложившейся практики все действия сторон имеют сквозное логирование и цифровую фиксацию, ИИ может на настоящий момент выполнять значительную часть технической работы, а после принятия новых правовых принципов о допустимости вынесения автоматического судебного решения – обеспечивать рассмотрение споров без участия человека.

[1] Власова Е.Л. Указ. соч.

Рудик Михаил Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Крымского филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
rmike1225@gmail.com

Хаялиев Руслан Муратович
студент 6 курса Крымского филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
ryslania12@gmail.com

Принцип состязательности: проблемы теории и правоприменительной практики

Аннотация: в статье анализируется содержание принципа состязательности в стадии судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации. Рассматриваются его нормативное закрепление, соотношение с принципом равноправия сторон, а также ключевые проблемы реализации в практической деятельности судов. Особое значение принцип состязательности приобретает именно в стадии судебного разбирательства, которая является центральной в системе стадий уголовного процесса. Исследуются такие аспекты, как пассивность сторон, дисбаланс процессуальных возможностей обвинения и защиты, роль суда в состязательном процессе. На основе анализа законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, а также доктринальных подходов формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: принцип состязательности, судебное разбирательство, уголовный процесс, равноправие сторон, актив-

ность суда, бремя доказывания, уголовно-процессуальное право Российской Федерации.

Принцип состязательности является одним из фундаментальных начал современного российского уголовного судопроизводства. Его нормативной основой выступает часть 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон»[1]. Данное конституционное положение получило свою конкретизацию в отраслевом законодательстве – Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Статья 15 УПК РФ раскрывает содержание принципа, определяя, что:

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон.

2. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

3. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

4. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом[2].

Как верно отмечает профессор А.В. Смирнов, «состязательность – это такой способ судопроизводства, при котором обвинение и защита как процессуальные функции осуществляются противоположными сторонами, наделенными равными правами, а суд, оставаясь беспристрастным, выполняет функцию арбитра, разрешающего дело по существу»[3]. Таким образом, ядро принципа составляют три элемента: разделение функций, равноправие сторон и процессуальная пассивность (нейтралитет) суда.

Особое значение принцип состязательности приобретает именно в стадии судебного разбирательства, которая является центральной в системе стадий уголовного процесса. Именно

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., [с учетом поправок] // Российская газет. 2020. №144. Ст. 123.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Смирнов А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. СПб.: Альфа-Пресс, 2020. С. 45.

здесь в полной мере должны реализовываться закрепленные в законе положения о противостоянии стороны обвинения и стороны защиты перед независимым судом.

Важнейшим условием реализации состязательности является равноправие сторон. Эти два принципа неразрывно связаны, о чем прямо свидетельствует конституционная формулировка. Однако в теории уголовного процесса не утихают споры о их соотношении.

Ряд авторов, таких как Т.Г. Морщакова, полагают, что равноправие является неотъемлемым компонентом состязательности, ее гарантией[1]. Без реального равноправия сторон состязательность вырождается в формальность, где заведомо более сильная сторона (обвинение) подавляет слабую (защиту). В свою очередь, В.М. Бозров указывает, что это самостоятельные, хотя и взаимозависимые принципы, где равноправие создает условия для подлинной состязательности[2].

Правоприменительная практика, в частности, Конституционный Суд Российской Федерации, последовательно исходит из их единства. В Постановлении от 8 декабря 2003 года № 18-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «из принципа состязательности и равноправия сторон вытекает такое регулирование порядка уголовного судопроизводства, которое обеспечивало бы равенство прав сторон и распределяло бы бремя доказывания между обвинителем и защитой»[3]. Таким образом, правовые позиции высших судов подчеркивают, что равноправие – это не просто формальное наличие одинаковых прав, а обеспечение реальной, фактической возможности сторон использовать эти права для отстаивания своей позиции.

---

[1] Морщакова Т.Г. Равноправие сторон в уголовном процессе: конституционный принцип и его реализация / Т.Г. Морщакова // Журнал российского права. 2025. № 8. С. 110–120.

[2] Бозров В.М. Современные проблемы российского уголовного процесса: понятие и система принципов / В.М. Бозров. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2021. С. 78.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.С.?

Несмотря на четкое нормативное закрепление, на практике достижение реального равноправия сторон остается одной из наиболее острых проблем.

Сторона обвинения в лице прокурора, следователя, дознавателя представляет государство и обладает властными полномочиями, а также имеет в своем распоряжении весь аппарат правоохранительных органов, экспертные учреждения, государственное финансирование. Защитник, как правило, лишен таких ресурсов. Хотя УПК РФ предоставляет защите широкий круг прав (заявлять ходатайства, представлять доказательства, участвовать в их исследовании и др.), их фактическая реализация часто наталкивается на препятствия. Например, сложность истребования документов, проведения альтернативных экспертиз, опроса лиц, не желающих общаться с защитой.

Как справедливо отмечает П.А. Лупинская: «равенство сторон не означает тождества их процессуальных средств, но предполагает наличие у каждой из сторон адекватной возможности парировать доводы и доказательства противоположной стороны»[1]. На практике же такая «адекватная возможность» не всегда обеспечивается.

Идеальная модель состязательности предполагает, что стороны активно представляют доказательства, изобличающие или оправдывающие подсудимого. Однако в российской практике нередки случаи, когда сторона защиты, особенно в случаях назначения защитника через систему государственной юридической помощи (по назначению), проявляет пассивность, перекладывая бремя опровержения обвинения на суд. Со стороны государственного обвинителя также может иметь место формальное отношение к своим обязанностям, когда обвинение поддерживается лишь на основе материалов предварительного следствия без активной аргументации в суде.

В такой ситуации суд сталкивается с дилеммой: сохранить нейтралитет и, возможно, вынести необоснованный приговор из-за пассивности защиты, или проявить активность для установления истины, рискуя нарушить принцип состязательности.

Согласно части 3 статьи 15 УПК РФ, суд не является органом уголовного преследования и должен создавать условия для ис-

[1] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория и практика / П.А. Лупинская. М.: Норма, 2024. С. 89.

полнения сторонами их процессуальных обязанностей. Эта норма порождает дискуссию о пределах активности суда.

Формально-состязательная модель, характерная для англосаксонской системы, предполагает, что суд – это «пассивный рефери», который лишь следит за соблюдением правил «поединка» сторон.

Однако российский уголовный процесс, сохраняя состязательную форму, исторически тяготеет к поиску материальной истины. Это обусловливает более активную роль суда.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» разъяснил, что «суд по собственной инициативе в целях выполнения требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела вправе вызвать лиц, которые могут сообщить какие-либо сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах, а также назначить судебную экспертизу»[1]. Данное разъяснение явно выходит за рамки пассивной роли и возлагает на суд определенную ответственность за установление истины.

Профессор Б.Я. Гаврилов называет такую модель «смешанной» или «рационализированной» состязательностью, в которой суд наделен полномочиями по восполнению пробелов в деятельности сторон, но без перехода на позицию обвинения или защиты[2]. С одной стороны, это служит гарантией от судебных ошибок, вызванных непрофессионализмом или пассивностью сторон. С другой стороны, существует риск, что чрезмерная активность суда, особенно в направлении доказывания обвинения, может быть воспринята как отход от принципа состязательности и нарушение презумпции невиновности.

Например, если суд, видя слабость обвинения, по собственной инициативе вызывает свидетелей обвинения или назначает экспертизу, направленную на восполнение пробелов обвинительного заключения, он фактически начинает выполнять несвойственную ему обвинительную функцию.

Краеугольным камнем состязательности является правило о распределении бремени доказывания. Часть 2 статьи 14 УПК РФ

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 2.С?

[2] Гаврилов Б.Я. Активность суда в состязательном уголовном процессе: проблемы и решения / Б.Я. Гаврилов // Российский судья. 2023. № 5. С. 132–138.

устанавливает, что «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Подсудимый не обязан доказывать свою невиновность и вправе занимать пассивную позицию.

Однако на практике это правило часто нарушается. Как указывает С.А. Шейфер, «нередко в судебных прениях государственный обвинитель, не сумев опровергнуть доводы защиты, апеллирует к суду с вопросом: «А где доказательства невиновности?» – тем самым пытаясь переложить бремя доказывания на защиту»[1]. Суды иногда также требуют от защиты предоставить доказательства, подтверждающие ее версию, вместо того чтобы оценить, опровергло ли обвинение доводы защиты в рамках своего бремени доказывания.

Эта проблема усугубляется в случае заявления защитой ходатайств об исключении доказательств, полученных с нарушением закона. Формально бремя доказывания допустимости доказательства лежит на стороне обвинения (ч. 1 ст. 235 УПК РФ). Но на практике суд зачастую требует от защиты не просто указать на нарушение, но и представить убедительные доказательства его наличия, что ставит защиту в затруднительное положение, поскольку вся информация о производстве следственных действий находится в руках обвинения.

Особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ) и порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) представляют собой серьезное исключение из общего состязательного правила.

В особом порядке суд практически лишен возможности полноценно исследовать доказательства, поскольку дело рассматривается без проведения судебного следствия. Основной задачей суда является проверка добровольности заявления ходатайства и осознания подсудимым последствий, а также подтверждение обвинения фактическими обстоятельствами дела, изложенными в материалах уголовного дела[2]. По сути, состязательность здесь сводится к минимуму, уступая место целесообразности и процессуальной экономии.

Как отмечает А.В. Победкин, «в особом порядке происходит "эрозия" состязательных начал, поскольку суд вынужден основы-

---

[1] Шейфер С.А. Доказывание и опровержение в состязательном уголовном процессе / С.А. Шейфер. М.: Статут, 2022. С. 67.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

вать приговор не на результатах непосредственного исследования доказательств в суде, а на письменных материалах предварительного следствия, которые по своей природе являются обвинительными»[1]. Это создает риск формального подхода и вынесения обвинительного приговора без должной проверки доводов защиты.

Для преодоления указанных проблем необходима комплексная работа по совершенствованию как законодательства, так и правоприменительной практики.

1. Необходимо расширить процессуальные возможности защиты по истребованию доказательств. Например, предусмотреть право защитника на обязательный вызов в суд свидетелей со стороны защиты, а также механизм принудительного исполнения запроса защиты о предоставлении документов от организаций и учреждений.

2. Целесообразно дополнить ст. 15 УПК РФ более детальным описанием случаев, когда суд вправе проявить инициативу в исследовании доказательств. Критерием должно служить не укрепление обвинения, а устранение сомнений в правильности позиций обеих сторон для установления объективной истины. Как разъясняет Верховный Суд Российской Федерации, активность суда не должна быть направлена на восполнение пробелов предварительного расследования[2].

3. Важную роль играет повышение качества работы государственных обвинителей и адвокатов. Со стороны прокуратуры необходима тщательная подготовка к поддержанию обвинения в суде, а не простое оглашение материалов дела. Со стороны адвокатуры – отказ от пассивной тактики и активное использование предоставленных законом прав.

4. Следует ужесточить требования суда к проверке обоснованности обвинения в особом порядке. Суд должен не формально констатировать наличие доказательств в деле, а убедиться в их достаточности и согласованности для бесспорного вывода о виновности, даже без проведения судебного следствия.

Таким образом, принцип состязательности, провозглашенный в качестве основы судопроизводства в России, сталкивается в ста-

---

[1] Победкин А.В. Некоторые проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве России / А.В. Победкин // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 95–101.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 2.С.?

дии судебного разбирательства с рядом системных проблем. Дисбаланс ресурсов сторон, их пассивность, не всегда четко определенная роль суда и эрозия состязательных начал в особых порядках – все это свидетельствует о разрыве между нормативной моделью и правоприменительной реальностью. Преодоление этого разрыва требует не только точечных изменений в законодательстве, но и кардинального изменения правосознания всех участников процесса: судей, прокуроров и адвокатов. Суд должен стать действительно беспристрастным арбитром, активно создающим условия для состязания, но не подменяющим стороны. Обвинение должно быть готово к профессиональному отстаиванию своей позиции, а защита – к активному и эффективному оспариванию предъявленного обвинения. Только в этом случае принцип состязательности сможет выполнить свою главную функцию – обеспечить справедливое и законное разрешение уголовного дела.

Чтобы кардинально усилить принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) и обеспечить реальное равноправие сторон, вероятно внести следующие изменения. Они расширят полномочия адвокатов, приблизив их к возможностям органов расследования, без ущерба для процессуальных гарантий.

Дополнить ст. 53 УПК РФ нормой, позволяющей адвокатам запрашивать и получать документы, проводить опросы свидетелей (с их согласия) и экспертизы за свой счет. Это устранит зависимость от следствия и позволит формировать альтернативную доказательственную базу.

Ввести институт адвокатского расследования: создать главу в УПК РФ (аналогично ст. 144–145 УПК РФ для следователей), где адвокаты смогут инициировать проверку по своим материалам в органах дознания или следствия в установленные сроки (например, 30 дней), с обязательным уведомлением стороны обвинения.

Расширить доступ к материалам дела на досудебной стадии: изменить ст. 217 УПК РФ, разрешив адвокатам полное ознакомление с делом не позднее 10 дней после возбуждения, включая оперативно-розыскные материалы (с вычетом гостайны). Добавить право на копирование и анализ.

Усилить ответственность за процессуальные нарушения: внести в ст. 75 УПК РФ ответственность (штрафы или отстранение)

для следователей за необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств адвокатов, подтвержденный прокурором или судом.

Обновить Закон об адвокатской деятельности: добавить ст. 6–7 положения о финансировании адвокатских расследований из госбюджета для малоимущих подзащитных и о создании адвокатских бюро с процессуальным статусом.

Эти меры обеспечат симметрию процессуальных возможностей, повысят качество правосудия и приведут российскую практику в соответствие со стандартами Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Садикова Юлия Владимировна,
старший преподаватель кафедры организации
судебной и правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
jewel119@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3783-1433

Эффективность правоприменительной деятельности суда при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей в Российской Федерации

Аннотация: в данной статье анализируется эффективность правоприменительной деятельности судов общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей на основе материалов судебной практики. Выявлены ключевые проблемные аспекты: ошибки, возникающие при формировании коллегии, недостатки напутственного слова, противоречивость вердиктов присяжных заседателей и трудности апелляционного обжалования приговоров, постановленных таким составом суда. Предлагаются пути повышения эффективности правоприменения, включая совершенствование процессуальных механизмов и правосознания участников судопроизводства.

Ключевые слова: суд присяжных, правоприменительная деятельность, эффективность правосудия, вердикт, напутственное слово, апелляционное обжалование, уголовный процесс, присяжные заседатели.

Институт присяжных заседателей в Российской Федерации традиционно рассматривается как важнейший элемент демократии, обеспечивающий непосредственное участие граждан в отправлении правосудия. Однако, эффективность правоприменительной деятельности суда при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей нередко становится предметом научных дискуссий и критики. Как справедливо отмечает Е.А. Логинов, суд присяжных в России переживает период перманентного реформирования, что порождает правоприменительные риски[1].

Эффективность правоприменительной деятельности суда – это многомерная категория, включающая как формальные (соблюдение процессуальных сроков, отсутствие отмен приговоров), так и содержательные (законность, обоснованность, справедливость приговоров, мотивированность судебных актов) аспекты. Применительно к суду присяжных ключевыми критериями эффективности в том числе выступают такие как правильность формирования коллегии, полнота и объективность судебного следствия, качество напутственного слова председательствующего, непротиворечивость и ясность вердикта, стабильность приговора при апелляционном и кассационном обжаловании.

Как показывает анализ судебной практики, именно эти аспекты наиболее уязвимы с точки зрения наличия ошибок правоприменения. Л.И. Ильницкая подчеркивает, что спорные вопросы производства в суде с участием присяжных заседателей зачастую связаны с неоднозначным толкованием норм уголовно-процессуального закона профессиональными участниками производства по уголовному делу[2].

Существенным фактором, негативно влияющим на эффективность правоприменительной деятельности суда, являются сложности, возникающие на этапе формирования коллегии при-

[1] Логинов Е.А. Суд присяжных в России: проблемы и перспективы // Российское правосудие. 2024. № 7. С. 99.

[2] Ильницкая Л.И. Спорные вопросы производства в суде с участием присяжных заседателей // Общество. 2023. №4-2 (31). С.70.

сяжных заседателей. Данный этап имеет большое значение, поскольку итоговый вывод о виновности либо невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления находится в прямой зависимости от объективного состава и беспристрастности коллегии присяжных заседателей. В рамках проведенного исследования О.Г. Бондаренко указывает, что при формировании коллегии необходимо не допускать поверхностное отношение к процедуре отбора кандидатов, выражающееся в некорректной формулировке вопросов либо изложении их в форме, недоступной для понимания кандидатов, в том числе посредством использования большого количества юридических терминов. Также важна адекватная оценка личностных качеств и мировоззренческих установок кандидатов, с целью не допустить включение в состав коллегии лиц, демонстрирующих предубеждение в отношении правосудия или правоохранительных органов[1]. Поскольку нарушения, допущенные при формировании коллегии, суды вышестоящих судебных инстанций рассматривают как существенные и влияющие на исход дела, профессионализм участников при формировании коллегии, позволяет председательствующему при удовлетворении мотивированных отводов обеспечить независимое и беспристрастное судебное разбирательство по уголовному делу.

Кроме того, практика районных судов общей юрисдикции демонстрирует проблему низкой явки кандидатов в присяжные заседатели, что вынуждает суды неоднократно откладывать заседания. На явку кандидатов влияет количество изначально вызванных лиц и, безусловно, соответствие кандидатов требованиям, предъявляемым законодательством. Важно, чтобы на этапе формирования коллегии, была установлена примерная занятость кандидатов в присяжные заседатели, это позволяет сторонам более тщательно подходить к процессу отбора кандидатов, заявлению отводов, а председательствующему оценивать перспективы работы коллегии при их удовлетворении[2].

---

[1] Бондаренко О.Г. Ошибки прокурора, допускаемые на стадии формирования коллегии присяжных при опросе кандидатов в присяжные заседатели // Криминалистъ. 2022. №3(40). С.49-55.

[2] Иванов Д.В. Анализ практики формирования коллегии присяжных заседателей в районном суде: проблемы и способы их преодоления // Искусство правоведения. 2024. №4. С.94.

Напутственное слово председательствующего судьи перед удалением присяжных заседателей в совещательную комнату представляет собой специальный правоприменительный инструмент. С одной стороны, оно имеет целью разъяснить присяжным нормы права, правила оценки доказательств и последствия вердикта. С другой стороны, чрезмерно детализированное напутствие может быть рассмотрено как давление на присяжных, а недостаточно полное – как нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

Судебная практика свидетельствует, что основанием отмены приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных могут быть такие нарушения как: несоответствие письменного текста напутственного слова аудио-протоколу судебного заседания, приобщенному к материалам дела, отсутствие в напутственном слове напоминания присяжным о всех письменных доказательствах, рассмотренных в ходе судебного разбирательства, отсутствие разъяснения, что при вынесении вердикта нельзя опираться на доказательства, признанные недопустимыми, а также отсутствие разъяснения присяжным, что отказ подсудимого от дачи показаний не свидетельствует о его виновности[1].

Кроме того, основанием отмены приговоров, постановленных с участием коллегии присяжных заседателей, является противоречивость вердикта. По смыслу части 2 статьи 345 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[2] вердикт должен быть ясным и непротиворечивым. Однако, на практике нередки случаи, когда ответы присяжных заседателей на вопросы не согласуются между собой. И.И. Лодыженская и Д.Д. Малышева выделяют следующие типы противоречий: логические (например, утвердительный ответ на вопрос о виновности и одновременно утвердительный ответ на вопрос об отсутствии события преступления); юридические (утвердительный ответ на вопрос о виновности лица в совершении преступления при

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. по делу №55-25/2021.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

наличии неустранимых сомнений в доказательствах); процедурные (несоответствие ответов поставленным вопросам)[1].

Причины противоречивости вердикта коллегии присяжных могут быть разными, однако первопричиной последующей отмены приговора будет являться отсутствие указания судьи на наличие неясности и противоречий в вердикте. Непринятие мер для выявления и устранения противоречий в вердикте, что вменяется председательствующему в обязанность действующим уголовно-процессуальным законом, влечет отмену судебного акта, постановленного таким составом суда. Вместе с тем, в законе отсутствует четко регламентированная процедура проверки вердикта председательствующим судьей.

Также существенные особенности имеет обжалование приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.

Производство по уголовным делам с участием присяжных заседателей отличается усложненным порядком, что напрямую влияет на сроки рассмотрения уголовных дел и повышает среднюю продолжительность судопроизводства. В связи с этим особую важность приобретает анализ эффективности таких процессов, в том числе через призму данных об отмене приговоров. Судебная статистка, опубликованная Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год, демонстрирует следующие показатели: 90 обвинительных приговоров и 198 оправдательных отменены с направлением дела на новое судебное разбирательство. Всего было обжаловано 982 приговора, постановленных таким составом суда. Следовательно, 28,4 процента обжалованных в апелляционном порядке итоговых судебных решений, принятых с участием коллегии присяжных заседателей, были отменены и направлены на повторное рассмотрение. Высокий процент отмены судебных актов свидетельствует о системных проблемах качества судопроизводства по уголовным делам в дифференцированном порядке.

Однако, эффективность правоприменительной деятельности суда с участием присяжных заседателей не может быть сведена только к соблюдению норм материального и процессуального

[1] Лодыженская И.И., Малышева Д.Д. Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание отмены приговора суда // Ленинградский юридический журнал. 2018. №1 (51). С.154-163.

права. Важную роль при рассмотрении дел таким составом суда играют субъективные факторы – правосознание судьи и присяжных заседателей, их эмоциональное состояние и подверженность внешним влияниям. Как справедливо отмечает В.В. Боголюбов: «законность, ориентация на общественное мнение, положительная нравственная составляющая индивида являются неотъемлемыми критериями справедливости деятельности любого субъекта применения права»[1]. Следовательно, внутреннее убеждение участников уголовного судопроизводство формируется не только на основе закона, но и на основе их нравственных установок, жизненного опыта, и в случае с присяжными заседателями, не исключает имеющихся у них предрассудков.

Особую актуальность приобретает проблема влияния эмоций на вердикт. Это ставит вопрос о необходимости дополнительных механизмов, позволяющих снизить влияние эмоций присяжных заседателей при вынесении вердикта.

Эффективность правоприменительной деятельности суда при рассмотрении уголовных дел в судах первой инстанции с участием коллегии присяжных заседателей подлежит оценке посредством совокупности количественных и качественных критериев. При этом формализованные статистические показатели, несмотря на свою значимость, не обеспечивают всестороннего отражения результатов судопроизводства без учета качественных характеристик рассмотрения дела к последним относятся: данные об отменах судебных решений, уровень мотивированности, законности, обоснованности и справедливости постановленных приговоров, соблюдение процессуальных гарантий прав участников процесса.

Результат анализа судебной практики свидетельствует, что нарушение любого из указанных критериев, в том числе наличие процессуальных нарушений при формировании коллегии присяжных заседателей, порождает системные негативные последствия, влекущие увеличение количества отмененных приговоров, снижение уровня общественного доверия к судебной системе и институту присяжных заседателей, увеличение сроков рассмотрения и разрешения уголовно-правовых конфликтов, препятство-

[1] Боголюбов В.В. Взаимосвязь правосознания и правоприменения// Вопросы современной юриспруденции. 2013. №27. С.123.

вание достижению целей уголовного судопроизводства, закрепленных в законодательстве.

Для повышения эффективности правоприменительной деятельности суда необходимо совершенствование процедуры отбора кандидатов в присяжные заседатели и законодательное закрепление механизма устранения противоречий в вердикте.

Соколова Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Центрального филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
osokolova7@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9224-6734

Проблемы толкования при рассмотрении гражданских дел на примерах судебной практики

Аннотация: в статье обращено внимание на толкование процессуальных норм и выделены отдельные проблемы, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении и разрешении гражданских дел на примерах судебной практики. Обосновывается и то, что использование фундаментального наследия о толковании в праве среди отечественных и зарубежных правоведов есть правовая основа для дальнейшего поиска и систематизации знания исходя из особенностей процессуальной деятельности суда, предназначения правосудия, взаимосвязи мыслительной деятельности судьи как суда факта и права с судейским усмотрением и внутренним убеждением. Недооценка в толковании процессуальных норм не только обедняет процесс, но и выхолащивает назначение правосудия.

Ключевые слова: суд, правосудие, толкование факта и права, понятие, способы и методы интерпретации суда.

Научный и практический интерес к рассматриваемым проблемным вопросам основан на факторном анализе сущности, пределов и значении толкования при осуществлении судом правосудия.

При фундаментальном познании, интерпретации, закреплении многоаспектности «толкования» в теории представляется важным обзорные характеристики сложившихся научных подходов применить к процессуальной деятельности суда.

Общепринято, что толкование является многосторонним образованием. Познание последнего передается через «умение или процесс раскрытия и установления смысла закона, завещания, договора или другого письменного документа. Раскрытие и представление действительного смысла любых знаков, служащих для достижения определенных целей»[1]. Подобный взгляд присутствует у зарубежных представителей теории общего права.

Толкование предполагает установление ситуации. Несмотря на то, что в юридической литературе отсутствует единая позиция при определении ситуации, последняя представляет естественный сегмент социальной жизни, определяющийся вовлеченными в нее людьми, местом действия, сущностью деятельности, совокупностью юридических фактов.

Так, К. Хокинс (K. Hawkins) обращает внимание на порядок действий судьи, предшествующих применению правовой нормы: судья должен истолковать первоначально фактические обстоятельства конкретного дела, затем допустить, что установленные юридические факты позволяют применить определенную правовую норму. Толкование фактов должно иметь место «даже в том случае, если содержание нормы кажется ясным, должны быть истолкованы факты, к которым предполагается применить норму»[2].

В национальном праве, и прежде всего в теории государства и права, признана важность толкования права, под которым понимается: во-первых, мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и уяснения смысла норм права; во-вторых, результат мыслительного процесса (уяснения), который фиксируется в совокупности языковых высказываний, суждений, отражающих содержание

[1] Black's Law Dictionary. St. Paul, Minn., West Publishing Co., 1990. P. 817.

[2] The Uses of Discretion. / Ed. by K. Hawkins. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 35.

норм права; в-третьих, сложное явление интеллектуально-волевого характера, направленное на познание и объяснение смысла права в целях его наиболее правильной реализации[1].

В теории и практике исследованы различные способы толкования, подходы и уровни, связанные со многоступенчатостью познания. К основным следует отнести герменевтический (грамматический, буквальный), телеологический, логический, систематический и др.

При этом толкование есть предпосылка применения, одна из операций или этапов правоприменения. В юридической литературе выработаны и подходы в толковании: формальный, сущностный, системный, интегративный. Кроме того, исходя из содержания взаимосвязи и взаимообусловленности познания, сопровождающего мыслительный процесс, толкование представлено как многоуровневое образование. К примеру, интерпретатор от анализа буквального (словесно-дедуктивного) текста идет к исследованию специально-юридического и социального-политического содержания нормативного акта. При этом каждому уровню (ступени) свойственны определенные способы толкования: к анализу буквального текста – грамматическое, логическое, систематическое; к догматическому – специально-юридическое, систематическое; к социально-политическому – историко-политическое толкование[2].

Дореволюционный правовед Е.В. Васьковский исходил, что «выяснение смысла каждой нормы должно происходить в следующей постепенности: сначала необходимо убедиться, нельзя ли воспользоваться легальным толкованием; затем, при отсутствии легального толкования, следует подвергнуть норму словесному толкованию, чтобы установить ее буквальный смысл, и, наконец, обратиться к реальному толкованию, чтобы проверить результат словесного толкования и раскрыть ее действительный, внутренний смысл»[3].

---

[1] Общая теория государства и права: Академический курс. Т. 2 / под ред. проф. М.Н. Марченко. С. 323 – 343; Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник (2-е издание, переработанное и дополненное). С. 373.

[2] См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 510, 512.

[3] Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: практическое пособие. М.: Городец, 1997. С. 31.

Изложенное понимание толкования находит свое закрепление и развитие, к примеру, в деятельности судей Конституционного Суда Российской Федерации, представляя сплав глубинных основ теории и практики, являясь подлинно научным разъяснением.

Заслуживают внимание отдельные положения в рамках затрагиваемых вопросов:

- суды путем использования различных способов толкования должны добиваться достижения установленной данной нормой цели – устранения противоречий и неясностей;

- все способы толкования для устранения неясности должны применяться в совокупности, что не исключает случаев, когда правоприменительный орган отдает предпочтение одному из них;

- правоприменительные органы могут прибегнуть к таким способам (методам) толкования, как буквальное толкование, телеологическое толкование, системно-логическое толкование и т.д.;

- в российском законодательстве наряду с толкованием понятий и терминов с учетом внутреннего контекста широко применяется толкование с учетом внешнего контекста[1] и др.

Общепринято, что при осуществлении правосудия суды дают официальное толкование, которое подразделяется на казуальное и нормативное[2]. В юридической литературе встречается и позиция, что правоприменителем допускается в рамках конкретного дела аутентическое и делегированное казуальное толкование[3].

Представляя вышеизложенное в качестве теоретического конструкта, служащего для систематизации представления о толковании, обратимся к практической интерпретации на основе примеров судебной практики.

Так, Ленинским районным судом г. Воронежа было рассмотрено гражданское дело в порядке заочного производства. При этом суд первой инстанции исходил, что неявка ответчика, воз-

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.11.2006 № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

[2] Общая теория государства и права: Академический курс. Т. 2 / Под ред. проф. М.Н. Марченко. С. 323 – 343.

[3] Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 58-59; Морозов Б.П. Правоприменительное толкование уголовного закона: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 5-7 и др.

вращение судебного извещения по истечении срока хранения, согласие истца на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства являются основаниями для применения части 1 статьи 233 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). С данным выводом суда не согласилась вышестоящая судебная инстанция, отменив апелляционным определением заочное решение в связи с существенным нарушением процессуальных норм и неправильным применением оснований для рассмотрения гражданского дела в порядке заочного производства по мотиву ненадлежащего извещения ответчика, постановив по существу решение, принятое первой инстанцией[1].

Несмотря на давность во времени принятых судебных постановлений, данный пример подкупает своей простотой и курьезом, с одной стороны, а с другой, по настоящее время встречаются проблемы на практике при интерпретации ч. 1 ст. 233 ГПК РФ, несмотря на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации[2]. Кроме того, данное гражданское дело иллюстрирует различие в толковании процессуальной нормы, в уяснении значения и ее смысла согласно казуальным судебным актам.

Единичный пример из обширной судебной практики позволяет обратить внимание на проблему, состоящую в том, что в большинстве случаев «дефект» правоприменения процессуальной нормы не получает правовой оценки со стороны высшего судебного органа. К числу основных причин следует отнести, что источником побудительной активности участников процесса является, как правило, не согласие с разрешенным требованием, притязанием по существу на основе норм материального права, а процессуальные нормы выступают «факультативным» сопровождением доводов жалобы; «скептицизм» в результативности обращения и окупаемости дальнейших затрат; отсутствие систематических обобщений судебной практики по применению процес-

[1] Архив Ленинского районного суда города Воронежа: гражданское дело № 2-1321/2013.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2008 № 13 (ред. от 09.02.2012) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 10; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 10. С.?

суальных норм. Побочным эффектом является то, что нижестоящие суды ориентируются на основания отмены, а не на уяснения смысла норма и правильность ее применения.

Е.В. Васьковский обращал внимание, что «применение законов на практике обнимает четыре операции: 1) юридический анализ конкретных случаев, подлежащих разрешению; 2) критику подлинности норм; 3) толкование норм и 4) логическое развитие их». При этом правовед отмечал: «…как толкованию, так и логическому развитию норм должна предшествовать еще одна операция предварительного характера. Прежде чем применить найденную норму, необходимо убедиться, что она подлинно норма, т.е. имеет юридическую силу, и установить ее точный текст. В этом состоит критика подлинности норм»[1].

Представляется, что противоположность суждений между инстанциями имела место как в нарушении последовательности «операций», так и не в принятии во внимание: 1) смысла и назначения заочного производства, 2) баланса защитных процессуальных механизмов, действующих в интересах ответчика исходя из статей 237-242 ГПК РФ, 3) не использование вышестоящим судом телеологического и буквального способов толкования оснований для заочного решения.

Более того, анализ данного гражданского дела в части применения процессуальной нормы, не отягощенной неясностью или правовой неопределенностью, позволяет привлечь внимание и к проблеме сохранения мотивированности судебных решений. Толкование права можно познать исходя из свойств судебного акта, его визуализации для участников процесса, проверочных инстанций, иных субъектов права, занятых вопросами обобщения и создания эффективно действующих процессуальных норм, поскольку скрытая мыслительная деятельность правоприменителя становится прозрачной и очевидной для внешнего наблюдателя.

Поэтому следует согласиться со следующей позицией, что «в интерпретирующем нормативный акт источнике может быть закреплен только, образно говоря, «голый результат толкования» без показа мыслительной кухни интерпретатора, но результат толкования может быть зафиксирован в аргументирующей «одежде», когда демонстрируется вся аргументация, весь ход

[1] Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 6.

мыслительного процесса, из которого логически вытекает необходимый вывод о содержании норм»[1].

Таким образом, для применения оснований для заочного производства по буквальному смыслу части 1 статьи 233 ГПК РФ достаточно соблюдение следующих условий: 1) направление судом ответчику (ответчикам) судебного извещения согласно порядку; 2) отсутствие от ответчика (ответчиков) заявления о рассмотрении дела в его отсутствие, включая и признание судом причин неявки ответчика неуважительными; 3) согласие истца; 4) неизменность оснований и предмета иска, размера притязаний в сторону увеличения.

Другой пример из судебной практики заставляет задуматься о задаче интерпретации при отправлении правосудия на стыке самостоятельных отраслей права при разрешении ходатайства в рамках конкретного гражданского дела.

Дореволюционные правоведы применительно к рассматриваемому аспекту исходили, что «толкование должно воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с данной нормой ее создатель. Эти представления и понятия составляют смысл и содержание нормы и в то же время выражают мысль и волю автора. Поэтому задачу толкования можно еще сформулировать как «раскрытие содержания нормы», «развитие ее смысла», «выяснение мысли и воли законодателя»[2].

В Ленинский районный суд города Воронежа был предъявлен иск о возмещении вреда в связи с потерей кормильца к работодателю виновника дорожно-транспортного происшествия. В обоснование иска истцы сослались на произошедшее дорожно-транспортное происшествие с участием грузового автомобиля марки КАМАЗ-35111А под управлением работника колхоза, вступление в законную силу обвинительного приговора в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. При рассмотрении гражданского дела представитель ответчика заявил ходатайство о привлечении к участию в деле в качестве соответчика третьего участника дорожно-транспортного происшествия и назначении судебной экспертизы о механизме взаимодействия трех транспортных средств в целях определения граж-

[1] Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 58.
[2] Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 30.

данско-правовой ответственности соответчиков. В обоснование ходатайства представитель ответчика сослался на то, что его доверитель не снимает с себя ответственность по возмещению вреда здоровью, не вносит сомнения в правосудность приговора суда, но исходит, что участие в дорожно-транспортном происшествии третьего его участника и наличие причинно-следственной связи между его действия и гражданско-правовыми последствиями в счет возмещения вреда должны быть установлены независимо от того, что последний ни в каком качестве не проходил по материалам уголовного дела и его действиям не была дана оценка ни со стороны правоохранительных органов, ни суда[1].

В соответствии с частью 4 статьи 61 ГПК РФ, вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу и постановления суда по делу об административном правонарушении обязательны для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого они вынесены, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Следует признать ограничительное толкование содержится в пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 года № 23 (ред. от 09.12.2025 года) «О судебном решении», согласно которому суд, принимая решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика, а может разрешать вопрос лишь о размере возмещения[2].

Иной объем толкования, именуемый расширительным, содержится, к примеру, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 года № 1442-О, включая:

- право на судебную защиту предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства;

- из принципов общеобязательности и исполнимости вступивших в законную силу судебных решений в качестве актов су-

[1] Архив Ленинского районного суда г. Воронежа: гражданское дело № 2-485/24.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 № 23 (ред. от 09.12.2025) «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2. С.?

дебной власти, обусловленных ее прерогативами, а также нормами, определяющими место и роль суда в правовой системе Российской Федерации, юридическую силу и значение его решений, вытекает признание преюдициального значения судебного решения, предполагающего, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела, преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности;

- факты, установленные вступившим в законную силу приговором суда, имеющие значение для разрешения вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением, впредь до их опровержения должны приниматься судом, рассматривающим этот вопрос в порядке гражданского судопроизводства[1].

Однако уяснения смысла одной процессуальной нормы предполагает обращение к пониманию презумпции и гражданско-правовой ответственности, т.е. к телеологическому, системному, функциональному способам, анализу ее сути в контексте рассматриваемой судом ситуации на основе юридических фактов и применения последствий гражданско-правовой ответственности.

По мнению И.Л. Петрухина, презумпция – «общее правило, отображающее устойчивые, неоднократно наблюдаемые связи между фактами, явлениями, состояниями, свойствами. Применение презумпций состоит в том, что при наличии (установлении) одного из фактов, связь которых выражается презумпцией, делается вывод о существовании другого факта; последний, таким образом, выводится из презумпции (презюмируется)»[2].

Однако следует учитывать и то, что «любая презумпция представляет собой модель правового явления (правоотношения,

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.07.2017 № 1442-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

[2] Петрухин И.Л. Презумпции и преюдиции в доказывании // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 343.

юридического факта, отношения лица к своему противоправному поведению и др.), относительно существования которого может возникать неопределенность»[1]. При этом гражданско-правовая ответственность, являющаяся разновидностью юридической ответственности, представляет собой одну из форм государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, заключающуюся в применении к ним предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия»[2].

При разрешении ходатайства в конкретном деле суд удовлетворил последнее, поскольку преюдиция согласно ч. 4 ст. 61 ГПК РФ не купирует ведение процесса по смыслу статьи 12 настоящего Кодекса, поскольку процессуальный порядок является «территорией» защищенности не только потерпевшей стороны, но и гарантом соблюдения прав его участников, в т.ч. ответчика.

Следовательно, наряду с толкованием права в общей теории права следует усилить внимание вопросам правоприменения процессуальных норм, поскольку реальная судебная защита обеспечивается принятием судом промежуточных и окончательных актов, совокупностью последовательно совершаемых процессуальных действий, связывая две стороны процессуальной деятельности: суд факта и суд права, представляя единое целое. При этом мыслительный процесс судьи, интерпретация норм основывается на единстве связи суда и правосудия, оказывая определяющее влияние на толкование права. Теоретическое осмысление затронутой темы представляет практический интерес, основанный на сущностном подходе и требующий своего дальнейшего научного обоснования.

[1] Рожкова М.А. Указ. соч. С. 10

[2] Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М.: Знание, 1993. С.38; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2022. С. 148.

Соколова Светлана Вячеславовна
старший преподаватель кафедры гражданского,
административного и уголовного судопроизводства
Восточно-Сибирского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
svetlanasokolova-65@mail.ru

Шевчук Елена Павловна
старший преподаватель кафедры гражданского права
Восточно-Сибирского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
elena–shevchuk -1978@mail.ru

Анализ судебной практики дел о возмещении вреда здоровью при оказании медицинских услуг

Аннотация: авторами анализируется судебная практика применения гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей к различным видам деятельности в сфере медицины и как это влияет на возмещение вреда на случай возникновения негативных последствий для его здоровья. Отмечается активное применение этого закона и правил гражданского законодательства о возмездных услугах, а в случае нарушения обязательства или причинения вреда жизни и здоровью пациента закон предусматривает повышенную ответственность за эти нарушения с учетом соблюдения стандартов, порядков оказания медицинской помощи, которые основаны на клинических рекомендациях по видам заболеваний (состояний). Делается вывод, что суды неоднозначно подходят к применению законодательство о защите прав потребителей в сфере медицинской деятельности, а также к условиям возмещения вреда, причиненного здоровью пациента и применения штрафных санкций к медицинской организации.

Ключевые слова: медицинская организация, законодательство о защите прав потребителей, диагностика, лечение, реабилитация, медицинские услуги, помощь, стандарты медицинской помощи.

Анализ судебной практики применения закона о защите прав потребителей[1] показывает, что его нормы должны применятся к любым отношениям в сфере медицинской деятельности[2], однако своим определением коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2019 года № 44-КГ19-7 отказала в выплате штрафа за нарушения прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке медицинской организацией[3]. Суд посчитал, что закон должен применяться для отношений в медицинской сфере на основе возмездного договора[4], которые возникают между пациентом и медицинской организацией по правилам главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[5]. Но судебная практика пошла по такому пути – когда осуществляется медицинская помощь на основе программы обязательного медицинского страхования (далее – ОМС) закон о защите прав потребителей не применяется, хотя это прослеживается не во всех решениях[6].

Те медицинские манипуляции, которые оказываются по программе ОМС для пациента формально на безвозмездной основе, хотя медицинская организация получает возмещение из тех фондов, которые формируются косвенно из доходов граждан – всего работающего населения Российской Федерации. Но в некоторых решениях продолжает упоминаться критерий для разграничения понятий в сфере меди-

---

[1] О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 7 февраля 1992. №2300-I // Российская газета. 1992. 7 апреля.

[2] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012. № 17 // Российская газета. 2012. 11 июля.

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2019. № 44-КГ19-7 // Справочно-правовая система «Гарант».

[4] Шевчук С.С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг / С. С. Шевчук // Журнал российского права. 2001. №2. С.35-40.

[5] Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 6, 7, 8 февраля.

[6] Решение Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 7 мая 2018 г. по делу № 2-64/2018 // Справочно-правовая система «Гарант».

цины тип отношений[1] – для медицинских услуг характерен возмездный тип отношений с применением норм ГК РФ и законодательства о защите прав потребителей, а для медицинской помощи безвозмездный, имеющий социальную направленность по программе ОМС.

Стоит отметить, что любое медицинское вмешательство осуществляется с целью обеспечения выполнения действий со стороны медицинской организации лечебной диагностических, профилактических, реабилитационных манипуляций для поддержания здоровья пациента независимо от того по какому договору – отдельно взятому с медицинской организацией и пациентом, либо по договору в пользу третьего лица по ОМС с медицинской организации независимо от ее организационно-правовой формы[2]. На наш, взгляд следует применять единое правовое регулирование, поскольку сами действия медицинской клиники носят комплексный характер и выделить какие из них были оказаны по договорам возмездным, а какие по ОМС затруднительно, тем более выявить причинно-следственную связь, которая образуется между этими манипуляциями в рамках разных договорных конструкций, и последствиями для здоровья пациента. Следует помнить о том, что момент исполнения договора является обращение пациента за медицинской помощью при наступлении страхового случая, а сам момент заключения договора имеет место быть еще до этого момента – он заключается между медицинской организации и страховой компанией в пользу этого гражданина в силу закона. Отдельные же договоры, которыми связаны медицинская организация и пациент имеют консенсуальную природу, заключаются в пользу контрагентов, носят возмездный характер, а сами действия по ее оказанию имеют денежный эквивалент. Для экономической оценки и были разработаны стандарты оказания медицинской помощи и порядки, определяющие организацию такой помощи, которые должны соответствовать клиническим рекомендациям, определяемым через категории достоверности и ранее это подтверждалось практикой применения в судах[3]. В настоящее время клинические рекомендации

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7// Справочно-правовая система «Гарант».

[2] Вильгоненко И.М., Степанова Л.П. Соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» и их правовая природа // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Т. 26. №2. С. 104 – 107.

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2023 № 16-КГ23-23-К4: URL: https://legalacts-

могут применяться по усмотрению врача и в интересах пациента, но изменение тактики ведения пациента должна подтверждаться медицинской документацией, если это предусмотрено порядком применения клинических рекомендаций[1].

Таким образом, при рассмотрении медицинских дел следует применять общий режим правового регулирования. Законодательство о защите прав потребителей должно применяться ко всем отношениям в сфере медицины как к ОМС, так и, возникающим из заключенных возмездных договоров. Такая практика позволит защитить интересы пациентов наиболее эффективно, ответственность за случаи причинения вреда недостатками медицинского воздействия наступает без учета вины медицинской организации при применении указанных норм, а штрафные санкции за нарушение добровольного порядка урегулирования спора с медицинской организацией будут стимулировать их к решению конфликта до обращения пациента в суд. Судам следует учитывать, что субъектами в правоотношениях, на которые распространяется законодательство о защите прав потребителей, являются медицинские организации независимо от формы их собственности и потребители, которые получает услугу на основе возмездного договора из разных источников финансирования. Применение стандартного подхода к регулированию отношений в сфере медицины сохраняет свою актуальность и является, пожалуй, единственным инструментом в оценке качества медицинской деятельности[2], клинические рекомендации, как показывает судебная практика становятся основой для оценки действий с точки зрения их правомерности при рассмотрении дела в суде.

---

ru.turbopages.org/legalacts.ru/s/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21082023-n-16-kg23-23-k4/ (дата обращения: 24.01.2026).

[1] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27.10.2025 № 642н «Об утверждении порядка применения клинических рекомендаций» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512090012 (дата обращения: 03.03.2026).

[2] Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.04.2025 № 203н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505290045?ysclid=mox2glyqco476556564 (дата обращения: 05.02.2026).

Юсупов Мохаммад-Бастани Рамзанович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский ордена Почета университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
seven.55@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-5359-9649

Пределы усмотрения суда в процессе судебного толкования: на примере гражданского судопроизводства

Аннотация: В представленной статье исследуется сфера судебного толкования, определяются соответствующие пределы усмотрения суда. Указывается на отсутствие единого порядка судебного толкования ввиду индивидуальности и уникальности каждой судебной ситуации. Автор приходит к выводу о возможности выделения общих и специальных пределов усмотрения суда в процессе судебного толкования, которые позволяют внедрить ограничительные механизмы для суда и способствуют вынесению законного и мотивированного судебного акта.

Ключевые слова: суд, усмотрения, пределы, толкование, общие пределы, специальные пределы.

В условиях частой конфронтации интересов участников гражданских отношений заметно возрастает роль и значимость судебного вмешательства, как независимого институционального механизма эффективного реагирования. В большей степени судебный механизм на сегодняшний день приобретает характер инстанции, призванной распределить все риски и последствия между сторонами процесса, а также определить итоговый вектор развития правоотношений сторон в правоприменительной плоскости несмотря на то, что в дальнейшем не исключается деятельность органов принудительного исполнения. Однако, активизация полномочий органов принудительного исполнения будет определяться результатом судебной деятельности, то есть в зависимости от содержания судебного акта и в чью пользу он был принят.

Несомненно, «в судебной деятельности не может быть места индифферентному подходу к дифференцированным правовым ситуациям»[1], особенно, учитывая совокупность различных фактических обстоятельств, характерных для каждой правовой ситуации. Кроме того, каждая ситуация требует индивидуального подхода с точки зрения применимого права.

Количество нормативных правовых актов различного уровня приобрело огромные масштабы. В отдельных случаях могут проявляться противоречия, коллизии в правовом регулировании. К тому же, для сферы гражданского права, в основе которого заложены механизмы автономного правового регулирования, характерно наличие многочисленных оценочных категорий, альтернативно-диспозитивных норм, что создает дополнительные сложности для суда при вынесении итогового судебного акта.

В указанных правовых реалиях заметно повышается значение судебного толкования и становится актуальным определение соответствующих пределов усмотрения.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова толкование определяется как «… высказывание, содержащее объяснение чего-н., отражающее точку зрения на что-н.»[2]. При этом толковать значит «давать чему-н. какое-н. объяснение, определять смысл чего-н.»[3].

Таким образом, в рамках толкования суду (судье) необходимо раскрыть смысл, вкладываемый в соответствующую норму, дать ей понятное и обоснованное объяснение. Толкование имеет значимые последствия для участников судебного процесса, так как от него зависит конкретное решение по делу и чьи правопритязания в итоге будут удовлетворены.

Исследователи неоднозначно подходят к определению понятия пределов усмотрения суда. К.П. Ермакова отмечает, что «пределами судебного усмотрения следует считать необходимые ограничения, гарантирующие применение данного института, в

---

[1] Юсупов М.-Б.Р. Проблема усмотрения суда по делам о взыскании убытков по замещающей сделке: на примере государственных заказчиков // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 10. С. 19.

[2] Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов / под ред. проф. Л. И. Скворцова. Москва: Мир и Образование, 2019. С. 1194.

[3] Там же.

части обеспечения правомерности и целесообразности принимаемого судом решения»[1].

С.Н. Купцова, напротив, коррелирует пределы усмотрения суда с соответствующими правовыми границами[2].

Как верно подчеркивается в юридической литературе представление о правильном толковании представляет собой теоретическую проблему в силу отсутствия универсальных критериев истинности толкования[3]. Действительно отсутствуют универсальные правила судебного толкования в силу множества различных сопутствующих факторов в рамках каждой судебной ситуации.

Представляется, что пределы усмотрения суда в рамках судебного толкования могут быть дифференцированы на две группы: общие и специальные.

К общим следует отнести пределы, которые функционируют независимо от суда (судьи) и установлены нормами позитивного права.

Общие пределы определяют нормативные границы деятельности суда (судьи) в рамках всего гражданского судопроизводства, но тем не менее, способны косвенно затронуть сферу судебного толкования.

В частности, допустимо выделить такие положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[4] (далее – ГПК РФ), как равенство всех перед законом и судом (ст. 6 ГПК РФ), независимость судей (ст. 8 ГПК РФ), осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ).

В свою очередь, специальные пределы имеют непосредственное отношение к сфере судебного толкования и способны ограничивать деятельность суда (судьи) при раскрытии смысла и объяснения конкретной нормы позитивного права.

---

[1] Ермакова К.П. Пределы судебного усмотрения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

[2] Купцова С.Н. Судейское право: общетеоретический и сравнительный аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Пенза, 2017. С. 9.

[3] Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2018. URL: https://msu.ru/upload/pdf/lsh2020/sh1320.pdf (дата обращения: 01.03.2026). С. 7.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=moy7pbon8v717242211 (дата обращения: 01.03.2026).

К специальным пределам можно отнести законоположения о подлежащей применению нормативной правовой базе (ст. 11 ГПК РФ), о возможных доказательствах (ст. 55 ГПК РФ), их относимости (ст. 59 ГПК РФ) и допустимости (ст. 60 ГПК РФ), оценки доказательств (ст. 67 ГПК РФ), законности и обоснованности судебного решения (ст. 195 ГПК РФ), пределах рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции (ст. 327.1 ГПК РФ), пределах рассмотрения дела кассационным судом общей юрисдикции (ст. 379.6 ГПК РФ), пределах рассмотрения дела судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации (ст. 390.13 ГПК РФ) и др.

Таким образом, усмотрение, проявляемое в процессе судебного толкования, ограничено определенными пределами, обусловленными как общими установлениями ГПК РФ ограничительного характера (общие пределы), так и специальными законоположениями, непосредственно связанными со сферой судебного толкования.

Пределы усмотрения при судебном толковании способствуют принятию судом (судьей) законного и мотивированного решения, обеспечивая соблюдения прав и интересов сторон гражданского судопроизводства.

Научное издание

СУДЕБНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Сборник научных статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – О.Я. Фоменко
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – М.Б. Жаренко

Подписано в печать 12.10.2026
Бумага офсетная
Печ. л. 12,13
Усл. печ. л. 11,28
Уч.-изд. л. 10,15

Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Печать трафаретная
Изд. № 1466
Тираж 50 экз.
Заказ № 2698

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571

e-mail: id-yug@id-yug.com Сайт: https//id-yug.com